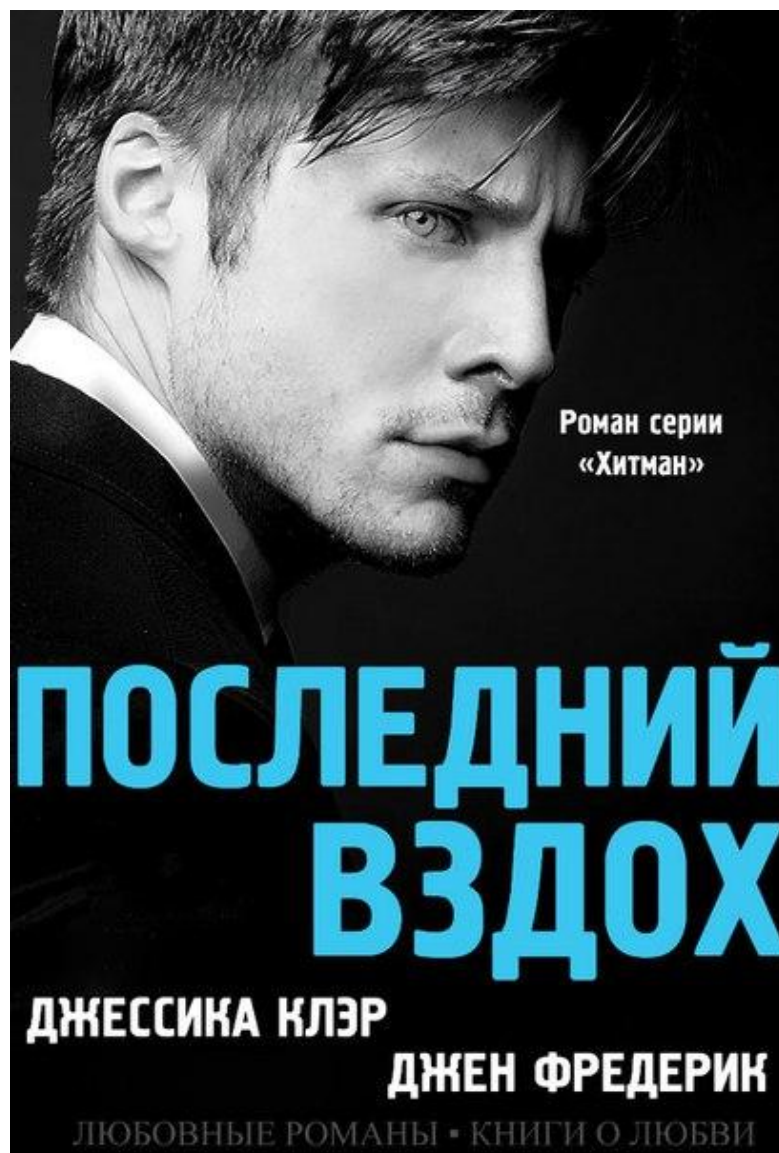

ВНИМАНИЕ!

*Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.
Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.
Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления
запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта
книга способствует профессиональному росту читателей.*

**Джессика Клэр
«Последний вздох»**

Оригинальное Название: *Clare, Jessica & Frederick, Jen - [Hitman 2] - Last Breath*
Джессика Клэр, Джен Фредерик – «Последний вздох»

Автор перевода: Анна К.

Редактор: Ольга С.

Вычитка: Настя З.

Оформление: Алёна Д.

Обложка: Ира Б.

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Аннотация

Рэйган

Я никогда не понимала, что такое страдание, пока меня не похитили за то, что я оказалась в неправильном месте в неправильное время. Спустя два месяца я оказалась в борделе Рио, где встретила Дениэла Хейза. Он пришел спасти меня. Но могу ли я доверять ему? Ведь всё, что я о нём знаю – он мастер саркастических острот и все споры решает оружием. Ещё он – единственный, кому я могу доверять, и знаю, как неправильно влюбляться в него, но ничего не могу с собой поделать. Он сказал, что будет защищать меня до последнего вздоха. Не знаю, должна ли я доверять ему, даже если когда-то смогу.

Дениэл

Последние полтора года у меня была всего одна цель – найти похищенную сестру. Я ушел из армии, став убийцей за деньги, и завел друзей среди преступников по всему миру. В каждом борделе и грузовике торговца людьми я отчаянно жаждал увидеть её лицо. И вот, в Рио я нашел Рэйган Портер. Она вся в синяках, но не сломлена и в здравом уме, несмотря на недели, проведенные в аду. Я должен покинуть её, когда доставлю домой, потому что последнее, что нужно нам обоим – это увлечься друг другом. Но с каждой следующей минутой я понимаю, что не могу позволить ей уйти.

Глава 1

Рэйган

Мужчина толкается в меня с ворчанием, и я чувствую его тяжесть на моей спине. Я смотрю в стену, вспоминая фильмы о зомби в алфавитном порядке. Мне нравятся фильмы ужасов, но я не могу вспомнить ни одного фильма про зомби, который начинается с буквы «А». «Может, Атака живых мертвецов?» Это похоже на название, но я не уверена.

Трахая меня, мужчина сжимает мою задницу и твякает что-то на иностранном языке. «Возможно, португальский?» Но я игнорирую его, продолжая перебирать список фильмов про зомби. «В нем, конечно же, есть Рассвет Мертвецов. Ночь живых мертвецов. Зомби по имени Шон. Земля Мертвых». Но я так и не могу вспомнить ни одного фильма на «А». «Аппарат мертвых? Анархия мертвых? Уверена, что есть ещё Возвращение живых мертвецов».

Кто-то должен заняться составлением списка фильмов на «А». Я переминаю руки на полу. «Хорошо, теперь я не буду думать ни о чем, кроме буквы «Б». О, Боже, я проигрываю в этой игре».

Клиент больно сжимает мои бедра, привлекая внимание к себе.

— Cadela? — рычит он и сильно шлепает меня, снова вгоняя в меня член.

Он намеренно пытается причинить мне боль, но последние несколько недель я на удивление хорошо отключаюсь от людей.

По крайней мере, в этой позе. А вот, когда они засовывают мне в рот свои обмотанные в гандоны члены, тогда мне трудно держаться и поддерживать свою умственную деятельность. Обычно из-за этого я кусаюсь. Большинство из них уже научились не совать свой член в рот американки, потому что она кусается. Но время от времени мне приходится напоминать им.

Мужчина снова выдает поток гневных слов и тянет меня за волосы, но я всё равно игнорирую его, потому что знаю, чего он хочет. Когда мужчины покупают меня, то хотят девушку, которая защищается. Ту, которая рыдает и кричит. Как мне сказала хозяйка борделя, в Рио полно шлюх, но намного интереснее трахать пленную американку, которая будет плакать и драться. В этом есть что-то особенное, и они дополнительно платят за это.

И именно потому, что они доплачивают, я изо всех сил игнорирую их, даже если мне очень больно.

Мужчина имеет меня и бьет так грубо, что я падаю на грязный матрас, который последние недели является моим домом с тех самых пор, как я уснула в России, а проснулась в Рио, побитая и с похмельной головой. Теперь мои владельцы – португальцы, а не русские, но моя лодыжка по-прежнему на цепи, которая прикреплена к стене так, чтобы я не могла сбежать.

Некоторые вещи не меняются.

Угрюмо прижимаюсь щекой к матрасу, и пусть он хоть разорвет меня, но я не стану обращать никакого внимания на запутавшуюся руку в моих волосах, которая слишком сильно оттягивает мою голову. Он хочет, чтобы я плакала и молила о пощаде. Но я не доставлю ему такого удовольствия. Поэтому я возвращаюсь к своей мысленной игре. «Где я там остановилась?» «Б»? «Так, подождите, Бесприданница реаниматолога. Кажется, был такой фильм. Теперь «В». Это легче, Враги живых мертвецов. «Г» очень легко».

Мужчина тащит меня за волосы и кричит, пытаюсь завладеть моим вниманием, но я не уступаю. Когда он притягивает меня к своему лицу и что-то кричит, я выдаю ему тонкую страдальческую улыбку, проклиная его. «Черт бы его побрал. Он не получит моих слез».

Вначале я много плакала и никак не могла понять, что это происходит на самом деле. Что я такого сделала, что меня похитили, будто я пустое место.

Всё, что я сделала – это подвезла свою соседку Дэйзи до работы и поехала домой, учиться. Ещё я взяла её телефон, потому что потеряла свой. А Дэйзи должна была позвонить мне, когда закончит работу.

Через час, как я высадила её, в дверях появились двое мужчин. Очень высокие и устрашающие незнакомцы в костюмах с холодными глазами. Один был огромным блондином, а другой стройным уродцем. Оба говорили с сильным акцентом, характерным для Восточной Европы, но я тут же пожалела, что открыла дверь. Хотя к тому времени было уже слишком поздно. Они ввалились в квартиру и связали меня, заткнув рот, запихали в машину. Через полчаса мы прибыли на заправочную станцию, где работала Дэйзи. И её они тоже схватили.

Позже мне сказали, что парень Дэйзи спутался с плохими людьми, и именно поэтому её похитили.

А меня? Потому что у меня был её телефон и красивый рот.

Нас доставили на частный самолет, где меня изнасиловал уродливый мужчина. Юрий. Я недолго боролась с ним, но наркотики ввели меня в ступор. Полагаю, его не волнует, сопротивляется девушка или нет.

Это всё, что я помню. Через два дня я вышла из наркотического опьянения и поняла, что всё еще под контролем Юрия. В маленькой комнате номера гостиницы я была с Юрием и одним из его друзей, который тоже меня насиловал.

Я ненавидела себя за то, что позволяла ему делать с собой такие ужасные вещи. Я не была девственницей, но такого сексуального опыта у меня не было. Кроме моего парня Майка, секса у меня ни с кем не было, а теперь меня насиловали сразу двое мужчин.

Юрий так и не вернулся, а только его друг. Снова изнасиловав меня, он одел мне на голову мешок, накачал наркотиками и запихал в машину. Казалось, меня похитили ещё раз и вывезли из штатов, а этот человек украл меня у моих первоначальных похитителей. Дерьмо окружало меня.

Следующее, что я помню – как проснулась в русском борделе, прикованная к стене.

Я была в ужасе не только за себя, но и за бедную Дэйзи, которая была такой невинной и ранимой. Она неизвестно где, и скорее всего, проходит через тот же ад, что и я. Или, возможно, уже мертва.

Сначала я твердила себе, что нас кто-нибудь найдет. Ведь не может же Рэйган Портер – американская студентка колледжа штата Миннесота просто исчезнуть с лица земли и никто не будет её искать. Сейчас я уже не та девочка, чей самый большой страх – сбить оленя на ночной трассе.

Я себе говорила, что поиски меня и Дэйзи могут занять много времени. Полицейские обязаны искать двух американских девушек, которые пропали, не так ли? Мой парень Майк не бросил бы меня. Так же, как моя семья и друзья.

Так, я цеплялась за надежду.

Первую неделю в борделе я постоянно плакала и надеялась. Плакала каждый раз, когда мужчина касался меня, и каждое изнасилование было, будто впервые. Плакала каждую ночь, кусая костяшки пальцев, и пыталась заглушить свои рыдания. Я сопротивлялась каждый раз, когда меня касались, ведь если перестать бороться, это будет уже не изнасилование, да?

Однажды я перестала плакать, когда поняла две вещи.

Я поняла, что никто не придет. Ни Дэйзи. Ни Майк. Никто. Они оставили меня гнить здесь. Наконец, до меня дошло, что никто, никогда, не найдет меня.

А еще я поняла, за что платят мужчины, трахающие меня. Им нравилось, когда я плакала и сопротивлялась. Они тащились от этого так же, как от собственного члена внутри меня.

После этого я научилась скрывать свои эмоции, мысленно закрываясь от того, что происходит с моим телом, и защищала свой разум. Они могут иметь мое тело сколько угодно, но это всё, что я им позволю. Я отвлекала себя, переписывая сценарии фильмов ужасов в голове. Меняла местами моих любимых актеров и переигрывала сценарии в своем сознании. Я придумала игру с алфавитом, перебирая персонажей и фильмы на разные буквы.

Делала всё, что угодно, чтобы сохранить дистанцию между собой и тем, что происходило с моим телом.

В конце концов, всё было не так уж и плохо. Мне так казалось. Если я не обращала внимания, то не запоминала лиц. Не запоминала, как меня били по лицу и кричали, чтобы вызвать сопротивление. Я почти забыла, что моя лодыжка прикована к стене и что я пленница. Я жила в своей голове.

Еще я не позволяла себе думать о мужчинах. Они были ничто для меня.

Если они хотят борьбы, я не дам им причины насладиться. Новая Рэйган не борется и даже не обращает внимания.

Правда, иногда они более жестоки. Как сейчас.

Мужчина хватает меня за волосы и тянет к моим коленям, крича матом мне в лицо. Он бьет меня по лицу, и я чувствую вкус крови.

Я хочу выцарапать ему глаза, но и он хочет этого. Хочет борьбы. Я всегда нахожусь не в самом выгодном положении, когда имею дело с такими людьми. Ведь если бороться, то в итоге, я окажусь прижатой к стене, где меня еще сильнее изнасилуют. Борьба – это не выход.

Обычно.

Мужчина наклоняется ко мне. У него некрасивое лицо, выжженное солнцем, густые брови, и он пахнет потом.

— Ты, — говорит он, запинаясь от английских слов. — Ешь мой член.

— Они не сказали тебе? — говорю я. — Я кусаюсь, — и клацаю зубами.

До этого я укусила двух мужчин, и они решили предупреждать клиентов.

— Твой проигрыш.

Мужчина некрасиво скалится, сокращая расстояние между нами. Он достает пистолет, возводит курок и подносит его к моему виску.

В ужасе воздух с шумом выходит из моих легких.

Ему нельзя быть с пистолетом здесь, а мне нельзя получить травмы от клиентов. Хотя конечно, уже слишком поздно спорить об этом.

— Сейчас страшно? — спрашивает он. — Ешь мой член. Не кусай. Я заплатил хорошие деньги.

И он сильнее вдавливают в мой висок дуло пистолета. Его рука тянет мои волосы, направляя меня вниз.

Мне всё ещё хочется жить. Слезы, которые я ненавижу, стекают по моим щекам.

— Пожалуйста, не убивайте меня.

Его улыбка становится шире, и он снова направляет мое лицо к своему обернутому в гандон члену. Я не сопротивляюсь.

После того как он ушел меня вырвало всем, что было в моем желудке в ведро, куда я писаю. Я сворачиваюсь калачиком на своем матрасе и плачу, глядя в стену. Это мое освобождение. Я стараюсь думать о фильмах про зомби на букву «Г», но мой разум сейчас в шоке. Пистолет у моего виска. С трудом сглатывая, я думаю о щелчке курка.

Когда я глотаю, то это напоминает мне о его вкусе — смесь пота и латекса, которая, кажется, прожигает дыру в моем сознании. И я снова мчусь к своему ведру.

Через несколько минут, как меня вырвало во второй раз, кто-то подходит к двери. Стук и дверь со скрипом открывается:

— Рэйган?

Это одна из тех, кто здесь работает. Альма. Она добра ко мне. Я сажусь прямо и убираю волосы с лица.

— Привет.

Оглядываясь с тревогой, она разглаживает свою серую униформу горничной. Женщина носит её каждый день и очень нервничает, что говорит — это всего лишь уборщица.

— Сеньор Гомес послал меня. Он сказал, ты встретишься с его особым другом, когда тебя помогут.

— О, Боже, — говорю я упавшим голосом.

Я знаю, что это значит. Этого человека я вижу даже в своих кошмарах.

Я не знаю его имени, но впервые увидела его в России. Там я работала в борделе со своими клиентами, когда встретила мистера Фриза.

Мистер Фриз был другим.

Сначала, когда он вошел в комнату, я была рада его видеть. Он выглядел, как американец, и что еще лучше говорил с гнусавым акцентом, который я отнесла бы к Новой Англии. А раз он был американцем, то он здесь для того, чтобы спасти меня, не так ли? И тот факт, что он был бледным и холодным блондином, не подсказывал мне, что я ошибаюсь. Так же, как и то, что на нем был одет дорогой костюм, и его сопровождал довольно пугающий телохранитель крупной формы и прикрытыми глазами. Мне все равно, кто он и с кем, если вытащит меня отсюда.

Он вошел в мою комнату, и в его глазах свернула вспышка интереса при виде моего угла.

— Встань так, чтобы я мог рассмотреть тебя.

Мое сердце упало вниз. Это не были слова человека, который пришел бы спасти меня.

Так что я проигнорировала его. Страшно мне или нет, но я не устраиваю представления для мужчин.

Это было ошибкой. Бандит сразу же бросился ко мне, схватив меня за волосы, и поставил на ноги. Я кричала, но никто не пришел, чтобы узнать, что не так. Никого не заботило, что случится со мной, когда здесь Фриз.

Вскоре я узнала, что никто не подходил к мистеру Фризу. Все были в ужасе от него.

Мужчина натянул резиновые хирургические перчатки и стал осматривать меня, словно скаковую лошадь. Пока его телохранитель держал меня в вертикальном положении, его рука скользила вниз по моим ногам. Он проверил мои бедра, кисть, ребра и грудь. Заставив меня открыть рот, он, к моему удивлению, вытащил фонарик и осмотрел мои зубы.

— Это настоящие зубы? — спросил он. — Ты чистишь зубы дважды в день? И душ принимаешь?

— Отстань.

Он ударил меня по лицу и схватил за подбородок, не заботясь о крови, бегущей из моей разбитой губы.

— Отвечай мне.

Я не ответила, а вместо этого попыталась укусить его.

Фриз снова ударил меня, и на этот раз меня зашатало.

— Отвечай мне. Бреют ли они тебя или удаляют волосы лазером?

Подняв мою руку, он рассмотрел подмышку и наклонился, чтобы изучить мои лобковые волосы.

— Натуральная блондинка. Это хорошо.

Звучало так, будто я не настоящий человек, а кукла, которую он изучал перед покупкой. Или автомобиль.

— Хочешь проверить мои колеса, прежде чем проехаться по кварталу на моей заднице?

Отстранившись, мужчина холодно посмотрел на меня, и я сразу поняла, что допустила ошибку. Теперь я умру.

Когда-то я хорошо бегала.

Но Фриз только посмотрел на своего телохранителя и кивнул. Тот отпустил меня. Я опустилась на пол, обняв себя в ожидании неизбежного изнасилования.

Но его не было. Фриз и охранник долгую минуту говорили на русском языке. Слова звучали странно, но они не пытались их исправлять. Когда телохранитель развернулся, мистер Фриз уставился на меня своими холодными глазами и наблюдал за мной.

Через несколько минут русская мамка вошла в комнату вместе с телохранителем, и она явно нервничала.

— Эта, — сказал мистер Фриз по-английски. — Мне нравится. Я беру её.

— Пошел ты.

Я сплюнула в угол комнаты. Он здесь не за тем, чтобы спасти меня, а только трахнуть. Чертов мудак.

— Очень хорошо, — проговорила мамка. — Вы знаете её цену.

— Цена достаточно высока для той, что кусается, — сказал он с холодком в голосе.

— Она недавно пыталась укусить меня за палец.

Мамка замерла, как вкопанная, и бросила на меня убийственный взгляд. Я буду наказана и знала это.

— Вы знаете, каких девочек я люблю, — сказал он.

Они все еще говорили по-английски. Значит, он хотел, чтобы я это слышала.

— Чистых и сломленных. Эта не чистая и не сломленная.

— Мы почистим её.

— И? — ждал он.

— Я знаю, куда нам её отправить, — быстро сказала мамка. — Отдадим её на месяц сеньору Гомесу, и она станет нежной как котенок.

— На месяц, — соглашается мужчина. — А до этого я хочу, чтобы ей чистили зубы трижды в день. Добавляли витамины в её еду. Ежедневно купали и брили дважды в неделю. Никаких побоев в лицо. Презервативы с каждым клиентом. И никаких наркотиков. Даже если она сама попросит.

Мамка кивнула.

Мистер Фриз поднялся на ноги и вышел из комнаты:

— Я вернусь, чтобы проверить её.

После той ночи я поняла, что мистер Фриз помешан на блондинках, и я ему понравилась. Удачливая я, удачливая.

Пока я была в России, он еще раз вернулся, проверив мои зубы и тело. Я пыталась снова укусить его, когда он сунул свои пальцы мне в рот.

В следующие недели всё изменилось. Через три недели в бордель за мной пришли люди со шприцами лекарствами и засунули мою голову в мешок. Я была в ужасе. Думала, что я перестала приносить пользу в качестве любимой пленницы американки, и теперь они собираются меня убить.

Я могла бы сопротивляться, но наркотики начали действовать раньше, чем поняла, что происходит.

Когда я проснулась, то оказалась в этой комнате с прикованной к стене лодыжкой и грязным матрасом в углу. Комната была не больше, чем гардеробная, с потрескавшейся плиткой на полу и уклоном в одном из углов, где был сток. Там в углу было ведро, чтобы я могла справлять свою нужду. Огромная коробка презервативов стояла перед постелью. На потолке были трещины, а окон не было совсем. Я неделями не видела солнца и задавалась вопросом, увижу ли я его снова.

Мои новые хозяева выдали мне одежду, хотя бикини в цветах американского флага, расшитое бисером и пайетками, вызывало зуд. Ещё они громко говорили на чужом языке. Подслушивая под дверью, я поняла, что теперь нахожусь в Рио-де-Жанейро.

И борделем в Рио управлял сеньор Гомес. Помню, как это имя упоминал Фриз.

Я стала в руках мистера Фриза новой маленькой игрушкой, которую послали в Рио. Но американская пленница слишком горячая киска, так что Гомеса или Фриза не заботило, кто меня трахает и портит.

Фриз посетил меня один раз, пока я была в Рио. Я кусалась и боролась, плюнув ему в лицо. Хотя, похоже, он не заметил. Он просто осмотрел меня своими холодными глазами, проверив зубы, настоял на том, чтобы воском моим бровям придали форму, и вышел.

Он ждал, пока я сломаюсь.

Клиенты в Рио не отличаются от русских. Они любят грубость и борьбу. Любят бить и хлестать девушку, прежде чем оттрахать. Я уверена, что эти люди в обычной жизни хорошие, и любят обниматься, но не в борделе сеньора Гомеса. Здесь они потому, что могут быть грубыми с девушками. А я здесь потому, что Фриз хочет сломать меня. Но я ещё не сломлена.

Я сижу в вертикальном положении, а Альма подходит ко мне с полотенцем и шапочкой для душа. Я уже привычно перехожу в угол комнаты к сливу настолько, насколько позволяет моя цепь. Сегодня не день бритья. Я надеваю шапочку на волосы, а Альма поворачивает шланг, который соединен с раковиной в комнате. Она опускает меня как животное, и я чувствую, как кусочек моей человечности умирает.

Клиенты платят и не хотят трогать грязную шлюху. Все используют презервативы не только потому, что так сказал Фриз, а потому что боятся подхватить что-то от моих предыдущих клиентов.

После этого ужасного душа я заворачиваюсь в полотенце, стараясь не думать, что оно пахнет чужими духами. Не хочу думать, сколько шлюх использовали его до меня. Я освобождаю волосы, и она протягивает мне мои американские стринги. Они порваны и испачканы, но я никогда не ношу их подолгу.

Я беру зубную щетку и пасту, послушно чищу зубы и сплевываю в угол. Невероятно, сплевывать, а не глотать.

Альма посылает мне виноватую улыбку, хватая полотенце и складывая его, тихо выходит из комнаты.

Я сворачиваюсь калачиком на матрасе, поджав ноги к груди. Скоро будет еще один мужчина, а потом Фриз, так что я наслаждаюсь минутой тишины, пока есть такая возможность. Мои губы немного опухли и болят с тех пор, как последний мужчина ударил меня. Морщась, я слегка касаюсь их кончиками пальцев.

Я поворачиваю голову к стене и думаю. Мои мысли наполнены мужчиной с пистолетом, который вынудил меня обслужить его. Снова чувствую дискомфорт в желудке, и меня мутит. Сглатывая, я заставляю себя думать про зомби-фильмы на «Д». Тут придется хорошо подумать. Может быть, что-то связанное с «другом» в названии.

Обдумывая это несколько минут, я вновь слышу стук в дверь и автоматически встаю на ноги. «Боже, надеюсь это не тот человек с пистолетом. Не думаю, что смогла бы пережить его дважды за ночь».

Дверь открывается, но это не Фриз.

Вошедший человек был неожиданностью. Его сопровождал сеньор Гомес, которого я до этого видела только раз, хотя много о нем слышала. Гомес осматривал меня, когда я приехала, и вышел, будто я – кусок собственности, которая его не интересовала.

Человек с ним высокий и красивый, одет в обычный костюм. У него хорошие каштановые волосы и острые глаза. По его чертам я уверенно могу сказать, что он – американец.

«Вот, черт. Только не снова. Только не еще один американский козел». Хотя неважно американец ли он, ведь всё равно меня оттрахает, как и все до него. Только на этот раз я буду понимать все дерьмовые слова, которые мне кричат в ухо.

А когда он кончит и уйдет, я буду чувствовать себя еще хуже и грязнее.

Он рассматривает меня, задерживая свой взгляд на моем звездно-полосатом бикини. И я ничего не могу поделать с собой:

— Что такое? — спрашиваю я. — Интернациональные киски не достаточно хороши для тебя?

Глава 2

Дениэл

«Она кусается» – это предупреждение я услышал, когда указал на зеленоглазую блондинку в книге шлюх мистера Гомеса. Качая головой, он говорит, что у него есть шлюхи намного лучше, согласные на любые извращения, которые я захочу. Он хвастается, что нет такого полового акта, который не смогли бы воплотить его шлюхи. Я говорю, что мне нравится домашняя кухня. Для техасца в Рио много красивых бразильских женщин, но иногда хочется врубить немного звездно-полосатого.

Мужчина кивает, будто для него это что-то значит. Думаю, только деньги, которыми я свечу, имеют для него значение. Мы поднимаемся на второй этаж, а затем вниз в узкий коридор в задней части этого кирпично-металлического здания, где нет окон. Я не могу назвать это ни домом, ни борделем. Это черное место, где глубоко извращенные люди с тонкими кошельками, могут удовлетвориться.

Я объясняю Гомесу, что не хочу здесь заниматься сексом. У меня есть предубеждения по поводу секса в таких дырах. Я махаю деньгами, и Гомес кивает, не задавая больше ни одного вопроса.

Мы выглядим странной бандой: я, Гомес и бордельная мамка. Он останавливается у предпоследней двери и вставляет ключ.

Я видел фотографии Рэйган Портер до справочной книги Гомеса, но ничего не могло подготовить меня к её натуральной и почти журнальной красоте. Она явно плохо питалась, так как тонкие кости угловато торчали на плечах, ребрах и бедрах. Но от её вида всё равно перехватывало дыхание. Её светлые волосы были мокрыми и обрамляли прядями её идеальный череп. Овальное лицо с розовыми скулами, пухлые губы и брови в разлет делали её похожей на произведение китайских мастеров фарфора на блошином рынке. Она такая стройная с волнующими изгибами от тонкой талии до округлых бедер. А ещё эти бесконечно длинные ноги.

«Черт». Я закрываю глаза и сглатываю. Ни один порядочный мужчина не мог бы стоять здесь и не думать об этих ногах, обернутых вокруг его талии. Но это непорочно. Я больше не снайпер в армии и не спецназовец Дениэл Хейз, которого когда-то превозносили за убийство повстанцев в Афганистане. Теперь я Дениэл Хейз – наемник, который убивает людей за деньги, а затем в свободное время тратит их в борделях и публичных домах, как этот. Теперь я даже не знаю смысл слова «порядочность».

Прошло уже много времени с тех пор, как у меня была женщина. И в этом мое единственное оправдание. Поэтому я и становлюсь монстром, на которого охотился. Я сосредоточиваюсь на синяках на содранных об пол коленках и цепи вокруг её лодыжки. Чувство возбуждения отступает перед очевидными признаками насилия.

Мельком взглянув на Гомеса, я удивляюсь, что он мог стать обладателем такой красоты как Рэйган Портер. Гомес был мелким работником, застрявшим в доме, полным шлюхами, у половины из которых не хватает зубов, а другая половина слишком старая и потрепанная.

Как правило, он получает поддержанных девушек, которых уже ни один другой дом не возьмет. Но Рэйган Портер великолепна, хотя и выглядит поношенной. Она – всё ещё модель с пухлыми розовыми губами и большими зелеными глазами.

— Хорошие сиськи, — ухмыляюсь я торговцу, подкрепляя его уверенность, что я такой же грязный, как и сам торговец.

Темнота просачивается сквозь мою кожу, как нефтяные пятна покрывают океан. Я не должен хотеть прикоснуться к ней, хотя если мне придется иметь её перед Гомесом, чтобы вытащить отсюда... Я даже не позволяю закончить себе эту мысль.

В её глазах все еще есть жизнь. Если она кусается и оскорбляет, значит, в ней ещё живет боевой дух. И я не хочу быть человеком, который задует это пламя. В её глазах столько ненависти. Если бы у неё был нож, она бы перерезала мне горло. Я смотрю в сторону не потому, что она чертовски красива, а потому, что она все еще стоит. Не уверен, что могу быть таким сильным. Не знаю, видит ли она восхищение или только похоть и деградацию, но что-то она видит. Невидимая струна натягивается между нашими взглядами, когда они встречаются, будто её поражает электрическим током.

В течение долгих месяцев я плаваю в лужах крови, смерти и омерзительных поступках. Я говорю себе, что сохраняю свой рассудок только благодаря душе, что как голубка еще трепещет. Считаю, что если сохраню хоть одну жизнь, то смогу немного отмыться. Хотя не думаю, что это будет учтено у ворот Святого Петра. Но эту ложь я говорю себе, чтобы спать по ночам и смотреть на себя в зеркало по утрам. Рэйган Портер станет либо частью моей попытки спасения, либо кровавыми строками на моей надгробной плите, если я потерплю неудачу.

— Она выглядит живой, — говорю я Гомесу, играя роль мудака-наемника, которому только что оплатили работу в этом богом забытом месте, и он хочет отпраздновать в узком кругу.

Гомес щурится на Рэйган, подсчитывая её стоимость. Теперь она дороже, ведь я готов много заплатить за неё, но Гомесу не совсем непонятно почему.

— За двадцать пять тысяч можно купить гарем. Её киска не из золота. Позвольте мне познакомить вас с другими, — стонет Гомес.

Не знаю, почему он так цепляется за неё. Но вижу, как он разрывается между желанием моих денег и желанием оставить Рэйган в борделе.

— Я предпочитаю домашнюю кухню, — говорю я.

На самом деле Гомес и не ожидает ответа. Покупка и продажа людей требует определенной свободы действий, даже здесь в Бразилии, где проституция легализована, но не такие дома. Гомес и я молчаливо смотрим друг на друга, пока на фоне звенят цепи грязного американского флага. Не привлекая внимания, я молчаливо команду девушке.

Желание побить Гомеса так, чтобы его родная мама не узнала в кровавом месиве его лица, застилает мне глаза. Кулак в лицо, ботинок на член и сокрушить его. Однажды я провел восемнадцать месяцев в таких ужасных домах в поисках своей сестры. Она поехала на свои первые весенние каникулы и не вернулась. Я был снайпером в первом оперативном полку специального назначения сухопутных войск США «Дельта», когда пришло это известие. Я прибыл домой, чтобы обнаружить там свою обезумевшую мать и отца... Черт. Никогда не забуду его взгляд. Папа был закованным владельцем ранчо, которое досталось ему в наследство по крови. Он видел дерьмо и делал дерьмо, но потеря его девочки выбила его из колеи. Его глаза были пустыми, будто эта новость высушила его изнутри.

Я остался на ночь, а рано утром следующего дня он подвел меня к грузовику и сказал не возвращаться, пока не найду её. Я не нашел её и не был дома. Там не будет дома, пока я не верну её домой.

С тех пор как мою сестру похитили из Канкуна, я спас сотни девушек от сексуального рабства и перепродажи. Они были благодарны, травмированы и плаксивы. Но я ни разу не видел такой напыщенной. До Рэйган. Она выглядит так, будто готова откусить мою руку, если я попытаюсь приблизиться к ней.

У меня ушло около двух месяцев на её поиски после продажи в России, и это стало щелчком внутри меня. Но убийство Гомеса в припадке черной ярости не поможет мне ни сберечь Рэйган, ни найти сестру.

Жестикую в сторону Рэйган, я стараюсь ускорить эту сделку:

— Сейчас мы закончим разговоры. Дайте мне пальто для неё. Не могу же я взять её на улицу в таком виде. Черт.

Гомес высовывается в дверь и кричит кому-то, чтобы принесли Рэйган пальто на португальском:

— Depressa! Vai-me buscar um casaco.

Скрещивая руки, я вижу, как теряю секунды на этой сделке, пока мои пальцы находятся в паре сантиметров от пистолета в пальто. Я мог бы легко убрать Гомеса прямо сейчас, но поспешные решения только навредят моей ситуации. И я все понимаю. После убийства Гомеса на его место придет дюжина подобных ему, как армия крыс из канализации. Чтобы остановить что-то вроде этого, нужно найти источник крыс, оторвать ей голову и прижечь. Но к Гомесу я ещё вернусь. Не смогу спать по ночам, зная, что мог заткнуть это отверстие, мудака и демона подземного мира.

Бордельная мамка появляется в дверях с куском ткани в руках – тоненькой курткой, которая не прикроет даже верх бедер Рэйган. Я вырываю её из рук Гомеса. Больше он к ней не прикоснется.

— Идем, сладкие щечки, — командую я, щелкая пальцами в сторону Рэйган.

Она выпускает низкое и дикое рычание. Я хочу рассмеяться в лицо за то, что она выдержала его травлю, но не могу разрешить себе такое шоу. Гомес кивает головой, и мамка идет, чтобы снять цепь с её лодыжки. Когда оковы спадают, я вижу огромную коросту на её коже, удивляясь, что она не заражена. Внезапно содержимое желудка подкатывает к моему рту, и я прикрываю его рукой, чтобы скрыть это. Я хочу набросить на неё покрывало, расстрелять их всех и унести её прочь отсюда.

Это какая-то проклятая пародия. Мой голос становится резким и сердитым:

— Надень это.

Я бросаю ей куртку, и она почти рефлекторно ловит, но медлит одевать, будто я хуже самого дьявола. Гомес руками приказывает мамке, чтобы та помогла ей. Но я останавливаю её, поднимая руку вверх. Больше никто не прикоснется к Рэйган. В каждом её жесте и линии тела читается антипатия к куртке, брошенной мной. Мне не нужно бороться с ней. И честно говоря, я чувствую к ней жалость. Боже, она же просто девушка примерно двадцати лет, ведь столько же было и моей сестре, когда её похитили. Рэйган двадцать два, как сказал Ник. Ник – тот, кто послал меня сюда, чтобы вернуть её.

— Я не могу торчать здесь весь день, — я указываю на свои часы.

Они достались мне в награду за убийство одной семьи, которая имела наглость сказать мне «нет». Половину злобной репутации лучше заработать в подходящих ситуациях, чем парой пушек и десятком пуль. Хотя и они всегда со мной.

Я смотрю на Рэйган, но она все еще тянет время.

— Ты можешь либо остаться здесь, прикованной к стене, либо пойти со мной.

Это небольшая альтернатива, но я ставлю на то, что сейчас она обдумывает миллион способов сбежать от меня, когда мы окажемся за пределами этого места. Она кивает, но не мне, а будто принимает какое-то решение в своем сознании. Выйдя из комнаты, я принимаю такой вид, что не забочусь о том, следует ли она за мной. Гомес не двигается, а обменивается резкими фразами с мамкой на португальском языке, надеясь, что я не пойму. Но я понимаю. Возможность быстро и по команде выучить разные языки представилась мне в рядах Дельты. Я служил и в Португалии, и в Бразилии.

— Faz com que ela veste o casaco! — говорит Гомес, приказывая мамке помочь Рэйган надеть куртку.

— Eu no posso? Ela vai me arranhar, — отвечает мамка, отказываясь по причине того, что Рэйган поцарапает её.

Рэйган страшна, даже прикованная к стене. Её свирепость, как металл. Черт, да она почти вырвала цепь из стены. Некоторые девушки, которых я забирал из таких мест, были настолько сломлены, что не замечали ничего, кроме жестокого обращения. Некоторые возвращались обратно в бизнес, работая самостоятельно или на стабильную группу, потому что не смогли нормально жить. Несмотря на то, что ад — это норма, у меня нет хороших идей.

Я слышу шарканье позади меня и останавливаюсь. Шаги легкие, так что это не Гомес и не бордельная мамка.

— Ты не собираешься иметь меня, — шипит Рэйган за моей спиной.

Если бы я действительно был злобным техасцем и любителем домашней кухни, то сейчас бы дал наотмашь, но моим ответом будет не агрессия, а уход. Я хочу её встряхнуть и впихнуть в неё чертово понимание, чтобы облегчить нам обоим эту сложную минуту. Вместо этого я рычу, потому что в глубине души очень хочу показать, как она не права. В других обстоятельствах, если бы мы были одни в темном углу бара на родине, я прижал бы её к стене и рассказал, как сильно она бы хотела стать моей. Но она не принадлежит мне.

И мы не одни. А она — не девчонка из колледжа, проникнувшая через дыру в заборе на военную базу Форт-Беннинг, так что мне не зажать её в углу. Мне не скользить ногой между её золотых бедер и не целовать нежную кожу у основания её шеи. Я даже не оборачиваюсь на неё, предполагая, что это сделает её еще злее.

— Я кусаюсь и не плачу. Я буду блевать и ссать на твоих глазах.

«Господи Иисусе. У этой девушки стальные яйца».

— Не могу дождаться, куколка, — говорю я, бочком спускаясь по ступенькам.

Несмотря на все угрозы, Рэйган следует за мной. В конце я слышу разговор Гомеса и бордельной мамки. Впереди видна входная дверь и наша потенциальная свобода за ней.

— Ты все еще хочешь эту шлюху? — кричит Гомес. — У меня есть много других, ведь с этой будут проблемы.

Я смеюсь так, чтобы Гомес понял, что на самом деле мне совсем не смешно.

— Ты взял мои деньги, Гомес. Я не люблю киски других национальностей. Я беру эту девушку, хотя ты был бы счастлив и от четверти того, что я дал.

Мы останавливаемся у входной двери. Рэйган перестает шипеть оскорблениями, потому что ошеломлена возможностью побега.

— Как долго ты будешь держать её?

Поворачиваясь к Гомесу, я кладу руку на входную дверь. Здесь внизу намного опаснее. У Гомеса стоят охранники у дверей внутри и снаружи. Он может доставить мне лишние проблемы, которые мне вовсе не нужны в этом сортире.

— Ты думаешь, я столько заплатил за неё, чтобы привести обратно после одного вечера?

По нахмурившемуся Гомесу ясно, что он думает, будто она вернется завтра. Я качаю головой. За те деньги, что я дал ему, он должен рассчитывать, что я буду трахать Рэйган до смерти.

— Она вернется, когда мне будет хорошо, и я буду готов вернуть её. Я заплатил столько не за одну ночь.

— Что ты собираешься делать с ней?

— Какая разница? — нетерпеливо спрашиваю я.

Рэйган дрожит под курткой, и её оковы выбивают ритм. Должно быть, её ногам холодно на красной глиняной черепице. Снаружи будет теплее, хотя как только мы выберемся, я найду ей какие-нибудь туфли.

Гомес выглядит немного больным:

— Она нужна мне.

Я качаю головой:

— Ты заставляешь меня беспокоиться о её местоположении, а должен беспокоиться о том, что распространяешь рассказы о своих товарах в опасных местах. Там, где, возможно, федеральной полиции придется обратить на это внимание. Не будь говнюком и не рушь всё нам.

«И говоря «нам», я имею в виду тебя, мужик».

Я смотрю на двух мускулистых подтянутых громил, стоящих у дверей комнаты, которая служит Гомесу офисом и шоу-румом. Там у него толстый красный ковер весь в пятнах. Не знаю, это сперма или кровь, но я рад, что был в обуви, когда заключал сделку с Гомесом полчаса назад. Положив руку на ручку двери, я посылаю каждому спокойный взгляд:

— Мы закончили.

Гомес смотрит на своих головорезов, а потом на меня. «Что во мне не нравится Гомесу? Может, он думает, что теряет ценный кусок собственности?» Мысли в секунду мелькают на его лице, а я слегка оттягиваю свой пиджак, чтобы иметь свободный доступ к пушке, на всякий случай. Жлобы двигаются от комнаты Гомеса к передней двери. Напряжение становится всё сильнее, как густой смог, стоящий над трущобами. Я просчитываю порядок своих действий. Гомес не выглядит вооруженным. Он одет в тонкую рубашку из панамского хлопка и мятые льняные брюки, забрызганные до лодыжек. Хлопок позволяет понять, что он не прячет пистолет на талии или за спиной. Возможно, он есть на лодыжках, но я достаточно быстро стреляю, так что он будет мертв к тому времени, как наклонится. Я отмечаю мамку. Моя забота только два накачанных парня. Проход к лестнице слишком узок, и мы зажаты в фойе. Если начнется перестрелка, мы все поджаримся. Знаю, что Рэйган не хочет, чтобы я касался её, но мне нужно подать какой-то сигнал, чтобы она стояла за мной.

— Я волнуюсь за тебя в трущобах, — говорит Гомес.

Он машет рукой, и один из громил делает шаг вперед.

— Рикардо проводит тебя, чтобы убедиться, что ты безопасно попадешь в свой отель.

Или он выстрелит мне в спину и вернет белобрысый американский приз на место. Нет, этого не случится. Но мне необходимо выйти из дома. Рикардо может быть убран только снаружи. Без сомнения, на улице будут другие головорезы, с которыми планирует встретиться Рикардо, но снаружи у нас всё равно больше шансов.

— Всё равно, — отвечаю я и с силой распахиваю дверь.

Которая бьет Рикардо в нос, и он матерится. За спиной я слышу сдавленный смешок. «Хорошая девочка», — думаю я. И выхожу на улицу с Рэйган, наступающей мне на пятки.

Глава 3

Рэйган

Не могу сказать, счастлива ли я или в немой панике. Впервые за почти два месяца ужасная цепь спала с моей лодыжки, и я получила куртку. В ней не тепло, но она скрывает почти всё до бикини и заставляет меня чувствовать себя почти человеком. Мы идем на улицу. Я должна быть в восторге.

Но я не могу избавиться от ощущения, что попала в еще большую беду, чем раньше. Они никогда не выводили меня из моей комнаты. Никогда. Тот факт, что они расковали меня и позволили выйти с этим сладко говорящим американцем, который выглядел белой вороной, могло означать только одно: он меня купил.

А это может быть очень, очень плохо. Никому не нужна шлюха дольше, чем на одну ночь. Я оглядываюсь на Августину – мамку и сеньора Гомеса. Они едва ли выглядят довольными. Я вижу страх на лице Августины, и чувствую, как паника вращается в моем желудке.

Этот человек хуже, чем место, которое я только что покинула. Я знаю это и уже начинаю это подозревать из-за взгляда Августины. Я – живой мертвец. И я с трудом сглатываю. Я мечтала о свободе, но не такой, в которой я захотела бы умереть. Ведь я хочу жить. Всегда.

Американец продолжает быстро переругиваться на португальском с сеньором Гомесом. Они спорят о чем-то, пока мы спускаемся вниз по лестнице. Я иду, не обращая внимания на ледяные полы под моими босыми ногами и то, что почти раздета. Что же произойдет со мной, когда меня продали еще раз.

Уверена, ничего хорошего.

Если я хочу выжить, мне нужно сбежать от этого мужчины. Сбежать от всех: Гомеса, Августины и этого американца в костюме. Каким-то образом мне нужно выбраться и бежать. Бежать, пока не найду кого-то, кто сможет отвести меня к ближайшему американскому посольству.

Гомес говорит еще что-то, и Рикардо – огромный верзила, который работает в борделе, шагает вперед. Я обслуживала его до этого и ненавидела его нутро. «Он что идет с нами?» Похоже, именно так, он следует за нами, но американский мудака не особо этому рад. Он с силой открывает входную дверь и бьет ей Рикардо прямо в нос.

Я не могу сдержаться и фыркаю, смеюсь. Мне нравится видеть, как больно этому козлу. Это греет мне душу. Я бы выцарапала им всем глаза, если бы могла.

Американец поворачивается ко мне и приподнимает бровь. И я принимаю вызывающий вид:

— Ты собираешься убить меня?

Он смотрит на всех, стоящих поблизости. Они ловят каждое слово.

— Не сегодня, — говорит мужчина.

Это не очень-то обнадеживает.

Я перекрещиваю руки на груди:

— Куда мы идем?

Я не перешагиваю порог, хотя уже вижу грязную улицу снаружи. Каждая клеточка кричит мне, что нужно уносить отсюда ноги.

— Это прекрасное маленькое местечко, которое я называю «Заткнись» и «Не Задавай Вопросов». Иди уже, — он жестом указывает на открытую дверь и в его голосе слышится сталь. — Оставайся рядом со мной. Тебе не понравится, если мне придется тебя догонять.

Зловещие слова, но я его не боюсь. «Разве может случиться что-то ещё хуже? Хуже, чем застрять здесь и сосать члены незнакомцев? Закончить жизнь в неглубокой могиле?» Я чувствую, что это мой единственный вариант. Невозможно угрожать тому, кому нечего терять. Час назад я боялась за свою жизнь, но если пойду с этим человеком, я, так или иначе, потеряю её. Перепуганные взгляды Августины в мою сторону были реальны. Она думает, что я уже мертва.

Мне нужно что-то сделать. Открытая дверь так близко, и это вызов, которому я не могу сопротивляться. Я делаю несколько шагов за человеком в костюме. Он высокий и гладко выбрит. Я бы даже назвала его достаточно красивым, если бы он не пришел в бразильский бордель, чтобы купить меня. А так как он здесь, у него абсолютно точно есть сексуальные отклонения.

Когда мы выходим на улицу, шквал ощущений обрушивается на меня. Узкие улочки в тесных бессистемных трущобах. Ночной воздух прохладный и свежий с тонким запахом мусора. Я чувствую, как трепещет ветер мои волосы, и чуть не давлюсь слезами. Побег и свобода настолько близко, что я могу потрогать их руками. Я вся дрожу, и пальцы моих ног сворачиваются на грязной замусоренной мостовой.

— Замерзла, дорогая? — спрашивает американец, укладывая свою большую руку мне на плечи.

В конце улицы я вижу такси, ожидающее нас, к которому он меня подталкивает.

Я спотыкаюсь и высвобождаюсь от его руки:

— Не прикасайся ко мне.

Когда я поворачиваюсь, то вижу, как Рикардо двигается вперед. Его рука в кармане куртки. Американец явно использует меня, как отвлечение. Прежде чем я до конца понимаю, что происходит, рука американца с пистолетом направляется в лоб Рикардо.

— Нет, — тихо говорит американец, сосредоточиваясь на лице американца. — Даже не думай об этом, если не хочешь, чтобы твои мозги оказались на асфальте. Брось его на землю.

Я замираю на месте, наблюдая за мужчинами. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была о том, что, если бы у меня был пистолет, у меня была бы сила. Просто размахивая пистолетом, можно заставить делать человека что угодно. А я так устала быть не с той стороны пистолета. Однажды я буду тем, кто держит оружие, а кто-то будет плакать и просить меня не причинять вред. А я подумаю об этом.

Мне нужно быть быстрее. Американец настолько быстр, как смерть. Он двигается быстрее, чем я могла бы представить.

Я умру, если пойду с ним.

Рикардо медленно лезет в карман, достает пистолет и роняет его на землю, не сводя глаз со ствола, направленного на него. Я вижу, как американец наклоняется, чтобы подобрать пистолет, и весь магазин пуль осыпается на землю. Еще два быстрых движения, и от пистолета отделяется еще какая-то запчасть. Он остается лежать на земле как расчлененное животное. Так же, как и Рикардо.

Минуту я смотрю на это и бегу. Бегу так, будто все бесы мира хватают меня за ноги. Не к такси, как хочет американец, а вниз по улице к трущобам. Дома здесь узкие и тесно стоящие, как и улицы. Затерявшись в лабиринте, чтобы уйти от бордельного громилы и американского психопата, я окажусь в безопасности.

Я ринулась вниз по переулку, хлопая босыми ногами по бетонной мостовой.

— Эй! — орет американец в след. — Стой!

Я не останавливаюсь. Я не дура. Поворачивая к усыпанной мусором аллее, я бегу, как никогда раньше. «Я свободна» — это вспыхивает в моем мозгу с каждым ударом ноги об асфальт. «Я свободна! Свободна!»

Грубые руки хватают меня за талию и грубо тянут в сторону так сильно, что я падаю на землю, а сверху на меня хлопается мужское тело, сдавливая мои легкие. Я задыхаюсь от шока, пока крупный и плохо пахнущий мужчина давит на мое тело своим.

Его рука движется к моей шее и прижимает её плотно к земле. Я начинаю бороться. И через мгновение пистолет прижимается к моему лбу.

Это не американец, а кто-то другой.

Два пистолета у моей головы за ночь. Если бы я была в фильме ужасов, то сейчас бы кричала, как глупая героиня. Смех вырывается из моего горла и превращается в рыдания.

Мужчина держит руку на моём горле так, что мой желудок бунтует. Он бормочет что-то по-португальски и говорит что-то другу, который вытек из ближайшей тени. В их болтовне я вылавливаю слово «Гомес». Эти люди работают в борделе. Они вернут меня.

«Не свободна».

Громкий хлопок звучит в моих ушах. Человек надо мной сползает на землю. Второй хлопок, и я поворачиваюсь. И его друг тоже оседает на землю. Я шокировано моргаю, и моя грудь тяжело вздымается, пытаюсь накачать воздух в легкие.

Американец шагает с дальнего конца переулка, кидая мне раздраженный взгляд, пока перезаряжает пистолет и накручивает длинную тонкую штуку на его конец. Возможно, глушитель.

— Полагаю, что я должен поблагодарить тебя за помощь в избавлении от этих типов, но всё, что мне хочется сделать — это придушить тебя за твою тонкую шею. Можем мы закончить с этим дерьмом и наконец убраться отсюда? Я так же сильно люблю атмосферу этих трущоб, как сильно устал. Я хочу есть, мыться и послать эту ночь к чертям. Так что мы можем свалить уже, пожалуйста? — его голос перегружен сарказмом. — Или есть еще пара тупиков, которые ты бы хотела посетить голая и босая?

Мгновение я безучастно смотрю на него и качаю головой:

— Я в порядке, спасибо.

— Есть еще гениальные планы побега? — спрашивает мужчина, снимая глушитель с пистолета, и прячет его обратно в пиджак. — Я бы предпочел не проводить всю ночь в поисках твоей задницы, Рэйган.

Стервозная реплика готова сорваться с моих губ, когда я понимаю...

— Откуда... откуда ты знаешь мое имя?

— Я многое знаю о тебе. Что же ты думаешь, я ищу блондинок в трущобах Рио-де-Жанейро, потому что мне не с кем трахаться?

Он жестом указывает туда, откуда пришел.

— Пошли. Счетчик тикает.

Мужчина снова прикасается ко мне.

Поднимаясь боком, чтобы он не смог коснуться меня, а только к моей куртке, я смотрю на двух покойников у моих ног. «Я должна что-то чувствовать, глядя на них? Ужас, что они умерли у меня на глазах? Что в них стрелял этот человек, пока я была здесь?» Нет, всё, о чем могу думать – я была так близка к возвращению в бордель.

Этот мужчина знает мое имя. Он искал меня. Мое сердце глухо стучит внутри. Один. Два.

Возможно, меня не все забыли.

— Кто ты? — спрашиваю я, перешагивая через мертвое тело.

— Зови меня Дениэл.

Дениэл

Рэйган смотрит на меня так, будто я собираюсь её убить или затащить в такое место, рядом с которым бордель Гомеса покажется Диснейлендом. И я не виню её. Если бы она знала, в каких ещё направлениях я работаю. Она ничего обо мне не знает, кроме того дерьма, которым я фонтанировал, чтобы покрасоваться перед Гомесом. Судя по нему, я бы привел её в свой гостиничный номер и держал бы там, пока от неё ничего не осталось. Вряд ли она поверит, что единственное место, куда я собираюсь её отвести – это посольство США. Так что вместо того, чтобы тратить время на споры, я уйду. Действия сильнее слов.

Скорее всего, такси уже давно нет, а даже если бы и было, там слишком близко к борделю Гомеса. И он слишком заинтересован в её возвращении. Мысль о том, почему его не интересовала её продажа на пару ночей, не укладывалась у меня в голове. Ведь Рэйган не единственная блондинка в радиусе ста миль. Я даже не уверен, что у неё единственная киска, усыпанная звездами. Хотя она чертовски красивая, и возможно, вернувшись в бордель, она могла бы завоевать репутацию у экспатов, которые любят домашнюю еду. Но я платил не за то, чтобы думать. А за то, чтобы сделать.

Я обнаружил Рэйган после того, как обежал пол России, глупо заморозив свои яйца. Пока глава банды Петровича – мощнейшей российской криминальной организации, не узнал, что её доставили сюда. Василий Петрович сказал мне это случайно. Произошел какой-то инцидент. Василий прятал её в доме Петровича, только кто-то выкрал её оттуда и продал какому-то богатому чуваку в Рио. Когда я прибыл в Рио, она была уже не с богатым чуваком, а в борделе у Гомеса. Ещё одна неделя потрачена впустую. Мне просто нужно доставить её в посольство и вернуться к своей главной задаче – поискам моей

сестры. Василий дал мне совет: в Рио было послано несколько блондинок из Соединенных Штатов к какому-то парню. Возможно, одна из них моя сестра.

Должно быть, Петрович знал, что я ищу Рэйган с тех пор, как Ник стал мне типа другом, а Рэйган была лучшей подругой его девушки. Василий дал мне две части. Я должен был искать какого-то хакера, который называл себя Император, но это задание я отодвинул на задний план, пока не найду свою сестру.

Опасаясь меня, Рэйган идет на полшага позади меня. Вернее, я позволяю существовать этому расстоянию между нами. Теперь она больше боится выпрыгивающих из домов врагов, чем меня, и я не хочу это менять. Страх – хорошая вещь. Он делает всё более резким и осозанным. А беспечность делает нас мертвыми.

— Откуда ты знаешь мое имя? — повторяет девушка.

— Не задавай мне вопросов, и я не буду тебе врать, — колко отвечаю я.

Она кривит губы на меня, передавая презрение к моему чувству юмора. Но я ничего ей не говорю. Кто знает, что она расскажет в консульстве США. Если она умна, она расскажет им всё, включая, как высокий парень в черном костюме убил двух бразильцев в трущобах. И тогда я смогу добавить американских военных в список тех людей, кто хочет видеть меня мертвым. Список длинный и разнообразный, но я до сих пор жив в отличие от большинства в нем.

Бороться с желанием смотреть на неё оказывается сложнее, чем я ожидал. Пока мы идем вниз по склону, несколько мальчишек позволяют себе улюлюкивания в её сторону. Это заставляет её вздрогнуть и ближе прижаться ко мне. Я незаметно веду её. Только свет от домов и случайных уличных фонарей освещает наш путь. Грязь и беднота вокруг больше походят на эксцентричность, чем на убожество. А Рэйган Портер выглядит как блестящий камень в алмазной шахте. Я не могу оторвать от неё свой чертов взгляд.

Может, она послана мне в качестве кармического наказания. Ты можешь смотреть, но не можешь трогать. И что хуже, ты не должен смотреть.

Несмотря на всё, что Рэйган пережила, она обладает магнетическими свойствами. Её светлые волосы высушены и облаком обрамляют её лицо. Ни грязь, ни раны не могут скрыть это овальное совершенство с высокими скулами и пухлыми губами. Моя рука по собственной воле поднимается, чтобы заправить пару прядей волос за её маленькое ушко. Она дергается от меня с широко раскрытыми глазами, раздувая ноздри как испуганный мустанг, которого я взял, чтобы приручить.

Но мой член берет верх, заполняя меня неприемлемыми мыслями о её розовой бледности и этих длинных белых волосах на моей груди. Как эти пухлые губы стали бы

идеальным кругом для моего члена. «Я такой гребаный мудака». Сжимая руку, я заставляю себя опустить её. «Не время и не место, Дениэл. Черт, не время и не место».

— Поторопись, блять, — лаю я.

Она вздрагивает, что помогает мне подавить мои необдуманные желания. Мне не нужны девушки, которые не хотят меня, и уж точно не нужны те, кто боится меня.

Но я ведь не единственный, кто обращается к ней. Мне следует надеть ей на голову бумажный пакет, хотя я по-прежнему мог бы видеть эти длинные ноги, сексуальные изгибы талии и холмики под тонкой тканью её куртки. Хорошо, что ночной воздух такой теплый. Потому что этот купальник и салфетка, которую мы называем курткой, не очень-то её защищают. Я даже не могу предложить ей свой пиджак, потому что под ним прячу пушки. Но вот, с отсутствием обуви я могу кое-что сделать.

Её ноги грязные из-за дома Гомеса и из-за этой дороги. Я не ожидал, что она побежит в трущобы. Думал, посадить её в такси, высадить у посольства и покончить с этим.

А теперь мы идем по переулкам, привлекая все нежелательное внимание, а я не могу думать ни о чем кроме, какими нежными будут её ножки, если их отмыть от грязи. Внезапно я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней лицом. Она издает тихий звук, будто раненый зверёк. «Интересно, она думает, что я стану её иметь прямо здесь, бросив на землю?» Тяжело и разочарованно вздыхая, я опускаюсь на колени, чтобы развязать ботинок и снять носок. Я засовываю голую ногу обратно в ботинок из дорогой кожи и повторяю эти действия с другой ногой. Приподнимаясь на одно колено, я жестом прошу её поднять ногу вверх.

— Я собираюсь отчистить твою ногу, хорошо? — спрашиваю я, похлопывая себя по колену, чтобы она знала, куда поставить ногу.

Глядя на неё снизу вверх, я замечаю, как расширяются от удивления её большие зеленые глаза. Или от подозрения.

— Слушай, куколка, у меня нет никаких странных фетишей относительно носков.

Её губы дрожат, а в глазах собирается вода. «Вот, дерьмо». Она собирается плакать, а мне это совсем не нужно. Так что я снова вытаскиваю из себя мудака, чувствуя, что ей лучше рычать, чем плакать перед хорошим парнем.

— Я устал слышать твои хныканья, пока мы идем. Если ты собираешься стоять и плакать, я могу вернуть тебя обратно.

Как я и подозревал, к ней возвращается стальной стержень, и Рэйган снова становится жесткой. Подняв ногу, она рукой опирается мне на плечо. Несмотря на пиджак

и рубашку, я чувствую горячий импульс от своего плеча до паха. Ненавижу себя. Я действительно себя ненавижу.

Становится только хуже, когда её длинная нога размещается на моем колене. Пальцы чешутся от желания провести по её нежной лодыжке. Всё мое тело, будто горело в огне. Я заслуживаю её отвращения, потому что она не единственная, кто стал жесткой. Существует столько вещей, которые я бы хотел сделать, стоя перед хорошенькой девушкой на коленях. Вещей, которые я не делал долгое-долгое время.

Я осторожно очищаю её ногу от грязи камешков. Время идет, пока я быстро просовываю свой палец между её пальчиками. И хотя лодыжка не испачкана, я быстро прохожусь по ней прежде, чем натянуть носок. Достав из кармана стяжку, которую обычно использую для пленников, я фиксирую носок. Я слышу вздох надо мной, а её пальцы давят мне в плечо. На минуту мне кажется, что она собирается взлететь, но я не поднимаю глаз. Ни разу. Потому что если я подниму, то увижу её мягкие бедра, скрытую между ними киску и её грудь. И когда я посмотрю на её лицо, она увидит вожеление в моем взгляде, а это веский аргумент к побегу. Так что я сосредотачиваю свой взгляд только на ногах.

— Так носки будут держаться на лодыжке крепче, — объясняю я.

Она не шевелится, и я сильнее затягиваю стяжку.

Затем она меняет ноги без моей просьбы. На этой лодыжке струпья от раны. Она выглядит плохо и болезненно, но не заражена. Рэйган очень повезло. С такой позиции я вижу отпечатки рук на её бедрах, и мое возбуждение быстро отмирает. Эта девушка перенесла столько надругательств над собой, что было бесчеловечно причинить ей еще хоть какую-то боль. Я убью человека, который оставил эти следы на ней. Перед тем как покинуть Рио, я найду его, отрежу его член и заставлю сожрать. Весь дюйм за дюймом. А процесс сфотографирую и отправлю Рэйган.

Торопливо отчищая ногу, я надеваю носок и снова фиксирую стяжку. Я украдкой смотрю на неё. Она выглядит злой и смущенной. Но ей не нужно стыдиться передо мной.

— У тебя довольно накачанное тело, Рэйган.

— Пошел ты, — говорит она. — Я убью тебя из твоего же пистолета, прежде чем ты хоть пальцем меня коснешься.

Мы оба знаем, что у неё нет никакой возможности разоружить меня, но я киваю, будто принимаю её угрозу.

— Я никогда не прикоснусь к тебе, пока ты не дашь свое согласие.

Не то, чтобы я говорю это для неё. Восемнадцать месяцев, проведенных в публичных домах, как у Гомеса, отбили у меня желание заниматься сексом вне отношений, в которых я буду уверен на сто процентов, что человек хочет меня. А если учесть все эти восемнадцать месяцев, которые я потратил на охоту и спасение людей... Единственное облегчение, что видел мой член, было от ладони. Может, поэтому у меня так болит член при виде Рэйган.

— Хорошая сказочка, — фыркает девушка, и легкость, с которой она оскорбляет меня, говорит, что ей со мной более комфортно, чем она готова признать.

Значит, девушка пойдет за мной без долгих колебаний. Так мы и идем — я в ботинках на босу ногу, а Рэйган в моих носках. Не идеально конечно, но думаю, мои туфли были бы ей, как лодки по размеру, и вряд ли бы она смогла в них идти.

— Ты была в Рио до этого? — спрашиваю я, когда мы идем вниз по склону.

По увеличению шума я понимаю, что скоро мы найдем такси.

— Нет.

После короткой паузы она недоверчиво спрашивает:

— Ты пытаешься завести со мной непринужденную беседу?

— А ты хочешь рассказать мне о времени, которое провела у Гомеса?

Она молчит, и я воспринимаю это, как «нет». Когда мы выходим на главную улицу, я ловлю такси и открываю ей дверь. Девушка медлит, оглядываясь и оценивая свои шансы на выживание в трущобах. Я немного перемещаюсь, оттягивая пиджак, чтобы она увидела мой ствол. Она закрывает глаза и садится в машину. «Умница». Она не станет той, кто не слушает меня. Многие не слушали. Они испорчены неволей так, что попадают обратно в торговлю телами. Потому что семьи не приняли их обратно или им необходимо кормить свои новые наркоманские привычки, или просто не знают, куда пойти. Этот урок я выучил совсем недавно. Я крепко держу это в памяти, чтобы убрать пистолет от своей головы, когда увижу свою очередную неудачу.

— Посольство США, — говорю я водителю и откидываюсь на сиденье, положив одну руку на приклад пистолета.

Мы едем, а я сканирую улицы. За нами никто не едет, но чувство какой-то неправильности не покидает меня.

Её рука хватает мою руку, и я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Рэйган, сидящую всего в нескольких дюймах от меня. Эта близость порождает теплые чувства в нижней части моего тела, и я прочищаю горло.

— Что такое?

— Ты везешь меня в посольство?

Голос Рэйган высокий и трепещущий – либо она на грани смеха, либо слез. Я осторожно киваю. «Пожалуйста, только не надо слез».

Она задыхается и закрывает рот. По её щекам льется вода, и она кидается на меня.

— Спасибо, спасибо, — повторяет девушка и трется об меня своей мягкой щекой.

Я удивляюсь, не царапают ли её волосы мое лицо, а еще раздумываю, куда деть руки, когда её тело супермодели прижимается ко мне. Её сиськи прожигают дыру в моей груди, а через плечо я могу видеть, как вздымается ее задница. Я ловлю взгляд водителя в зеркале заднего вида и отталкиваю Рэйган в сторону. Он не должен видеть её задницу.

— Посмотришь на неё еще раз, и ты труп, — угрожаю я водителю такси.

Его глава немедленно возвращается к дороге, и я слышу ругань на португальском, что если я не хочу, чтобы кто-то смотрел на её задницу, то должен был бы убедиться, что на ней есть одежда.

— Не хочешь прикасаться к грязной шлюхе? — с горечью говорит Рэйган.

Её слова не сразу доходят до меня, и я понимаю, она обиделась, что я оттолкнул её. Я разочарованно провожу рукой по её волосам:

— Такому парню, как я, чертовски бы повезло, если бы ему было позволено прикоснуться к тебе.

Она фыркает:

— Милые слова, но они не соответствуют твоим действиям.

Не могу в это поверить. Она боялась надеть мои носки, а сейчас злится, что я не принимаю её. Думаю, что должен быть счастлив от того, что она остается такой горячей после всего, через что ей пришлось пройти. Это дает мне надежду, что она вернется домой и заживет нормальной жизнью. Хотя теперь ей нужен новый парень. Ник раньше был известен, как ужасный киллер Николай Андрюшко, и тот парень, который послал меня искать Рэйган, говорил, что её парень – козел. По словам Ника, парень Рэйган не смог бы доставить своей девушке оргазм, даже если бы с ними в постели был доктор Рут, указывая, что делать шаг за шагом. По крайней мере, это моя интерпретация заявления о том, что этот парень заслужил пулю в голову за неспособность доставить удовольствие женщине.

По моему мнению, парни, которые не могут доставить оргазм своим женщинам, должны быть застрелены, а не получать такое благословение, как Рэйган в постели. Они должны радоваться одиночеству, пока какой-то капризный русский киллер не пошлет им

вечный сон. Но к счастью для этих бесчленных созданий, которые не заботятся об удовольствии женщины, Ник слишком занят доставкой подруги Рэйган в Миннеаполис.

— Никто из нас не готов к настоящим действиям.

Я поднимаю руку и принимаю.

— Господи Иисусе, как я воняю. Мне нужен гребаный душ.

Я смертельно устал. Несмотря на непристойные мысли о Рэйган, что шастают в моей голове как парад на День Благодарения, я слишком устал, чтобы быть способным на что-то, кроме сна. А сна у меня не было более семидесяти двух часов. Так что мне необходимо поспать, пока не упал замертво.

— Ты немного метросексуал, да? — девушка поднимает ногу и шевелит пальцами.

Это провокационное движение. Мои глаза опускаются вниз к обтянутым носками лодыжкам и к заманчивым затемненным долинам бедер. Постоянно перемещающийся свет позволяет мне исследовать её взглядом... Я заставляю себя отвернуться еще раз.

— Я люблю красивые вещи. Засуди меня.

— Почему ты не сказал мне, что собираешься отвезти меня в посольство? — она пинает меня коленом в ногу.

«То есть, она трогает меня ногой. Это чертовски интимно. Хорошо, что я ношу пиджак. Господи Иисусе».

— А ты бы мне поверила? — спокойно спрашиваю я.

Её нога опускается вниз, а я с героическим усилием проглатываю стон. Она не имеет понятия, что делает, потому что все её мысли о будущей свободе и доброй Америке. А я — грязный мешок с грязными мыслями о девушке, которую только что вытащил из борделя, где она была прикована к стене. И поэтому, я не должен быть с ней милым.

— Ты ни хрена бы мне не поверила, — огрызаюсь я.

— Да, думаю так.

Она отвлекается, и я вижу, что мы подъезжаем к посольству.

— Мы прибыли, — говорю я с облегчением, но она не предпринимает никаких попыток, чтобы выйти. — Вот оно, — я указываю рукой в окно. — Consulado General dos Estados Unido.

Глава 4

Рэйган

При виде посольства в моем сердце вспыхивает надежда. Я свободна. Всего в нескольких шагах от дома. Скоро всё это станет лишь плохим воспоминанием, и я вернусь к своей прежней жизни. Мне хочется смеяться от своих мыслей. Я – стипендиальный студент, все мои оценки будут пересчитаны. Мне нужно что-то придумать. Может, Майк позволит мне переехать к нему.

Если он сможет прикоснуться ко мне после всего, что я пережила. И конечно, если он не переехал или не нашел другую девушку. Мне нравилось думать, что он ждал меня, но Майк никогда не был особенно эмоциональным. Я цеплялась за него сильнее, чем он цеплялся за меня. У меня нет никаких иллюзий по поводу наших отношений.

Я таращусь на посольство сквозь окно такси. Когда выйду из машины, жизнь вернется в нормальное русло, и я превращусь в нормальную девушку, правда, более пошлую версию себя. Но по какой-то причине меня это пугает.

— Иди туда, — сухо говорит Дениэл в мою сторону. — Я говорил, что отвезу тебя в посольство, вот оно. Не будь такой эмоциональной.

Я смотрю на него, скрывая свою неуверенность.

— Спасибо, — говорю я, прижимая к себе куртку. — Ты не представляешь, что это значит для меня.

— Могу догадаться.

Слабо улыбнувшись, я на минуту задумываюсь о том, что он – хороший и симпатичный парень. Не знаю, что он делал в борделях Рио, но он спас меня. Я импульсивно целую его в щеку, чувствуя щетину под губами, и сразу же хочу отскочить от прикосновения, но знаю, что не нужно этого делать. Ему нравятся мои прикосновения. Посмотрев на меня, его саркастический взгляд смягчается, и он кивает.

— Ты будешь в безопасности, хорошо?

— Хорошо, — выдыхаю я, поворачиваясь к окну, и хватаюсь за ручку двери.

Я смогу это сделать, представляя себя, как Рэйган Портер. Я – американка, похищенная с родины, а милый незнакомец освободил меня из борделя. И я очень, очень сильно хочу домой.

Крепче сжав ручку двери, я выглядываю в окно.

У меня в горле застревает вздох.

Перед входной дверью посольства появляется огромный верзила – телохранитель мистера Фриза. Снаружи темно, но он стоит близко к двери, и я узнаю его лысину и большие плечи. Если бы снаружи было больше света, я бы увидела ужасные полу прикрытые глаза.

Он знает, что я ушла. Кто-то позвонил мистеру Фризу и дал знать, что его любимая усовершенствованная стоматологом шлюха, упорхнула без разрешения. Я понимаю, что, когда войду в посольство, то немедленно вернусь в бордель.

Я дрожу, ненавидя себя за это. Он ещё не видит такси и не знает, что я здесь. Я еще минуту раздумываю, поворачиваясь к Дениэлу – славному американскому парню, который как-то зачем-то помог мне бежать, и улыбаюсь ему:

— Могу я задать вопрос?

— Стреляй.

Это слово напоминает мне, что у Дениэла есть оружие. Он сегодня убил двух мужчин, пытавшихся вернуть меня в бордель. Кем бы он ни был, но он не заодно с Фризом. Что автоматически делает его безопаснее.

— Кто послал тебя?

Я и раньше спрашивала, но он ушел от ответа.

Мужчино серьезно смотрит на меня, потом на водителя такси, словно замечая, что это небезопасное место для разговоров, и снова смотрит на меня:

— Общий друг.

Не знаю, что это значит. Не могу вспомнить ни одного человека, который знал бы киллера, зависающего в борделях Рио. Я вновь смотрю на двери посольства. Верзила ушел, но я знаю, что видела его. Знаю, что он ждет меня там.

Я снова смотрю на Дениэла, а он пытается не смотреть на мои ноги. Попытка провалилась. Я ему явно нравлюсь. Пока мы были на улице, я несколько раз видела вспышку желания на его лице, но он быстро прятал её. Он старается, но ему сложно.

Если Дениэл очарован мной, я могла бы это использовать. Ведь для меня сейчас секс ничего не значит. Вся интимность процесса была выбита из меня. Я могла бы заняться сексом с этим человеком и использовать его, чтобы обезопасить себя от Фриза. Но этот мужчина убил двоих сегодня вечером. Он опасен.

— Ты сказал, что не тронешь меня, пока я сама этого не захочу, — шепчу я, специально закусывая губу, и замечаю, как его взгляд устремляется к моему рту.

Я определенно ему нравлюсь.

— Это правда?

— Я же не монстр, сладкая, — говорит он, явно шокированный моим вопросом.

Придвинувшись ближе к нему, я касаюсь пальцами его пиджака:

— Тогда... могу я остаться с тобой?

Дениэл выглядит удивленным моим предложением и даже шокированным. Его брови взлетают вверх, а взгляд устремляется к посольству.

— Ты не можешь остаться со мной. Я не зайду так далеко и оставлю тебя здесь. У меня есть другая работа в Рио. Иди, — он берет мою руку и тянет её к дверной ручке. — К тебе хорошо отнесутся в посольстве. Тебе не о чем беспокоиться.

подавив страх, я прижимаюсь ближе к нему и чувствую, как дрожу. Это не наиграно. Я в ужасе от того, что выйдя из машины, окажусь снова в борделе.

— Пожалуйста, Дениэл. Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой еще немного.

Я цепляюсь за его пиджак, стараясь выглядеть настолько беспомощной и потерянной, насколько могу. Он всё ещё сомневается, и я меняю тактику:

— Я не хочу идти туда в таком виде.

Осмотрев меня, его глаза сужаются, и глядя на дверь, он наклоняется ближе:

— Ты чего-то боишься, милая?

Я киваю и широко раскрываю глаза, глядя на него с мольбой. Не хочу говорить об этом вслух, потому что водитель такси наблюдает за нами в зеркало заднего вида. Насколько я понимаю, он тоже работает на мистера Фриза. Раз в посольстве меня ждет громила, никто не застрахован от подозрений.

Кроме, может быть, Дениэла.

Дениэла, у которого есть оружие. Может, я смогу взять один из его пистолетов, пока он спит. Возможно, я смогу соблазнить его, и он покажет мне, как стрелять из него. Но от него мне нужно больше ответов. Я хочу знать, кто послал его, чтобы понять — действительно ли безопасно с ним или я прыгну в еще большую беду?

Дениэл — дьявол, я знаю, но на данный момент он не может быть столь же ужасен, как мистер Фриз. По крайней мере, он ещё ни разу не осматривал мои зубы.

Кажется, Дениэл раздумывает над моими испуганными попытками. Мне трудно, потому что я не хочу трогать мужчину, но отбрасываю свою желчь, продолжая выглядеть беспомощной и невинной, и глажу лацкан его пиджака:

— Я... мы могли бы пойти в номер хорошего отеля? Мне бы очень хотелось принять ванну и настоящую одежду. Мы могли бы пойти в посольство завтра утром, когда я снова почувствую себя человеком.

Но у меня в мозгу уже кружатся новые планы и возможности. В посольстве небезопасно. Мне нужен другой способ, чтобы покинуть эту страну. Когда я выясню, откуда Дениэл знает меня, может, я смогу это использовать.

— Хорошо, — неохотно соглашается Дениэл, устало проведя рукой по щеке. — Вот, дерьмо. Хорошо. Одна ночь, а потом мы вернемся в посольство. У меня есть график, которого я должен придерживаться.

— Одна ночь, — с облегчением соглашаюсь я, и заставляю себя обнять его, прижимаясь к нему грудью.

Я собираюсь использовать этого мужчину.

Я буду флиртовать с ним, соблазнять и сосать его член, если придется. Что угодно, лишь бы он взял меня с собой и сохранил в безопасности. Если он готов убивать людей ради меня, то на данный момент он — мой лучший выбор.

Я не окажусь снова в плену.

Дениэл

Я знал, как лучше. Правда, знал. Я должен был открыть дверь и вышвырнуть хорошенькую задницу Рэйган у посольства. Там внутри должны быть люди, которые справятся с этой ситуацией лучше меня. Чёрт, я не могу перестать пялиться на её ноги, как какой-то проклятый извращенец. Первое, что я сделаю, оказавшись в номере, буду биться головой о бетонный пол в надежде, что хоть какая-то осмысленность появится в моей голове.

Но девушка выглядит такой чертовски напуганной, поэтому я отвечаю на её мольбу, хотя держусь на последнем издыхании. Мне нужен сон, и тогда я смогу перейти к своим следующим целям: поиску сестры и хакера для Петровича.

Жутковато, что все три дороги — Рэйган, сестра, хакер — ведут в Рио. Возможно, это связано с растущей экономикой в преддверии надвигающегося чемпионата мира по футболу и Олимпийских игр, которые так же увеличивают глобальную известность этого места. Чем больше денег, тем больше горячих голов, готовых тратить их на незаконные дела. Здесь банковский сектор становится огромным в связи с ростом рынка биотоплива. Кажется, это повышает спрос и на женскую плоть. Но мне не нужно разгадывать загадки. Я — оружие. Направьте меня, и я выстрелю.

Когда я выяснил, что Наоми может быть здесь, я представлял, что она и есть хакер. Наоми умнее, чем половина этого континента. Она могла бы даже во сне запустить

порочное кольцо в глубоком интернете, но раз она настолько умна, я не верил, что она не может найти способ связаться со мной. Я никогда не использовал псевдоним в поисках, позволяя всему миру знать, что Дениэл Хейз ищет сестру. Но она так и ни разу не прислала мне письма по электронной почте, сообщения или хотя бы дымовой сигнал.

Позволение Рэйган остаться на ночь не особо задержит мою охоту, потому что я отчаянно нуждаюсь во сне. Возможно, она стесняется своего вида в крошечном бикини и коротенькой куртке. Я возьму её ненадолго, мы всё исправим и выспимся, а утром она будет умолять меня отдать её в руки дипломатов США. А я смогу временно держать свои руки подальше от неё.

— Avenida Nossa Senhora de Copacabana, — говорю я водителю адрес ниже на пляже.

Он быстро кивает, и мы отъезжаем. Поездка от посольства до отеля занимает менее пятнадцати минут – это живописный путь вдоль бухты Гуанабра. Через несколько минут пути вдоль скал, омываемых морем, перед нами выступают брусчатый тротуар и высокие отели. Вдалеке, как каменная торпеда, возвышается гора Сахарная Голова.

Рэйган приклеивается лицом к окну:

— Что это? — спрашивает она, указывая на гору.

— Это гора Сахарная Голова. Когда-то португальцы перевозили сахар из Бразилии в Европу. Они укладывали сахарный тростник в форме конуса, называя их сахарным хлебом. И в один прекрасный день кто-то сказал: «Эй, эта шишка в небе выглядит так же». Португальцы называют её *Pão de Açúcar*.

Я обнаруживаю себя близко наклонившимся к ней и почти шепотом рассказывающим это. На ум приходит другая фраза на португальском: «Eu quero te abraçar agora» («Я хочу к тебе прикоснуться»).

Я заставляю себя откинуться обратно на свое сиденье, а таксист ухмыляется мне.

— A mulher e a sardinha querem-se da mais pequenina, — весело бормочет он.

Ему везет, что он за рулем, а Рэйган не говорит по-португальски.

— Что он сказал?

— Что кабины на канатной дороге тесные, как банки с сардинами, — вру я.

На самом деле он сказал, что женщины, как и сардины, должны быть маленькими. Полагаю, это была отсылка к тугой попке Рэйган, которую он видел в зеркале заднего вида. Но об этом я ей не говорю. Пытаясь отвлечь её, я указываю на провода, идущие с материка к горе.

— Там кабины, которые поднимают к вершине Сахарной Горы.

— А-а.

Не могу сказать, заинтригована ли она, или хочет побыстрее отсюда убраться. Полагаю, последнее. Водитель останавливается на углу. Ему не нужно знать, где именно мы останавливаемся. Хотел бы я, чтобы сейчас был карнавал. Блестящее бикини Рэйган выглядело бы уместнее во время фестиваля. А в малюсеньком купальнике, тонкой коричневой куртке и черных носках на стяжках она привлечет много внимания. Делать нечего, надо быть наглее.

— Здесь нет отеля, — с волнением замечает девушка.

У зданий вдоль улицы Сеньора-де-Копакабана нет ничего общего с трущобами. Здесь ровное место, которое выглядит, как любой столичный пляж, туристическим и немного поношенным. Я всегда останавливаюсь здесь вместо гостиницы. Этими квартирами управляют лица, пытающиеся избежать государственного регулирования и дополнительных налогов. Эти ребята не станут пробивать, кто их постояльцы. Платишь наличными, и они делают вид, что это место пустует всё время.

— Надо прогуляться до места, — бормочу я себе под нос, проводя её мимо двух крупных жилых комплексов по аллее к трехэтажному зданию, в котором находятся три квартиры. Моя на самом верху.

Рэйган смотрит на всё это свысока и идет, как королева, будто её носки и куртка на пике моды. Если кто-то увидит её, то найдет это чертовски удивительным. Могу ли я надеяться, что моя сестра будет такой же? Я так долго ищу её, что боюсь найти только оболочку сломленной наркоманки, которая едва способна функционировать. В Рэйган нет ничего подобного. Она разговорчива, с прямой спиной и ясными глазами. Она нравится мне больше, чем должна бы.

Никто так ничего и не сказал, и мы, наконец, оказываемся в спальне квартиры.

— Ты здесь живешь? — девушка бродит вокруг, осматриваясь.

Это крошечное место. Маленькая кухня, гостиная с видом на залив и маленькая спальня с полуторной кроватью. Рэйган выходит из спальни.

— Арендную, — отвечаю я.

Я открываю ванную комнату, в которой есть душ и туалет нормального размера. Хотя для меня кое-что маловато. Я указываю на дополнительный комплект полотенец, предоставленный владельцем дома.

— Не стесняйся, иди и мойся.

Она кивает и исчезает. Долгое время льётся вода. Сняв куртку, я достаю оружие и скидываю ботинки. Всё это время вода бежит без остановки, и пар начинает

просачиваться из-под двери. Я стараюсь занять себя чем-то, чтобы отвлечься от пульсирующих в голове картинок, где абсолютно нагая Рэйган внутри душевой проводит рукой по своему великолепному телу, упругой груди и между ножек. Когда я чищу уже второй пистолет, её голова просовывается в дверь ванной комнаты. Я удивляюсь, что у нас столько горячей воды.

— Что? — спрашиваю я, но получается более резко, чем я хотел, но мне нужно как-то выключить свое желание к ней.

Её голова торчит на пару дюймов, но я всё равно могу видеть её глаза между дверью и косяком. Девушка не виновата, что я не могу контролировать свой член.

— Извини, — я встаю и указываю на неё. — Тебе что-то нужно?

— У тебя есть что-то ещё для меня, кроме полотенца? — спрашивает она.

Что ж я должен был подумать об этом раньше.

— Конечно.

В спальне я копаюсь в своей сумке. Там у меня пара белых рубашек, борцовских маек, пара широких брюк и хлопковых трусов. Я вытаскиваю майку и рубашку. Она будет ей чуть длиннее бедер. Возможно позже, я схожу на улицу и возьму ей что-то в одном из пляжных магазинов. По крайней мере, там должны быть сарафаны.

— Это всё, что у меня есть, — я подаю ей вещи, убедившись, что не смотрю на неё.

Когда она берёт вещи, её рука случайно касается моей, посылая электрический импульс по моей спине. Окоченев, я выдергиваю свою руку, но, кажется, я опять её этим обидел. Она захлопывает дверь, и я едва успеваю убрать пальцы, чтобы она не раздавила мне их.

На кухне я разогреваю соус и довожу воду до кипения. Я люблю поесть. Человек наиболее уязвим, когда ест, гадит или спит. Или содержится в сексуальном рабстве два месяца. Я останавливаюсь. Рэйган не уязвима. Вот, что делает её такой привлекательной. В течение долгих месяцев, что я искал свою сестру, я видел сотни, может, даже тысячи девушек, но никто из них не смог выйти с такой гордостью и огнем, как Рэйган Портер. Дело в том, что меня к ней притягивает не только внешность, но и характер. Я восхищаюсь ей. Она — большая редкость. И тогда я решил, что сделаю всё, чтобы она благополучно вернулась в лоно своей семьи. Потому что хотя бы иногда хорошие парни должны выигрывать, чтобы положительных героев было больше.

Уже накрыт стол, и я жду её, когда Рэйган, наконец, открывает дверь ванны. Её длинные светлые волосы спрятаны в тюрбан из полотенца, а рубашка свисает ниже майки. Я мог бы увидеть более интимные места, поэтому перевожу взгляд на её лицо.

Девушка задумчиво изучает меня, будто она — клиент в мясном магазине, подсчитывающий и взвешивающий, сколько и какого мяса отрезать от меня. Меня надо оставить позади, милая. Я старый, потрепанный и на вкус, как кожаный ботинок.

— Иди есть, — и указываю на стол, откладывая запчасти моего пистолета.

Мое основное оружие Ругер SR45, и его я чищу первым. Он лежит на стуле рядом со столом. Его легко схватить и начать стрелять при необходимости.

— Молоко? — спрашивает она с приподнятыми бровями. — Нам по пять лет?

— Нет, мне двадцать семь, но оно мне всё ещё необходимо.

Я выдвигаю стул для неё, и она садится. *«Интересно, — подумал я, — носит ли она нижнее белье?»* И тут же проклял себя. *«Конечно, нет, я ведь не дал его ей».*

— Тебе что-то нужно там в низу?

— Типа французского хлеба? — спрашивает она.

«Французский хлеб? Это какой-то термин для женских прелестей?»

Я смотрю на неё, и она вспыхивает под моим взглядом. Я прилагаю нечеловеческие усилия, чтобы не позволить своему взгляду опуститься ниже её груди. Тогда бы я посмотрел, сколько румянца появилось бы на её теле.

Опустив глаза, Рэйган делает жест в сторону еды:

— Прости, что спросила. Всё в порядке. Не нужен мне никакой хлеб.

Ой. Кажется, она подумала, что «низ» означает — я спущусь вниз за покупками, и говорю прямо:

— Я имел в виду, нужно ли тебе нижнее белье? Я забыл тебе его дать. У меня нет боксеров, потому что я не ношу трусы.

Это заставляет Рэйган покраснеть.

— Нет, всё в порядке.

Она неудобно ёрзает на стуле, что подсказывает мне, что не так уж всё и в порядке. Не хочу оставлять её одну, но мне нужно выйти за какой-нибудь одеждой.

— Ешь, я скоро вернусь, — говорю я, поворачиваясь к двери.

— Нет, — она вскакивает, переворачивая бедрами стол и разбросав соус, макароны и молоко. — Вот, дерьмо! — кричит она, и вдруг воинствующая принцесса ломается.

Рэйган обрушивается, рыдая, и сильные истеричные крики звучат так, будто её разрывает на части. Мое обещание не трогать без её согласия растворяется, как сахар в воде. Я подхватываю её на руки и несу к дивану, стараясь усадить и отпустить, но она цепляется за меня, что я воспринимаю, как молчаливое согласие.

Пристроившись на углу, я обнимаю её тело, пока девушка дрожит и трясется. Внутри неё буря, и я не знаю, сколько это продлится, так что держу её на коленях, как в колыбели. Понимаю, что даже если начнется конец света, я не отпущу её. Не в этот момент, когда она нуждается во мне больше всего на свете. Я не помню, когда в последний раз мне было так хорошо. Наверное, никогда.

Глава 5

Рэйган

Я абсолютно не в себе.

Думала, что держусь достаточно хорошо, закопав всё глубоко внутри себя, и ничего не сможет на меня повлиять. Кажется, я была не права, потому что обычные вещи вызывают во мне истерику.

Дениэл привел меня в хорошую квартиру – небольшую по американским меркам, но чистую, в отличие от борделя и трущоб. Остались только он и я. Я сразу же стала думать, что он набросится на меня, как только мы окажемся внутри. Это нормально, и я готова к этому. Я смогу заниматься сексом с этим человеком так долго, пока буду в безопасности. Один мужчина в постели – это детская игра после того, что я пережила.

Но Дениэл... милый. Он позволил мне принять душ в своей ванной комнате и дал чистую одежду. Ничего пошлого, просто его собственная одежда. Очевидно, он действительно не собирался брать меня с собой, а хотел оставить в посольстве.

Этот мужчина – хороший человек, который говорит то, что имеет в виду. Он действительно хотел высадить меня в посольстве и отправиться дальше по жизни, не собираясь использовать меня ради секса, даже если был увлечен мной.

И это смущает меня, ведь в моей новой реальности мужчины хотят только быстро потрахаться. Не знаю, как вести себя с людьми, которые милы только потому, что милы, а не ради чего-то ещё. Теперь не знаю. Я одета в одежду, что он дал мне, и сажусь за стол, чтобы съесть пищу, которую он приготовил. А я огрызаюсь и не могу ничего с собой поделать. Прячу за дерьмовым отношением всё, что у меня накопилось.

Дениэл пытается заставить меня чувствовать себя комфортно и не разглядывает мое тело, хотя понятно, что под тонкой майкой нет ни бюстгалтера, ни трусиков. Он даже приготовил мне ужин и налил стакан молока, а сейчас уходит, чтобы купить мне одежду, или хлеб, или ещё что-нибудь.

— Ешь, я скоро вернусь, — говорит он.

Мой разум переворачивается. Я снова чувствую себя покинутой и хочу кричать, но вместо этого рывком встаю, переворачивая всё на столе. Моя тарелка разбивается у ног и выглядит так, как я себя чувствую — разбитой и сломленной.

Я не в себе.

Я начинаю безотчетно плакать, будто всё разом свалилось на меня. Сегодня я сбежала из борделя, но вход в посольство закрыт для меня. Свобода была так близка, но снова ускользнула от меня. А этот мужчина пытается быть милым со мной и не хочет трахнуть меня. Не знаю, что и думать.

Я так рыдаю.

Как герой из сказки, Дениэл поднимает меня на руки и относит на диван. Но это только заставляет меня плакать сильнее, ведь я ожидаю, что он бросит меня на диван, чтобы оттрахать. Не знаю, как справиться с этим, а он просто гладит мои волосы и шепчет успокаивающие слова.

А я. Не могу. Успокоиться.

Тяжелые нервные рыдания извергает мое тело. Прижавшись к нему, я цепляюсь руками за его рубашку и пытаюсь выплакать всю свою боль. Я так напугана и потеряна, несмотря на то, что меня обнимает мужчина, чувствую себя совершенно одинокой.

— Не плачь, милая, — бормочет он, глядя мои волосы. — Всё будет хорошо. Утром я отведу тебя обратно в посольство, и через пару дней ты будешь в самолете на пути к дому. Обещаю.

Упоминание посольства заставляет меня ещё сильнее рыдать. Если я пойду туда, мистер Фриз найдет меня. Он снова проверит мои зубы и прикажет объезжать меня, пока я не сломаюсь. И что тогда? Я предвижу, как он сделает из меня совершенную женщину, которую хочет... а потом снимет с меня кожу и сделает из неё плащ. Может, ему просто понадобится минет от красивой рабыни, но оптимизма по поводу возвращения назад у меня больше нет.

Я скольжу рукой по Дениэлу, обнимая его, пока он гладит мою спину, и так происходит, что я практически лежу у него на коленях. Мне хочется отстраниться от него и снова принять душ, но разные мысли мелькают в моей голове. В этот раз, прижимаясь щекой к его шее, я притворяюсь, что мои слезы высыхают.

У Дениэла есть оружие.

Передвинув руки к его талии, я всё ещё хлюпаю носом и пытаюсь почувствовать пистолет. Один лежит на столе в разобранном состоянии, но Дениэл такой парень, который готов ко всему и всегда. У него должен быть ещё один пистолет, и я задаюсь целью найти его.

Я соплю, уткнувшись в него, но замечаю, как немного подрастают его штаны. Он пытается утешать меня, но его тело всё равно дает реакцию. Притворившись, что не замечаю этого, я позволяю своей груди слегка коснуться его.

— Прости, — говорю я нетвердым голосом. — Не знаю, что со мной не так.

Дениэл усмехается:

— Ты шутишь?

Он гладит пальцами мою мокрую щеку, и я делаю всё возможное, чтобы не отшатнуться от его прикосновений, ведь в последнее время все прикосновения кажутся мне жуткими и ведущими к сексу.

— Ты прошла через ад и вышла наружу. Думаю, тебе стоило бы устроить фестиваль слез, но постарайся не слюнявить меня так сильно.

Мне нравится чувство юмора Дениэла. Небольшой смешок застревает в моем горле, когда моя рука задевает что-то твердое, заправленное за пояс его брюк. Это может быть только пистолет. Есть!

Он ловит мою руку и останавливает, прежде чем я успеваю его схватить:

— Можешь плакать, сколько угодно, дорогая, но мое оружие останется при мне.

Я вырываюсь из его рук, вытирая глаза. Время объятий прошло.

— Ты мог бы хотя бы похвалить меня за попытку.

Дениэл снова смеется, покачивая головой в признании:

— Мог бы.

Он встает на ноги, незаметно поправляясь, и показывает на кухню:

— Я все приберу, а потом схожу за сменной одеждой для тебя.

— Нет! — снова выкрикиваю я, хватаясь за его брюки.

Недавняя паника возвращается, и я даже не замечаю, что хватаю его за интимные части, а мой рот, как раз находится на уровне его промежности. Я с мольбой смотрю на него снизу вверх.

— Не оставляй меня. Я не хочу быть одна. Мне не нужна новая одежда. Эта хорошая.

Вот, дерьмо. Я не могу заткнуться и ничего поделать с собой не могу.

— Дай мне пару штанов, и я буду в порядке, обещаю.

Он долгое время смотрит на меня сверху вниз, проводит рукой по лицу и кивает:

— Хорошо. Ты можешь взять кое-что из моих вещей, а утром мы ходим вместе.

На меня обрушивается облегчение.

— Да. Это звучит хорошо, спасибо.

Несмотря на мои протесты, Дениэл не позволяет мне помочь ему с уборкой на кухне, а вручает мне ещё одну тарелку с едой и стакан молока, усаживая на диван, и заставляет съесть всё до последнего кусочка, пока сам подметает остатки стекла и

вытирает полы. Он всё время болтает, очевидно, Дениэл не слишком любит тишину. Он рассказывает о погоде, необычных продуктах в Бразилии и предстоящем этапе Кубка мира. Безобидные простые темы, похожие на разговор с водителем такси. Я слушаю, но не вставляю никаких комментариев. В конце концов, я никогда не видела Бразилию, ведь была прикована в борделе и уже давно не слышала ничего, кроме «открой рот, шлюха», поэтому ценю эти разговоры. Этот нормальный разговор заставляет и меня почувствовать себя более нормальной.

Когда вся еда съедена, я зеваю и сворачиваюсь в конце дивана, но он останавливает и подходит ко мне:

— Давай, время спать.

Я напрягаюсь, но встаю на ноги. Вот, здесь-то мне и придется заплатить за свое пропитание.

— Я готова.

Мы идем в спальню, и чувствую, как макароны в моем желудке наливаются свинцом. Я смогу это сделать. Я смогу.

Дениэл идет впереди и отгибает одеяло с одной стороны.

— Окна наглухо закрыты, поэтому я бы не рекомендовал бежать через них. Кроме того, этот район считается отстойным. И я опять же не рекомендовал бы тебе бежать.

Он подает мне подушку, и я прижимаю её к груди. *«Может она мне под колени? Чтобы я не заработала еще синяков, пока обслуживаю его?»*

— Отлично.

Мужчина проходит за моей спиной к двери спальни.

— Я буду в гостинной. Если испугаешься или что-то понадобится, кричи. Хорошо? — и закрывает дверь.

Он не хочет со мной секса. По крайней мере, не сегодня вечером. Дениэл отдал мне свою спальню. Я шокирована, и мой мозг начинает работать. Я могу передвинуть кровать к двери и забаррикадироваться. Или у другой стены есть тяжелый поцарапанный стол, который тоже мог бы забаррикадировать дверь, если кровать окажется слишком тяжелой. Я могу обустроить эту комнату, сделав её абсолютно безопасной.

Но... что, если он попробует снова уйти?

Что, если он оставит меня?

На меня накатывает знакомая паника. Я близка к тому, чтобы попрощаться с едой, которую только что съела. Открыв дверь, я выбегаю в комнату, чем пугаю его. Мужчина снова сидит и чистит оружие, но тут же встает.

— Что случилось?

Не могу объяснить странное облегчение, что я испытываю при виде него. Я заламываю руки, стараясь придумать хорошее оправдание того, что я не хочу быть в спальне... вне его поля зрения.

— Я... я боюсь.

— Темноты? — дразнит он, снова улыбаясь. — Хочешь ночник?

— Очень смешно, мурак, — говорю я, растекаясь в улыбке, и смотрю на диван. — Могу я здесь поспать? — спрашиваю я, указывая на него.

Дениэл выглядит озадаченным:

— Ты хочешь, чтобы я спал на кровати, а ты на диване?

— Нет, — взвизгиваю я, размышляя, ведь если он будет на кровати, то всё равно в другой комнате. — Я... э-э-э, я хочу быть в той же комнате, что и ты, не в спальне, — добавляю я. — Здесь. Там, где безопасно.

Там, где я могу видеть тебя.

Он переваривает это и кивает:

— Конечно, бери свое одеяло. Через некоторое время я буду готов.

Я мчусь обратно в его спальню, быстро хватаю одеяло, чтобы ни на минуту не остаться одной, разворачиваюсь и бегу обратно в гостиную. Когда я возвращаюсь, Дениэл бесстрастно смотрит на меня и продолжает чистить оружие.

Я немного расслабляюсь. Мы теперь не в спальне, поэтому я ложусь на диван, чтобы наблюдать за ним. Не спуская с него глаз, я туго оборачиваю одеяло вокруг себя. Оно такое мягкое. Самое мягкое, чем когда-либо я укрывалась. Чувствую, что готова расплакаться от такой небольшой роскоши.

Завтра найду способ заставить Дениэла быть на моей стороне, ведь я не могу пойти в посольство и этого не изменить. Я должна найти какой-то другой способ добраться домой.

Я наблюдаю за Дениэлом, пока не проваливаюсь в сон от изнеможения.

Глава 6

Дениэл

Впервые она выглядит такой хрупкой после того, как я забрал её из борделя, будто я могу сломать её. Мне больше нравилась злая и саркастичная девочка. Эта же со слезящимися глазами жертвы шарахается от меня. Ничего в моем прошлом не готовило меня к этому. Тихий голосок издевается надо мной: *«Что, черт возьми, ты собираешься делать со своей сестрой?»* Я надеялся найти сестру, забрать её домой, а там мама, наши лошади и родная земля излечат её. Но когда смотрю на напряжённую беззащитную спящую Рэйган, совершенно слабую, как и большинство людей, я понимаю, какими дебильными были мои мысли. Потребуется что-то большее, чем пара недель посиделок на крыльце со сладким чаем, чтобы восстановиться. А ведь Рэйган освободилась от заключения и пыток всего пару часов назад. Даже обученным солдатам требуется время на восстановление, а у Рэйган нет никакой подготовки. Когда я служил в специальном отряде, у нас был курс по выживанию в случае захвата, который был сосредоточен на сохранении рассудка в плену и при пытках.

Группа старослужащих солдат похитила нас и доставила в одиночную камеру. Они положили нам на лица мокрые полотенца и оставили там. Сначала не чувствуешь ничего, кроме полотенца, и ты можешь пережить полотенце. Но через час в неподвижном состоянии ты высасываешь с дыханием всю влагу, а затем в рот, нос и уши льют всё больше воды, пока ты не выблюешь всё, что влилось, и вновь проглатываешь всё это, и вновь блюешь. Когда уже собираешься умирать, полотенце срывают с лица, и ты видишь, что застрял в комнате с мерцающими флуоресцентными лампами. Долгие часы слышны случайные, а иногда кажется, что и упорядоченные звуки. После этого ты слышишь, как в соседней комнате твоего друга насилуют или пытаются, а он кричит и зовет тебя на помощь, но ты ничего не можешь сделать.

Часто солдаты, пытающиеся попасть в спецназ, терпят неудачу именно на таких умственных тестах. Многие умеют плавать, бегать и таскать на себе рюкзак весом сто пятьдесят фунтов на протяжении двадцати шести миль, но немногие могут выдержать психологические пытки и выйти не мертвой жертвой отсюда.

Не знаю, что пережила Рэйган, и не хочу даже представлять. Но полагаю, она страдала больше, чем любой спецназовец, и не стала шизофреничкой. Но что, если она сломалась? Это чертовски ненормально. Я мог едва связать два слова, когда закончилась

моя психологическая подготовка. В отличие от Рэйган, на следующий день я был в отпуске, принял душ в своей квартире и мог сделать вид, что ничего не было, когда все хлопали меня по плечу и покупали мне напитки, празднуя мое скорое получение высшего образования. Некоторые старички, подавая мне напитки, бросали понимающие взгляды, доказывая, что моя бравада – всего лишь тонкий фасад. Поэтому да, истеричная выходка Рэйган была абсолютно нормальной реакцией. Надеюсь, она знает это. Её доставка в посольство и отъезд в хорошую добрую Америку будут очень важны.

Первое, что нам нужно для этого – достать ей настоящую одежду и обувь. Соблазнительно уйти прямо сейчас. Рио, как Лас-Вегас, открыт всю ночь. Но что будет, если она проснется, а меня нет? Мне кажется, это плохая идея. Я разберусь с её одеждой утром. Я скидываю ботинки, снимаю футболку и вешу её на спинку стула. Мне очень нужно поспать. Моя последняя мысль была о чёртовой прекрасной кровати, которой сегодня я не воспользуюсь.

— Ты не можешь уйти, — голос Рэйган окрашен отчаянием, что она доблестно пытается скрыть.

Я делаю вид, будто не замечаю, что она забивается в дальний угол дивана подальше от меня, и возможно, наблюдает за мной. Будто она хочет видеть меня неподалеку, чувствуя себя так безопаснее, но всё же не уверена, что я не причиню ей такую же боль, которую она терпела последние шесть недель.

Я пытаюсь говорить с ней мягко, насколько могу, и протягиваю руку, чтобы показать, что не причиню ей вреда. В прошлом это срабатывало с лошадьми, а других идей у меня нет.

— Я не могу взять тебя с собой. Ты слишком дорого стоишь. Мы должны скрываться, пока не доставим тебя в консульство.

Девушка кивает, но я не уверен, что достучался до неё, и с силой ударяю рукой по своему лицу. Ненавижу, что приходится оставлять её, но у меня нет другого выхода. Я оглядываюсь вокруг. *«Как я смог бы заставить её чувствовать себя в безопасности?»* Мой взгляд натывается на одну из разобранных пушек на столе. Оружие. Вчера она трогала меня после бури слез в поисках оружия. На секунду я тогда подумал, что она ласкает меня, и пытался бороться с неприятным чувством комфорта от её мягкого тела, не говоря уже о её тонких пальцах, скользящих вверх-вниз по моему животу и поясу брюк.

— Ты когда-нибудь раньше стреляла из пистолета?

— Нет, — это слово мягко дрожит.

Подойдя к столу, я беру свой Ругер. Это не самая хорошая пушка для начинающего. Глок был бы лучше, но я его не люблю, к тому же, у меня его нет. Придется работать с тем, что есть.

Я беру пистолет и передаю ей прикладом вперед. Она обвивает руки вокруг ствола, сразу опуская пальцы на спусковой крючок.

— Не-е-е, — я тяну её палец с крючка, направляя вдоль ствола. — Клади палец на спусковой крючок только тогда, когда собираешься снять его, — поучаю я, и на этот раз её кивок сопровождается большим пониманием во взгляде. — Смотри, здесь предохранитель? Так безопасно, — я скольжу пальцем по предохранителю, переключая его вверх-вниз. — Вверх и предохранитель включен, вниз – нет.

Я жду её понимания и щелкаю предохранителем несколько раз, затем беру её вторую руку и кладу на ствол.

— Твой магазин загружен. Пистолет готов. Ты снимаешь предохранитель и двумя руками берешься за приклад, — я тяну левую руку и на правую. — У SR45 очень мягкая отдача, но ты всё равно почувствуешь удар, который заставит поднять руки вверх. Всегда дави вниз, когда стреляешь или попадешь в потолок. Поднять крючок – снять предохранитель. Поняла.

Рэйган проводит указательным пальцем почти с любовью вдоль ствола, и мой ствол начинает набухать. Покачив головой, я удваиваю усилия, чтобы сосредоточиться на показе Рэйган, как использовать пистолет.

Я тяну пистолет из её рук, но девушка вцепляется и не отдает его. Потянув сильнее, я обещаю:

— Я отдам тебе его обратно. На одну минуту.

Она неохотно позволяет выскользнуть пистолету из своих рук. Взяв пистолет в руки, я достаю магазин и зановоправляю пули, затем нажимаю на курок, чтобы убедиться в безопасности, и предохранитель срабатывает. Я отдаю ей пистолет обратно и отхожу от неё на пятнадцать шагов — это примерно в десяти футах от двери.

— Подожди, пока злоумышленник окажется здесь, а затем стреляй. Если он будет дальше, ты промахнешься.

Она сердито смотрит на меня:

— Потому что я девочка?

— Потому что ты никогда не стреляла до этого. Неважно, мальчик ты или девочка, — поправляю я. — Я собираюсь выйти, чтобы купить тебе кое-какую одежду и обувь, на всякий случай.

Я машу рукой в сторону её тела:

— И другие вещи. Когда вернусь, я назову свое имя. Если решу, что ты в опасности, я скажу: «Дорогая, я дома». Это сигнал для тебя. Тогда ты побежишь в спальню, возьмешь мою сумку и выйдешь на пожарную лестницу. Но вместо того, чтобы спускаться вниз, ты полезешь наверх и будешь ждать на крыше.

— Ты же сказал, что окна заблокированы, — хмурится она на меня.

— Я солгал.

— А если ты не придешь? — страх заползает в её взгляд.

Я нагибаюсь так, чтобы наши глаза были на одном уровне:

— Я вернусь ради тебя, Рэйган, и не покину тебя, пока ты не окажешься в безопасности. Обещаю.

— Почему?

Это простой вопрос, и есть простые ответы. Если бы я мог доверять ей и знал, что она сможет держать язык за зубами, но сейчас не только моя жизнь находится под ударом. Это ещё и жизни Ника, его девушки Дэйзи, которой случилось стать лучшей подругой Рэйган. Не знаю, какую историю они хотят ей рассказать, ведь я еще не связывался с ними, поэтому должен держать свой рот на замке. Но я не хочу оставлять её в подвешенном состоянии.

— Потому что ты слишком важна и тебя нужно спасти.

Знаю, это правда только на тот момент, когда я это говорю, и не позволю причинить ей боль снова, не пока я жив, не пока я дышу. Глупо трясясь, я склоняюсь еще ближе к ней и целую её в висок. Воздух вокруг нас становится толще от напряжения. Это напряжение с моей стороны, потому что мои штаны становятся слишком узкими, а в основе её напряжения — страх. Я быстро распрямляюсь, чувствуя что-то вроде смущения, и подтягиваю штаны, чтобы вернуть свой ствол в нужное положение.

— Почему я не могу воспользоваться тем пистолетом? — спрашивает она. — Он выглядит так, будто из него проще стрелять.

— Нет, — качаю я головой. — У этой малышки двадцать второй калибр, а у этой большой девочки — сорок пятый. Сорок пятым сможешь сделать много больших дырок.

Пожав плечами под свободно облегающей рубашкой, я поправляю два плотно прилегающих ко мне ножа и поворачиваюсь лицом к Рэйган. Она наставляет на меня пистолет.

— Ты пристрелить меня, милая?

— Что? — девушка выглядит смущенной и немного огорченной.

— Тогда не направляй на меня пистолет, — я указываю на потолок. — Если только не целишься в мишень, то в потолок или в пол. Если я не сделаю того, что тебя так сильно разозлит и поможет только пуля.

Рэйган вспыхивает, но опускает пистолет.

— Хорошая девочка, — я открываю дверь. — Какое кодовое слово?

— Твое имя, если всё безопасно. «Дорогая, я дома», если есть опасность.

— Хорошая девочка, — повторяю я, закрывая за собой дверь.

Дверь тонкая, и я слышу приглушенный всхлип, затем глубокий выдох. Что ж, ничего. Она на самом деле хорошая девочка.

Я бегу вниз по лестнице, не желая задерживаться надолго. Барабанный бой в моей крови говорит мне, что я понадобится Рэйган скоро, очень скоро.

Оказавшись на улице, я иду к отелю «Копакабана Палас». На пляже стоят десятки киосков, но я полагаю, проще купить всё в одном месте. Сначала я сворачиваю в ближайший переулок, затаиваясь там в ожидании. Когда мой хвост — мужчина с длинными волосами, около тридцати, с оспинами на лице и громкими ботинками подходит ближе, я протягиваю руку, хватаю его за горло и втягиваю в переулок.

Он старается отодрать руками мои пальцы, но моя хватка сильна. Сильным рывком я тяну его в узкий проход между двумя бетонными зданиями. Оказывается, легко прижать его голову к стене, хотя он тяжелее меня на добрых двадцать фунтов, а я намного сильнее его, и, по крайней мере, на четыре дюйма выше. Предплечьем я перекрываю его дыхание на тридцать секунд. Когда он синееет, а его дыхание становится трудным и шумным, я немного отпускаю.

— Почему Гомес так сильно хочет её вернуть?

Мужчина плюет в мою сторону. Грязь. Вот, почему я ненавижу близкие контакты. Все чёртовы жидкости такие, как кровь, моча, слюни и рвота могут распылиться надо мной, как шипучка из растрясенной банки. Может, он не говорит по-английски.

— Falas Inglês?

Он сжимает губы в универсальном невербальном отказе мне отвечать, поэтому я повторяю свои манипуляции с предплечьем, только отвернув его, что предотвратит плевки мне в лицо.

— Меня не волнует, говоришь ты по-английски или нет? Но я если я не получу ответ, ты умрешь прямо здесь.

— Engasga na minha porra! — выдыхает он, сообщая мне, что я должен проглотить его сперму.

— Нет, спасибо. Я предпочитаю киски, а не сперму какого-то незнакомца.

— Эта шлюха не принадлежит тебе, — говорит он, в конце концов, показывая, что у него неплохой английский.

— А кому она принадлежит?

Человек Гомеса изо всех сил сопротивляется мне. Я поднимаю его выше, и он уже с трудом достает до земли. У меня уже дрожат мышцы моей правой руки, и я понимаю, что скоро должен буду положить этому конец.

— Não é da sua conta.

«Не мое дело? Он что шутит?»

— С тех пор, как ты начал выслеживать меня и пытался убить, это мое дело.

Мужчина пытается размахнуться головой, чтобы приложить меня, но мое предплечье на его трахее препятствует этому. Злобная ухмылка расплывается на его лице, и я знаю, что он собирается сказать ещё до того, как слова вылетают из его рта:

— Эта шлюха наслаждалась каждой минутой, когда мой член был внутри неё.

Мой левый кулак врзается в его рот, и чувствую, как радостно давится челюсть под моей рукой. Кровь из его рта струей попадает на мою рубашку. Это лен. Кровь чертовски трудно отстирать ото льна. В магазинах нет стирального порошка от пятен специально для убийц. Игры кончились.

Быстрым рывком я вжимаю коленом его яйца и член в почки.

— Думаю, больше ты им не воспользуешься.

Я отпускаю его, и он падает на землю у моих ног, издавая стоны из разбитого рта. Решив, что мир сможет обойтись без ещё одного насильника, я рывком поворачиваю его голову, одним быстрым движением ломая ему шею.

Моя рубашка в его крови и слюнях. Чёрт. В этом нельзя идти в отель. У одного из уличных продавцов я покупаю первую попавшуюся рубашку. Она ярко-синяя, и такую можно заметить в темноте на расстоянии пяти миль, но это лучше, чем та забрызганная, в которую я завернул мертвеца.

Всё это занимает около пяти минут, и я как можно скорее мчусь в гостиницу.

На мой визит в магазин при отеле уходит больше времени, чем я надеялся. Они пытаются заставить меня выбирать цвета и ткани. Узоры и аксессуары. Меня это не волнует, и рискну предположить Рэйган тоже. Примерно через пятнадцать бессмысленных минут, я купил всё, что они рекомендовали. Я заплатил за полную сумку женской одежды, белья, обуви и других штук наличными, но никто и глазом не моргнул. Возможно, потому что я – тупой турист из Северной Америки, а может, преступления здесь настолько распространены, что никого не волнует чистые мои деньги или грязные, главное, что они являются международной валютой.

Я беру три магазинных пакета, спеша к Рэйган. Часы показывают, что я отсутствовал час, а кажется, будто два дня. Подойдя к двери, слышу, как Рэйган поднимает затвор.

— Дениэл здесь, — говорю я, и стучу, на всякий случай, отодвигаясь в сторону, если она всё-таки выстрелит.

Слышу изнутри несколько приглушенных звуков и проклятия. Наконец, она покорно говорит:

— Заходи. Я направляю пистолет в потолок, потому что не знаю, как делать крутые штуки с пулями.

Открыв замок, я пригибаюсь на случай, если там есть кто-то ещё, но Рэйган одна. У неё забавное выражение лица, но я не могу разобрать из-за чего.

— Что-то случилось с твоей рубашкой? — она жестом указывает на мою новую рубашку.

Не желая говорить ей о другом парне, которого Гомес послал за ней, я пожимаю плечами:

— Ну, что я могу сказать? Мне нравится синий цвет.

Я поднимаю пакет и спрашиваю:

— Посмотришь?

Девушка кладет пистолет на пол перед диваном, направляя ствол в сторону стены. Умная девочка. Она быстро всё схватывает. Мне нравится, что ничего не приходится повторять ей дважды. Она знает и делает.

— Что это всё такое? — указывает она в сторону пакетов.

Я ставлю пакеты на стол, где чистил оружие, забирая то, что Рэйган оставила на полу.

— Вещи для тебя. Одежда, обувь, прочее дерьмо, — рассеянно отвечаю я, вытряхивая пули из магазина.

Когда всё собрано, я иду в спальню, вставляю оба своих Ругера в кобуру, и, вернувшись в гостиную, вижу, как Рэйган рассматривает вещи. Почти бессонная ночь и утренняя экскурсия убивают меня. Я вытягиваюсь на диване и смотрю, как она распаковывает вещи.

— Так много вещей.

— Думаю, в консульстве ты можешь сказать, что потеряла весь багаж, кроме ручной клади. Не знаю, сколько займет времени отправка тебя обратно, поэтому я купил побольше вещей. Но всё это войдет в одну небольшую сумку.

Рэйган озлобленно смотрит на что-то, но я слишком устал, чтобы заботиться об этом. Адреналин, выпущенный в мое тело, быстро утихал после схватки. Несколько недель я охотился за ней, да и попасть в бордель Гомеса было нелегко. Полагаю, убийство того разведчика даст нам немного времени. Мне нужно хотя бы прикрыть глаза, потому что если я этого не сделаю, Рэйган от меня не будет никакой пользы. Сейчас я не могу даже думать. Я чертовски устал.

— Я немного вздремну, а потом поговорим, как доставить тебя в посольство.

Позволив своим векам опуститься, я уплываю в сон.

— Кстати, — сонно говорю я, — в холодильнике есть печенье. Оно на завтрак.

Глава 7

Рэйган

Мне насрать на завтрак, который он оставил для меня. Я не могу есть, когда он говорит, что собирается отвезти меня обратно в консульство. Это не должно случиться, мне нужно действовать.

В моем мозгу крутится миллион мыслей в минуту, пока Дениэл расслабляется на диване, натянув на себя одеяло. Он выглядит изможденным, и часть меня чувствует себя немного виноватой, что он так устал, пока искал меня. Другая часть в панике кричит в глубине моего сознания, не заботясь ни о чем. Она требует, чтобы я подбежала к нему, разбудила и заставила защищать меня от всего мира.

Печально, но Дениэл так быстро стал единственной безопасной вещью в моей жизни. Я почти уверена, что ещё пожалею об этом.

Он выбрал яркую броскую одежду в стиле туристических бабушек, над которыми я смеялась бы до этого. Теперь же я касаюсь мягкой хлопчатобумажной ткани сарафана и ценю, что он прикроет всё мое тело. Здесь есть так же бюстгалтеры, трусики и кожаные сандалии. Они не подходят под одежду, но мне ясно, что он пытался найти хоть что-то практичное для моих ног. Это хорошая идея.

Вытащив бюстгалтер и трусики, я хмурюсь при их виде. Они несколько не выглядят старушечьими. Скорее, немного распутными. Ткань нижнего белья тонкая и непрактичная, скорее, романтическая. Я кидаю на Дениэла подозрительный взгляд, но его глаза закрыты, а лицо расслаблено, и он спит.

Или притворяется.

«Он оценивал нижнее белье? Купил ли он это с каким-то подтекстом? Или это единственное, что он смог найти?» Я не знаю ответа, но больше не доверяю людям, поэтому подозреваю худшее. Это подтверждает, что Дениэл хочет меня. До тех пор, пока я могу использовать это против него, с этим всё в порядке.

Наблюдая за его спящим лицом, я надеваю трусики и поправляю их. Они немного туговаты и врезаются в задницу, но прикрывают всё. К тому же они чистые, и вот, что имеет значение. Я не выхожу из комнаты, чтобы одеть бюстгалтер. Я скольжу руками под одеждой, поправляя застежку сзади, и наблюдаю, как Дениэл спит. Мне нужно уйти в другую комнату, чтобы переодеться, но я не хочу.

Мысль о выходе из комнаты выводит меня из себя. Кажется, если выйду, он исчезнет, и я снова останусь одна. Поэтому я остаюсь, переодеваясь в одежду вещь за вещью. Всё это время Дениэл спит.

Одевшись, я сажусь за кухонный стол и стараюсь не паниковать. Теперь я одета. Чистая и одетая. Сейчас я должна бы чувствовать себя человеком и более расслабленной, но вместо этого дрожу от страха, а в мозгу полный хаос. Когда Дениэл проснется, он ответит меня обратно в консульство. Если он ответит меня в посольство, то мистер Фриз найдет меня. И, в конечном счете, я окажусь там, где была. Если я расскажу Дениэлу, будет ли ему не всё равно? Он ясно дал мне понять, что готов рвать волосы на голове ради меня, но то, что я устроила прошлой ночью, сделало всё только хуже. Я должна бы ударить себя за вчерашнее плаксивое выступление, потому что думаю, что это его напугало.

Думай, Рэйган, думай.

Я барабаню пальцами по столу, а мой взгляд упирается в его легкий пиджак, висящий на столе. Я встаю, покусываю губы, глядя на всё ещё спящего Дениэла, подхожу к его пиджаку и обыскиваю его карманы. Интересно, что там? Презервативы? Пули? Ножи?

Я нахожу пачку бразильских долларов, флакончик опасного на вид белого порошка и недорогой раскладной телефон. Отлично, это интересно. Повернув его, я открываю и тихонько нажимаю стрелку вниз в поисках сообщений.

У него их несколько, и все от неизвестных номеров. Я читаю самое последнее.

«Пойми Р. извлечен. Необходимо обновить статус Императора».

Другое сообщение с этого же номера вогнало меня в панику.

«Р. не на пути в США. Доложи. Я теряю терпение».

У меня сердце бешено колотится в груди. Чёрт, чёрт, чёрт. Совершенно ясно, что относительно меня у Дениэла поисковая миссия, и он должен сделать что-то со мной, а кто-то не доволен тем, что он медлит. Чёрт возьми, держу пари, что он не только должен подобрать меня. Он собирается бросить меня в консульстве и продолжить свою веселую жизнь, если только я не сделаю что-нибудь.

Осторожно закрыв телефон, я возвращаю его обратно и размышляю. У меня не так много вариантов. Я могу взять пистолет Дениэла и сбежать с его деньгами. Но одинокая американская женщина, это небезопасно. Кроме того, я не смогу добраться далеко, потому что у меня нет ни паспорта, ни удостоверения личности. Поход в консульство за этим

невозможен по понятным причинам. Раз уж Дениэл спасает американок из борделей и не раздумывает над убийством человека в переулке, у него есть связи получше, чем у меня.

Я думаю о сообщениях и о Фризе. Дениэл хорош в обращении с оружием. Мне нужно остаться с ним.

Просто необходимо.

Знаю, что должна буду сделать. Я тяжело сглатываю и закрываю глаза, ободряя себя. *«Ты сможешь это сделать, Рэйган. Он просто очередной парень. У меня была их целая куча с тех пор, как я попала в плен. И большинство из них были ужасными насильниками. Так что это просто ещё один бессмысленный перепих, не так ли?»* Но меня начинает тошнить при мысли об этом. Дениэл не сделал мне ничего плохого. Мне кажется неправильным использовать его.

И тем не менее, я знаю, что он хочет меня. Я видела, как он смотрит на меня. Понятно же, что мужчина считает меня симпатичной и без ограничений. Потребуется время, чтобы показать ему, что ограничений у меня нет только для него. Если бы я стала его любимой секс игрушкой, он бы держал меня рядом и защищал.

Стянув через голову свой новый мягкий сарафан, я аккуратно складываю его на стол. Я взбиваю волосы, облизываю губы и слегка щипаю себя за щеки, чтобы они приобрели здоровый цвет. Мне нужно выглядеть сексуально, вызывая желание, и прежде всего показать, что и я его хочу. Будто я умру, если не получу его член в следующую же секунду.

Я смогу это сделать.

Я зажимаю свои соски, чтобы они затвердели, хотя желание – это последнее чувство, которое испытываю сейчас. Скорее, это страх. Дениэл узнает, как только коснется меня, или почувствует, что я сухая. Раздумывая мгновение, я собираю слюну во рту. Когда её становится много, я плюю на пальцы и засовываю их в трусики, чтобы увлажнить себя. Это придется сделать. Когда он окажется там, то будет настолько распален, что ничего не заметит. Или ему будет всё равно, ведь большинству мужчин всё равно.

Я спокойно подхожу к Дениэлу. Он всё ещё спит, и у него ровное дыхание. Его руки больше не прижимают одеяло, а свободно свисают вдоль тела, поэтому я осторожно стягиваю его и кидаю к ногам. Мужчина носит брюки на ремне. Отлично. Сначала я потру его хорошенько, чтобы возбудить, а потом расстегну брюки.

Я становлюсь на колени и тянусь к его члену. Нужно убедиться, что всё пройдет гладко. Поднявшись, я стягиваю свои трусики, хотя разум кричит, что нужно их оставить, в них безопаснее. Затем я сажусь и кладу ладонь ему на грудь, наблюдая за его лицом.

Он вздыхает, но не просыпается.

Я осторожно провожу рукой по всей длине его члена, чувствуя, как он твердеет. Небольшое беспокойство закрадывается ко мне в душу, потому что даже в вялом состоянии размер Дениэла впечатляет. Это будет больно. Но сейчас уже ничего не поделаешь. Я беру его член в руку и продолжаю гладить его вверх-вниз, и он медленно увеличивается, твердея от моих движений.

Дениэл что-то бормочет и с закрытыми глазами тянется рукой к члену и находит там мою руку, хватая меня кулаком за запястье, но не убирает, распахивая свои глаза, и его взгляд растерян и смущен:

— Какого чёрта? — бормочет он, пытаюсь сесть.

Я наклоняюсь, прижимаясь губами к его губам, и просовываю внутрь язык. Одна моя рука по-прежнему на его члене, а другой я давя ему на плечо, пытаюсь заставить его лечь обратно на диван.

— У меня есть проблема, Дениэл, — говорю я самым сексуальным голосом, каким могу, продолжая потирать его член.

Я прижимаюсь грудью к нему, и чувствую, как член в моей руке становится толще.

Внезапно туман сползает с его глаз. Мужчина вскакивает в вертикальное положение и лихорадочно отбрасывает меня в сторону.

— Что, чёрт возьми, ты делаешь? — рычит он.

Внезапное осознание того, что я собиралась сделать, поражает меня. Я пыталась использовать этого человека, как использовали меня, будто он ничего не значит.

Будто он просто тело.

Пораженная ужасом содеянного и не в силах больше притворяться, я с силой прижимаюсь к своим ногам.

— Прости, — умудряюсь я выдать под его агрессивным взглядом.

Дениэл упер руки в бедра, выглядя при этом, как разъяренный бог.

— Думаю, завтрак плохо лег.

Спотыкаясь, я бегу в ванную комнату и едва успеваю, прежде чем не заблевать всё вокруг.

Глава 8

Дениэл

Я часто вижу сны. Слишком часто. Обычно мне снится моя сестра Наоми. Я с ней в отпуске или спасаю её от похитителей. Но чаще я вижу, как стою на пляже, а волны уносят её в открытое море. И я плыву за ней, зову её по имени, но она никогда не отвечает. Когда я поворачиваюсь к берегу, то вижу там отца и мать, стоящих на коленях, поэтому разворачиваюсь и плыву обратно в океан. Проснувшись, я задыхаюсь от нехватки воздуха.

Иногда мне снятся мои миссии, когда я служил снайпером в отряде Дельта, где я лежу в маскировочном костюме в песке рядом со своей винтовкой. Я снимаю людей независимо от их пола и возраста, как в аркаде. Со своей позиции я не могу знать, кто они. Да и для сохранения рассудка мне лучше не знать. Всё, что я знаю – они представляют опасность для моих братьев, и я должен убить их раньше, чем они нанесут вред кому-то из моего отряда. От этих снов я просыпаюсь, затаив дыхание, будто выжидая перед тем, как нажать на курок.

Но этот сон настолько отличается от всех моих ночных кошмаров. В этом сне Рэйган говорит мне, что единственный способ, которым я могу спасти её – это переспать с ней. Без сомнения этот сон закончится так же плохо, как и все остальные, но я не могу понять, куда плыть после секса к берегу или в океан. Она продолжает говорить, что только это приведет её в порядок и только мой член сможет исцелить её. В этом есть что-то неправильное, но давление её тела заглушает все проблемы. Это чертовски хороший сон, а потом... я просыпаюсь, понимая, что это не чертов сон. Эта чертова девка гладит мой член, но её взгляд мертв, а я не трахаю трупы.

Запихнув свой проклятый член в штаны, я застегиваю их. И хотя я зол на неё, как чёрт, я наливаю ей стакан воды.

Внутри ванной я нахожу Рэйган с голой попой на пятках, склонившуюся над унитазом. Она не просто задыхается, а плачет, пытаясь выжать свое тело наружу по унциям. Кажется, я хочу проблеяться рядом с ней. Одна часть меня хочет наорать на неё, пока не осипнет горло, а другая хочет забрать отсюда и успокоить.

— Вот, стакан воды. Нам нужно поговорить.

Рэйган не признает меня. Её плечи вздымаются, а дыхание затруднено. Я ставлю стакан на раковину, и моя рука висит над её головой. Видимо та часть, которая хочет

успокаивать её, выигрывает. Хотя возможно, это говорит мой член, поэтому я сжимаю руку в кулак и выхожу из ванной, тихонько закрыв за собой дверь.

Звуки её всхлипов приглушены, но по-прежнему слышны. Каждое её всхлипывание, словно чертова иголка, врезается мне в кожу. Я хватаю свой телефон со стола. Должно быть, она просмотрела его, потому что он был в кармане пиджака. Утренний рейс у меня был смертельно утомительным из Сиэтла в Россию, а затем сюда в Рио. И еще три дня я искал Рэйган и Гомеса. Я спал всего несколько часов, но сегодня утром, расправившись с головорезом Гомеса и купив одежду для Рэйган, думал, что могу расслабиться и отдохнуть. У нас должно быть пару свободных часов, прежде чем труп того парня обнаружат.

Думал, что просплю всё это время. Мне были необходимы несколько часов сна, но видимо мое тело и разум были закрыты, и я не смог разобраться, что происходит. *«Но на хрена она пыталась соблазнить меня?»* Я позволяю гневу на Рэйган и всю эту ситуацию перегореть в чувство вины. У неё нет никакого интереса заняться со мной сексом. Я не сделал ей ничего плохого.

Чёрт. Меня. Подери.

Выйдя на пожарную лестницу, я звоню Петровичу. Если я не отмечусь, он завалит меня сообщениями, а это может развалить все мои достижения по нахождению цели.

— Я работаю, и если буду останавливаться, чтобы отчитываться тебе обо всем говне, ты не увидишь результата.

— Кажется, ты злишься, Дениэл, — голос Петровича почти без акцента разливается по телефонной линии.

— Не злюсь, я раздражен. Ты знаешь, что значит это слово?

— Да, я учился в Оксфорде, разве не помнишь?

— Да хоть в двух колледжах. Просто перестань мне писать чертовы сообщения.

Я хотел бы пройти, но размер места у пожарной лестницы три на четыре фута всего на один шаг из комнаты.

— Я должен приехать, — размышляет он.

— Конечно, давай приезжай. В этом месте, безусловно, нужно больше русских. Ты не сможешь обыскать здесь всё, — говорю я.

Петрович хрюкает:

— Император. Помни, его нужно схватить, но не причинять вреда. Ты должен сделать всё возможное, чтобы уберечь его от опасности.

— Да, я знаю, — выдыхаю я, прижимаясь к железным перилам.

Мой недавний гнев улетучивается. Рэйган облажалась. Конечно же, она делает только глупости. Мне нужно больше терпения. То, чего я так хотел от сестры.

— Что за человек этот Император?

На том конце отчетливая пауза, будто он взвешивает, достоин ли я этой информации. Но я слишком много знаю о Василии, что делает его благоприятно настроенным, и знаю достаточно, чтобы его шантажировать. Почему же он хочет отстранить Императора от дел после того, как его дядя – бывший глава банды, был убит?

— Ты знаешь об Императорском дворце.

— Да, это место, где я получаю большую часть комиссионных.

И задания.

— Ты хочешь человека, который создал эту подпольную сеть. Не из-за денег. Они тебе не нужны.

Он молчит, не желая выдавать мне еще больше информации, но для меня сейчас и так всё ясно.

— Ты должен взломать то, что очень уязвимо для атак. И ты думаешь, Император сможет сделать это, — предполагаю я, но почти уверен, что прав.

— Да, — рычит он в подтверждении. — Человек, который смог создать сеть для торговли оружия, наркотиков и для чего угодно до сих пор не попался? Я хочу его.

— Моя сестра может это, — говорю я. — Но не думай, что я позволю твоим грязным рукам дотянуться до неё.

— Найди мне Императора. Я за это заплатил тебе.

Он вешает трубку, и я ещё минуту слушаю монотонные гудки отбоя. Найти Императора. Найти сестру. Чтобы сделать всё это, мне нужно скинуть багаж. Рэйган должна отправиться до того, как мы поймеем друг друга. Я набираю другой номер, чтобы ускорить этот процесс.

— Да, — суровый украинский акцент Ника, как долгожданный глоток воздуха среди мягких романтических португальских речей.

Я не могу позволить себе мягкость сейчас.

— Твоя девушка ненормальная, — говорю я ему.

— Рэйган не принадлежит мне. Она не моя. У меня только одна.

Ник воспринимает всё чертовски буквально. Обычно, это забавно, но не сейчас.

— Дай трубку Дэйзи.

— Нет.

— Да, дай чёртов телефон своей девушке или я брошу Рэйган прямо сейчас.

Я слышу шуршание и хрюканье Ника в трубке.

— Алло? — Дэйзи кажется запыхавшейся, но счастливой.

Мой гнев улетучивается прочь. Я не могу разрушить её счастье. Дэйзи прошла через многое и терзалась чувством вины. Если бы не было Дэйзи, Рэйган никогда бы не похитили. Если бы Дэйзи не была девственницей, то Рэйган никогда бы не изнасиловали. Я не могу рассказать ей, что происходит.

— Дэйзи, дорогая, этот суровый украинец делает тебя счастливой? Ты знаешь, я всегда готов придти к тебе на помощь, — я пытаюсь привести в свой голос немного лживой беззаботности.

Она хихикает:

— Нет, я люблю своего сурового украинца. Ты слишком спокоен для меня. Мне нравятся угрюмые и нервные парни.

Боже, я она идеально привязана к Нику.

— Ты просто никогда не была с техасцем. После того, как ты попробуешь кого-то из страны большого неба, уже не сможешь уйти.

— Я думала, страной большого неба называют Монтану.

— Мы настолько крутые, что для нашего описания используются все лучшие лозунги. Монтана нам только подражает, все знают это. Плюс к этому, их девиз используют, чтобы объяснить, почему они совокупляются с крупным рогатым скотом, пока никто не видит.

— Это очень вульгарно, Дениэл.

— Знаю. Вот, почему я никогда не поеду туда.

Меня что-то понесло от небольшого разговора, поэтому я перехожу к делу.

— У меня хорошая новость. Рэйган у меня.

Дэйзи начинает плакать, и я хочу раздавить телефон в моей руке. Я только что разделался со слезами и не вынесу ещё одну рыдающую женщину, даже если она делает это от радости. Но в рыданиях Рэйган нет облегчения. Я слышу вину, печаль и боль.

— Ты меня слышишь? Мы в безопасности, — кричу я в трубку громче, чем хотелось бы.

— Не повышай на неё голос или это будет последнее, что ты скажешь, — слышу я угрозу Ника.

— Да, да.

В данный момент я бы хотел укрыться от любых проблем. Я иду обратно в спальню, но не слышу никаких звуков от Рэйган. Колеблясь, я лезу через окно в квартиру. В ней стоит мертвая тишина. Чёрт, надеюсь, она не навредила себе.

— Я должен идти, — говорю я, бросая трубку.

В пять секунд я подлетаю к ванной. Дверь открыта, но внутри никого. Позади меня кто-то слегка покашливает, и я разворачиваюсь с пистолетом в руке. Это Рэйган сидит на краю дивана с поднятыми руками. Я ставлю обратно на предохранитель и прячу пистолет в кобуру.

— Ты дерьмово выглядишь, — говорю я просто потому, что нахожусь в полной растерянности.

У меня горло болит от удерживания криков, что я готов обрушить на неё. Она не успевает ответить, как снова звонит телефон. Ник и Дэйзи.

— Возьми еще бутылку воды и выпей её всю, но медленно. У тебя серьезное обезвоживание.

Её взгляд замирает на двери в спальню, где звонит мой телефон. Не обращая внимания на непрекращающийся звонок, я иду к холодильнику и достаю еще одну бутылку воды. «Терпение», — советую я сам себе. — «Эта девушка прошла через ад, и ты должен быть терпелив к ней. Относись к ней так, как если бы она была твоей сестрой».

Глубоко вздохнув, я собираю в кучу всё свое потрепанное самообладание, посылаю ей будничную полуулыбку и вручаю бутылку. Телефон перестает звонить, но тут же начинает снова.

— Тебе бы лучше взять его, — её голос звучит так чертовски сексуально и с грубой хрипотцой, будто связки царапают наждачной бумагой.

— Да, — говорю я, хотя не двигаюсь, чтобы взять телефон.

Через два звонка включается голосовая почта, и вибрация сообщает, что меня ожидает сообщение.

— Прости меня за это утро, — шепчет она, упираясь взглядом на свои руки, которые заняты отрыванием наклейки от бутылки.

Моим первым порывом было сказать, что никаких проблем, но это чертовски огромная проблема, и я не буду просто скрывать это, как мусор под ковром.

— Мне нужно сделать телефонный звонок, и мы поговорим. Ты скажешь мне, почему Гомес продолжает искать тебя, и почему ты не хочешь, чтобы я отвел тебя в посольство. А затем мы обсудим это утро.

Девушка кивает и делает глоток, глядя на меня огромными влажными глазами поверх пластиковой бутылки. У нее такой взгляд, будто я собираюсь бросить её на обочине дороги. Я потираю лоб в поисках терпения.

— Я не причиню тебе боль, Рэйган, и не хочу, чтобы ты заставляла меня причинять тебе боль.

Когда глажу её пальцем по спине, она не вздрагивает, и я прижимаю палец к ней.

— Я на твоей стороне независимо ни от чего. Но, чёрт возьми, я не смогу тебе помочь, если ты не объяснишь мне, что происходит. Я неделями искал тебя и сейчас говорю, что скорее умру, чем позволю случиться чему-то плохому с тобой, поэтому нам нужно поговорить, когда всё закончится.

Эта речь приводит к ещё одному её удушливому всхлипу, поэтому я отхожу. Я не выдержу еще одной плаксивой истерики этим утром. Мои нервы расшатаны, а я хожу по лезвию ножа от безумного недосыпа, от давящего дерьмового чувства вины и беспокойства по поводу прихода людей Гомеса. Я не солгал Рэйган, когда сказал, что скорее умру, чем позволю причинить ей вред. Не хочу никогда больше слышать этих звуков сломленной женщины. Никогда.

В спальне я беру телефон и вижу, что Ник звонил еще трижды. Я снова выхожу через окно на пожарную лестницу. Рэйган не должна услышать этот разговор. Еще рано.

— Рэйган в порядке? — отвечает Дэйзи еще до того, как заканчивается первый гудок.

— Она выглядит хорошо, но я не водил её к врачу или куда-то ещё, — думал, кто-нибудь в посольстве позаботится об этом.

— Она сможет сходить, когда вернется, в Миннеаполисе, — задумчиво говорит Дэйзи. — Почему она не в посольстве? Я думала, по плану ты должен доставить её туда.

— Спасибо, Дениэл, что спас мою лучшую подругу из плена, к которой ты не имел никакого отношения, — насмешливо говорю я, но мои резкие слова встречает молчание, и я чувствую себя козлом. — Слушай, прости. Мне было тяжело последние несколько дней. Я отвез её в посольство, но она не захотела выйти из такси, и предпочел не нести её с голой жопой через всю улицу, а привел домой.

— Тогда как ты собираешься доставить её домой?

— Сегодня я разберусь с этим. Но вот, в чем дело: она боится и не доверяет мне, поэтому скажи, что я могу ей рассказать?

— Всё.

— Всё? Что Ник бывший русский киллер, и что её похитили только потому, что не знали, какая именно девушка принадлежит ему?

— Да, всё это, — категорично говорит Дэйзи. — Или я скажу ей. Дай ей трубку.

— Хорошо.

Я захожу обратно в комнату и передаю трубку Рэйган:

— Это тебя.

Она смотрит на меня, как змея, готовая ужалить в любой момент, но через мгновение протягивает руку и берет у меня трубку.

— Алло? — неуверенно спрашивает Рэйган.

Глава 9

Рэйган

— О, мой бог, Рэйган, как здорово слышать твой голос.

Меня поражает голос, который я слышу на том конце:

— Д-Дэйзи?

Она – последний человек, которого я ожидала услышать. Мыслями я все еще на диване, где пыталась изнасиловать Дениэла.

О, Боже. Я стала такой же гадкой, как и те придурки, что использовали меня. Чувствую себя отвратительно грязной и сглатываю комок желчи, пытаюсь сосредоточиться на телефоне.

— Это я.

Милая Дэйзи с заплаканным голосом заставляет меня чувствовать себя еще хуже. Неужели моя невинная соседка по квартире та, кто послал за мной Дениэла? Ничего не понимаю. Дэйзи не перешла бы даже дорогу на красный свет, откуда ей знать тех, кто убивает людей и посещает бордели.

Я растерянно смотрю на Дениэла. На его усталом лице гнев, и он скрещивает руки на груди, глядя, как я разговариваю по телефону. Он злится. Нет, он в гневе. Пытаться переспать с ним было ошибкой. Теперь он хочет избавиться от меня, а мистер Фриз со своими парнями сможет легко меня найти.

— Слава богу, — лепечет Дэйзи мне в ухо. — Ты в порядке? Ты не ранена? Поговори со мной.

Не знаю, что сказать.

— Я в порядке.

Все мои раны внутри. А физически? Я отлично.

— Я просто растеряна.

Дениэл ворчит и достает из кармана другой телефон. Сколько же их у этого человека? Он начинает набирать сообщение и показывает его мне: «Скажи ей, чтобы начала с самого начала».

Я облизываю губы, на них до сих пор привкус желчи, и говорю:

— Дениэл говорит, чтобы ты начала рассказывать всё сначала.

— Хорошо, — громко выдает она, будто настраивая себя. — Ты помнишь Ника? Украинского парня, с которым я встречалась?

— Да.

Я лично с ним не встречалась, но видела его несколько раз в коридоре нашего дома, где Дэйзи гуляла с ним.

— Он – наемный убийца, то есть был им. Он бросил это ради меня.

Я не совсем уверена в том, что слышу:

— Он кто?

— Наемный убийца. Киллер. Он зарабатывал на жизнь тем, что убивал людей.

Так странно слышать эти слова, произнесенные невинным голосом Дэйзи, но она не прикрывается этим. Она принимает это.

— Кто-то убил его наставника, и Ник охотился на него, поэтому он оказался в Миннеаполисе. Ну, и поэтому тоже, но это другая история. Тут сложнее.

Она произносит эти слова, будто они не важны.

— Ник был членом русской мафиозной банды и... помнишь, как ты взяла мой телефон? Они подумали ты это я. Они собирались похитить меня, чтобы повлиять на Ника. Ну, а тебя, думаю, они взяли, потому что, — колеблется она, — ты симпатичная.

Я сглатываю, и воспоминания вспышками проносятся мимо. Страшного неуклюжего блондина в своей квартире вместе с Юрием. Как Юрий вкалывает мне в руку иглу, чтобы одурманить меня. Как Юрий разрывает мою одежду.

Я встряхиваю головой, чтобы прочистить её от ужасных воспоминаний, но они, будто стоят на краю моего сознания, ожидая подходящего момента. «Тебя они взяли, потому что ты симпатичная».

— Я... — я стараюсь придумать, о чем спросить, и хотя возмущена, но всё же у меня есть вопросы. — Как ты выбралась?

— Ник спас меня, — говорит она, и я слышу любовь в её голосе и ласковое мурчание в ответ человека поблизости. — Мы пытались найти тебя, но... — её голос дрожит.

Негодование вспыхивает в глубине меня. Я стараюсь сдержать его, но это трудно, и поэтому молчу, чтобы не сказать, что мне жаль.

— Они кому-то продали тебя, — продолжает Дэйзи. — А эти люди преследовали Ника, поэтому нам пришлось уйти в подполье, и мы послали Дениэла найти тебя.

Дениэла, с которым я обращаюсь, как с дерьмом. Которого я использовала, и с которым я постоянно плачу. Я вновь осторожно смотрю на него.

— Он тоже киллер?

— Да, он – один из друзей Ника.

— Хорошо.

— Хорошо? У тебя нет других вопросов? — кажется, она озадачена, будто Дэйзи прокручивала этот разговор в своей голове миллионы раз, а теперь он идет не так, как она бы хотела.

— Нет, — решительно говорю я. — Всё хорошо, — и я отдаю телефон обратно Дениэлу.

Подняв бровь, он удивленно смотрит на меня, затем берет телефон, встает и говорит низким голосом:

— Дэйзи, милая, почему бы тебе не отдать трубочку обратно Николаю?

Через секунду он переходит на иностранный язык, будто выплевывая слова. Я не понимаю большинство из них, а могу расслышать только Гомес и Рэйган вперемешку, кажется, с русским. Или украинский. Я не знаю ни того, ни другого. Он специально говорит обо мне на другом языке, чтобы я не могла разобрать, о чем они говорят.

Хлопнув в ладони, я собираю их на коленях и стараюсь держаться, но во мне кипит горе после разговора с Дэйзи. Похоже, когда меня продали в бордель, она бежала обратно в Соединенные Штаты со своим парнем — тем самым, который втянул нас всех в это.

И раз они не могли жить спокойно, то послали кого-то найти меня.

Конечно, я уверена, что это не вся история. Это имело бы смысл для меня, если бы я была рационалисткой. Но больше я не рационалистка. Я — часть шоу уродов, которая пытается трахнуть мужчин, даже если они этого не хотят, и чуть что сразу плачет.

«Тебя они взяли, потому что ты симпатичная».

У меня скрючиваются пальцы, и я борюсь с желанием выцарапать себе глаза, не желая оставаться достаточно симпатичной, чтобы быть шлюхой. Хотя Дениэл так смотрит на меня после того, как я попыталась... ну, после того, что случилось утром. После всего этого, может быть, меня уже никто не захочет.

Могу поспорить, что если бы Дэйзи была продана в бордель, её бы сразу нашли. Её опасный американский парень сразу же узнал бы об этом. А мой парень Майк. Майк не пришел за мной. Никто не пришел.

Кроме Дениэла. А я так ужасно обошлась с ним.

Как будто поняв, что я думаю о нем, Дениэл поворачивается, гавкает какое-то слово в трубку и с силой закрывает телефон. Понятно, что он все еще кипит, но не хочет набрасываться на меня.

— Прости, — бормочу я хриплым голосом. — Знаю, я ненормальная.

Мужчина раздраженно смотрит на меня и идет на кухню. Вижу, как он берет бутылку какого-то ликера и два стакана. Вернувшись в гостиную, он присаживается на другой край дивана, ставит стаканы на край стола и начинает разливать напиток.

— Рэйган, ты прошла через ад, который я даже представить себе не могу. Никто не ждет, что ты теперь будешь вести себя, как ромашка. Но мы должны стараться вместе вытащить тебя отсюда. Хорошо? Мне нужно знать, что происходит, чтобы я смог спасти наши задницы.

Понаблюдав за ним мгновение, я предполагаю, что извинений не достаточно.

— Я запаниковала тогда. Вот, почему я... пыталась соблазнить тебя. Думала, ты собираешься послать меня куда подальше, и увидела трусики, которые ты мне купил, — слезы льются из моих глаз, но я стираю их. — Прости, мне очень жаль, я не подумала. Я была просто... в отчаянии и не знала, что делать, поэтому я просто... выступила. Теперь я такая же плохая, как и мужчины в борделе.

Сопли бегут из моего носа, и я ужасно выгляжу, но не знаю, что сделать, чтобы исправить это. Я пытаюсь улучшить свое положение, но становится только хуже.

Дениэл выходит из комнаты, но через мгновение возвращается с рулоном туалетной бумаги в руках и вручает мне. Я послушно вытираю слезы и высмаркиваюсь.

— Да, — качает он головой. — Ты облажалась. Не буду врать, я больше, чем злюсь на эту ситуацию. Слушай, — он протягивает мне стакан, очевидно, спиртного, — правда в том, что я думаю, ты великолепна, хорошо? Но я не думаю членом. Я не прикоснулся бы к тебе, потому что знаю, что ты пережила. Со мной ты в безопасности. Я купил тебе такие трусики, потому что только они продавались в том магазине, где я был, а я не хотел оставлять тебя одну надолго. Мне жаль, если я так послал неправильный сигнал. Я здесь не затем, чтобы трахнуть тебя, понятно? Я здесь, чтобы спасти твою задницу.

Он берет свой напиток и поднимает бокал в качестве тоста.

— Тем не менее, это было отлично.

Неожиданная полуулыбка касается моего рта. Я смотрю на свой напиток и нюхаю его. Пахнет... странно.

— Что это?

— Местный напиток. Cachaça, — говорит он что-то похожее на ка-ша-са. — Это что-то типа рома.

— А почему мы пьем?

— Потому что я уверен, что нужно выпить после всего дерьма, что произошло сегодня утром, — говорит он, наливая себе еще. — А тебе нужно отдохнуть. Давай, до дна.

Я пожимаю плечами. Он прав. Мне действительно нужно расслабиться. Чувствую, что последние двадцать четыре часа прожила в режиме паники. Наклонив стакан, я выпиваю содержимое. Поначалу вкус напомнил мне ром, но потом, будто что-то взорвалось в моем горле. Я кашляю. Мое горло и так раздражено утренней тошнотой.

— Вау.

— Да, это что-то, — он снова наполняет мой стакан кашасой. — Теперь ты выпьешь это, и мы поговорим.

Я выпиваю еще глоток кашасы, чувствуя, как алкоголь обжигает и начинает заполнять мои конечности.

— Что, — спрашивает он, — теперь чувствуешь себя лучше?

— Лучше, — соглашаюсь я, и мне действительно лучше. — Спасибо.

— Как так вышло, что ты не захотела поговорить с Дэйзи?

Я смотрю на него с подозрением:

— Так, план был в том, чтобы напоить меня и допросить?

— Бинго, — говорит Дениэл, наливая мне снова.

Я выпиваю еще, определенно ощущая, как расслабленно растекаюсь и замечаю, что Дениэл держит один и тот же стакан, пока я пью один за другим. Подлый человек. Пришедшая мысль заставляет меня напрячься.

— Тебе не удастся напоить меня.

Глаза Дениэла расширяются:

— Боже, нет. Все мои фантазии были убиты твоим видом над унитазом.

Я вздрагиваю:

— Плохой звоночек.

— Да, — категорично говорит он.

— Тьфу ты! У меня склонность к насилию.

— Эх. Звучит осмысленно, главное не облажаться в пути, а ты в отчаянии, — мужчина наполняет мой стакан, прежде чем я успеваю что-то спросить. — Когда ты в отчаянии, ты творишь сумасшедшие вещи. Я был там.

В томлении я раздумываю о его словах, а алкоголь всё-таки проявляет свою волшебную силу. Так секс со мной все-таки был его фантазией. Если бы он только знал.

— Возможно, к лучшему, что секс-фантазия разрушена, — делюсь я с ним.

Мужчина фыркает:

— Дорогая, ты просто олицетворение проблем.

Я хихикаю, не в силах сдержаться. Мне стоило бы оскорбиться, но он прав. «Я все порчу», — признаюсь я сама себе, и вздыхаю, глядя на свой стакан:

— По крайней мере, я испортила только секс. Значит, я не совсем пропащая.

— Не может быть!

Я смотрю на него и вновь напоминаю себе, что он довольно симпатичный. Дениэл – классический американский красавец. Если бы мы вместе учились в колледже, я бы точно в него влюбилась.

— Знаешь, не то, чтобы и раньше это было здорово. У меня никогда не было оргазма с парнем, поэтому я почти уверена, что всё это фигня.

Дениэл стонет:

— Рэйган, ты решительно убиваешь меня здесь.

— Почему?

Он трясет головой:

— Сменим тему. Почему разговор с Дэйзи был таким коротким?

Я облизываю край своего стакан, так как он все еще пуст. Наверное, мне нужно быть пьяной весь следующий месяц.

— Потому что не хочу злиться на неё.

— Почему ты злишься на неё?

— Потому что она сбежала, — шепчу я. — Сбежала и бросила меня. Все бросили.

Я сглатываю, ставлю стакан и смотрю на Дениэла:

— Ты же не собираешься меня бросить, да?

— Я нет, милая. Даю тебе слово, — мужчина задумчиво смотрит на меня и выпивает. — Но ты должна рассказать мне, почему ты не хочешь идти в посольство? Что там так пугает тебя?

— Я видела там мужчину, — шепчу я. — Охранника мистера Фриза.

— Мистер Фриз? Арнольд Шварцнеггер? Как из дерьмовых фильмов про Бэтмена?

Покачивая головой, я растираю руки, будто они замерзли. Меня больше не согревает алкоголь.

— Белобрысый парень. Ужасающий. Он покупает девушек, и он купил меня. Это он отправил меня в Рио, чтобы меня «сломали». Они могли быть со мной, сколько угодно грубыми и жестокими до тех пор, пока не испортили мне лицо, пока я использую презервативы и чищу зубы.

— Зубы? Презервативы?

Я задумчиво тру пальцем свои передние зубы.

— Думаю, у него какой-то гигиенический фетиш. Он приходил ко мне в бордель, но не для того, чтобы трахнуть меня. Он просто надел резиновые перчатки, прежде чем прикоснуться ко мне и осмотрел всё. Спросил, бреют ли меня. Везде, — я вздрагиваю. — Он пугает меня.

— Может, он – гермофоб.

Я качаю головой, вспоминая охранника, что был с ним:

— Его все боятся. Даже сеньор Гомес.

— Значит, какой-то богатый парень заиклен на тебе? И отправил тебя к Гомесу? Для тренировки? Думаю, это объясняет использование презервативов и слежение за гигиеной, и почему Гомес так хочет тебя вернуть.

Дениэл не выглядит счастливым от этих новостей.

— И ты говоришь, что видела его в посольстве?

— Его телохранителя.

Я снова дрожу не в силах держать себя в руках и тут впервые понимаю, что сижу на диване в одном только лифчике. Упс.

Дениэл замечает мою дрожь и натягивает одеяло вокруг меня, заправляя, будто я ребенок.

— Хорошо, что я это знаю. Я сделаю несколько звонков и посмотрю, что смогу узнать о том, что происходит, а потом нам придется двигаться.

— Двигаться? — я моргаю, глядя на него все еще пьяными глазами от кашасы. — Зачем?

— Потому что они выяснят, что мы в этом районе, узнав, что я убил маленького разведчика Гомеса, — говорит он так, будто комментирует погоду. — Сейчас мы в безопасности, но сегодня же нужно двигаться дальше.

Я сильнее вжимаюсь в одеяло:

— И ты возьмешь меня с собой?

— Боюсь, ты со мной, пока все эти дела не кончатся, — он потирает шею, выглядя раздраженным, но не на меня. — Здесь чертовский беспорядок, да?

— Можно мне пистолет?

Дениэл долго смотрит на меня:

— А ты обещаешь перестать плакать?

— Обещаю, если ты дашь мне пистолет. А потом пристрелю тебя, если расстроюсь.

По какой-то причине, это заставляет его смеяться:

— Я думаю, мы с этим справимся.

Глава 10

Дениэл

Рэйган все еще смотрит так, будто готова расплакаться. Я скучаю по армии, ведь там допустим очень узкий диапазон эмоций, по крайней мере, в отряде Дельта. В основном, это были самоуверенная бравада и усталое приятие. Мне трудно принять чувства Рэйган, потому что самоанализ в армии не поощрялся. Я восемь лет душил свои чувства, чтобы стать идеальной машиной для убийства. Это была отличная подготовка для наемного убийцы вне военных действий, я мог творить дерьмо, но не помогать раненым девушкам.

У меня нет сомнений в том, что если она прилипнет ко мне, то это испортит её еще больше. Но я лучше разорву себе задницу, чем позволю ей снова пропасть. Я приму удар на себя и дам ей то, что её подымет, хотя и нехорошим способом, поэтому говорю:

— Они бы отправились тебя искать, но Ник должен был прикинуться мертвым. Он не может разгуливать здесь по Рио, потому что, если кто-то узнает его, Дэйзи останется снова одна. Плюс Ник дерьмовый человек. Он бы не смог вытащить тебя от Гомеса, не устроив кровавой перестрелки.

Не знаю, зачем всё объясняю ей, ведь Ник не друг мне вовсе. Он просто знакомый. Пожалуй, его можно назвать коллегой по работе. Часть братского коллектива Чертовых Парней, которые не могут функционировать без пистолета. Я наблюдал за ним какое-то время, потому что всегда искал того, кто мог бы привести меня к моей сестре. Ник работал с такими подонками с самого детства. Он стал платным убийцей, работающим в одиночку, в пятнадцать лет. Несмотря на его двадцать пять, его взгляд говорит о том, что он видел и делал такие отвратительные вещи, которые мужчины и в восемьдесят лет не увидят в своих страшных кошмарах. Я ввязался в дела Ника с покойным боссом русской мафии, потому что они впервые за долгое время дали мне хорошую зацепку. Блондинка, похищенная из Канкуна, появилась на аукционе в Рио полтора года назад по тому же каналу, что Рэйган. Бум. Две пташки. Один чертовски тяжелый путь для меня.

Теперь Рэйган у меня, и мне нужно найти сестру. Рэйган выглядит зажатой и смотрит на меня раненым взглядом, который словно затягивает узел на моей шее. Она не заплачет снова. Я наливаю ей еще, потому что худшее в состоянии алкогольного опьянения – прекращение употребления спиртных напитков. И если кто-то нуждается в мире, который может принести маленькая коричневая бутылка, так это Рэйган.

— Так они не бросили меня? — спрашивает она сильным голосом без дрожи.

— Нет, они послали меня. Доверься мне. Я гораздо симпатичнее и лучше стреляю.

Не говоря уже о чувстве юмора. Разве не лучше быть со мной?

Я нагибаюсь к ней, и она хихикает, как я и рассчитывал.

— Думаю, да. Имею в виду, мне нравится Дэйзи, и это так глупо после всего через что мне пришлось пройти, быть брошенной ей – это очень больно.

— Милая, ты можешь чувствовать все чертovy эмоции, какие захочешь.

«Только не плачь, потому что твои слезы ранят больнее ножа в живот».

Девушка медленно кивает, будто пытается изменить свои внутренние чувства к Дэйзи. Я полагаю, что предательство близкого человека хуже, чем постоянное насилие от незнакомых людей.

Рэйган начинает раскачивать головой. Легко. Я мог бы выпить целую бутылку, и мне бы ничего не было. Это мой трюк. Василий Петрович – новый глава банды и я соревновались, пока ждали Ника, прежде чем идти убивать дядю Василия. Он клялся, что ни один человек с запада не сможет выпить столько, сколько сможет русский. Я принял вызов, а Петрович отправил меня на поиски хакера. «Черт, и почему все в Рио?» Я потряс головой.

Теперь я помогаю Рэйган, потому что Ник Андерс больше не киллер. Он теперь студент колледжа искусств. Трудно убить главу банды и остаться в живых, поэтому Николай Андриюшко мертв, убит Василием за смерть дяди. А из пепла поднялся Ник Андерс – тихий задумчивый американец. Так что Ник не может бегать по трущобам в поисках блондинок из США, да и Дэйзи... не нашла бы никого для спасения своей лучшей подруги.

— Ты засыпаешь? — вежливо спрашиваю я, и она кивает. — Я возьму тебя и отнесу в спальню.

Девушка передвигает головой вверх-вниз, возможно, это согласие, а может, она слишком пьяна, чтобы держать голову прямо. Я беру её на руки, и она не возражает. Наоборот, прижимается щекой к моей оголенной коже, что заставляет колотиться мое сердце.

— Нам нужно отвести тебя к врачу и убедиться, что с тобой все в порядке.

Рэйган игнорирует мои слова, прижимаясь кончиком носа к моей щеке, от чего я дрожу как подросток. Мне нужно избавиться от этого, меня просто переполняет сперма.

— Ты хорошо пахнешь, — бормочет она.

Подняв ногу, я усаживаю её на кровать. Девушка немного подпрыгивает на скрипящем матрасе, но кажется, ей на это наплевать.

Магазинные пакеты еще не полностью распакованы, поэтому я вываливаю всё на стол и перекладываю в новую сумку, которую купил. У меня замирают руки, когда я касаюсь атласных с кружевом трусиков и бюстгалтера. Они выглядят сексуально, но я не вижу логики между хорошими тканями и быть отраханной Дениэлом, чтобы он не бросил меня. Будем надеяться, Рэйган выкинет это из головы, или для нас обоих наступит простое время.

Я набиваю сумку оставшимися вещами и оставляю её на столе. Пожав плечами, я собираю свои вещи в сумку и ставлю её рядом с сумкой Рэйган. Еще я засовываю оба заряженных ствола в кобуру.

Я припираю стулом ручку входной двери и проверяю, заперты ли окна, а затем ложусь рядом с Рэйган. В квартире очень жарко с запертыми дверями и окнами, но лучше изнемогать от жары в безопасности, чем чувствовать прохладу там, куда любой может попасть.

У меня жужжит телефон, и я достаю его. Это сообщение от Перея – контакт, который я завел, чтобы знакомится с плохими людьми, и хорошими тоже. Думаю, он может достать всё: от медицинского оборудования до пушки. У него процветающий черный бизнес.

«Информатор на Холме Обезьян. Футбольное поле. На рассвете».

«Разве это не чертовски здорово?» Я должен взять Рэйган в один из самых опасных районов, чтобы собрать разведанную информацию. Держу пари, что, если бы я запер её даже во дворце, она бы сбежала, что уж говорить о самом хорошем отеле в Рио. «А футбольное поле?» Последнее, что я слышал об этом месте, там был круг выжженной травы, потому что одна из наркобанд закинула там жертв в круг из горящих шин, обливала их бензином и сжигала живьем.

Но если то, что говорит Рэйган про посольство, правда, то я не могу отвести её туда. Откровенно говоря, меня не должно удивлять, что один из охранников в посольстве работает на торговцев людьми, но удивляет. Не сомневаюсь, что он – морской пехотинец. Многие посольства нанимают подрядчиков, большинство из них бывшие военные, которые должны пройти проверку, но правительство часто забивает на внутренние расследования. Так что можно сфабриковать свое личное дело, если у вас есть достаточно денег, а уж у торговцев людьми есть тонны монет.

Телефон снова жужжит — это сообщение от Василия.

«Все дороги ведут в Рио. Я иду. Найти его. В».

Еще лучше. Я заставляю себя ослабить хватку, чтобы не раздавить пластмассовую раскладушку. Новый босс русской мафии в поисках компьютерного гения едет в Рио. И мы должны залезть в самую дыру фавел, где в нас будут стрелять, пока не останется в живых ни одного мужчины – я смотрю на Рэйган – или женщины. Держать её при себе в мои планы не входило. Я собирался найти её, сдать в посольство, а затем искать свою сестру. Но теперь наши судьбы связаны. Судьба, карма или еще какое-то дурацкое веление свыше, которое ничтожно светит, свело нас вместе. Быть по сему. Мы пойдем вместе и вместе выберемся.

Я пишу сообщению своему контакту на Холме Обезьян.

«Спасибо. Потребуется вознаграждение. Доллары наличными?»

«Доллары хорошо».

И так как ей необходимо это, я снова пишу.

«Нужны женские документы, чтобы пройти несколько тестов. Кровавая работа».

«Без проблем».

Ничего не может стать проблемой для Перея.

Завтра я раздобуду больше оружия, проверю Рэйган, поговорю с информатором, найду хакера для Василия, спасу сестру и уберусь из Южной Америки. А прямо сейчас мне чертовски необходимо прикрыть глаза, или я буду полностью бесполезен. Я позволяю себе задремать, положив руку на свой ругер. Кто бы сюда не вошел, я сниму ему башку. Сейчас мне плевать, пусть это будет сам Василий.

Царапающий звук в комнате будит меня. Рэйган прижимается ко мне во сне, закинув на меня свои длинные голые ноги. Я удивлен, что не проснулся от того, как она близко. Мое тело мгновенно реагирует на близость, и член становится слегка твердым в одно мгновение. Черт. Сейчас на это нет времени.

Я выпутываюсь из её хватки и скатываюсь с кровати, но увлекаю Рэйган за собой к краю. Я зажимаю ей рот одной рукой, а другой – сдерживаю ноги. Она просыпается напуганной.

— Рэйган, это Дениэл, — шепчу я. — Там кто-то есть. Я отпущу тебя, но ты должна молчать. Кивни, если поняла.

Через пару секунд девушка кивает. Когда я отпускаю её, она сворачивается клубком.

— Не волнуйся, — говорю я ей. — Но ползи в ванну.

Покачивая головой, Рэйган сползает с кровати, садится на корточки позади меня и вплетается пальцами в брючный ремень. Полагаю, она не верит моим обещаниям вернуться.

— Я оставлю тебя здесь, ты не можешь меня удерживать.

Если придется вступить в рукопашный бой, она мне помешает.

Я прижимаюсь к полу и ползу к выходу. Освободившись от Рэйган, я хватаюсь за ручку и опускаю её. Дверь открывается, и возня в комнате прекращается. Через секунду потолок из гипсокартона над нашими головами взрывается. Штукатурка и строительный мусор обрушивается вниз, словно выстрелы.

— В ванну. Быстро, — приказываю я.

На этот раз Рэйган не колеблется. Она вскакивает и мчится ванную комнату, когда я дважды стреляю в приоткрытую дверь. Затем слышу треск от того, что незваный гость напарывается на стол. Я сам себе ехидно улыбаюсь. Стреляешь первым, значит, выдаешь свое местонахождение, мудака. Выползаю на животе с пистолетом в одной руке и ножом в другой и вижу черный ботинок. Я направляю свой пистолет на ногу выше двух футов от пола, и громкий выстрел порождает пронзительный визг. Знаю, я попал в коленную чашечку. Делаю еще один выстрел, но на этот раз немного правее, и слышу глухой удар, пришедшийся явно в плечо. Люди предсказуемы. Если выстрелить им в ногу, они наклоняются, чтобы схватиться за рану. Легче было бы выстрелить в голову и учить сразу, но я хотел, чтобы этот тип выжил.

Все еще пригнувшись, я продвигаюсь внутрь комнаты и включаю лазерный прицел. Маленькая красная точка никогда не перестает пугать людей, а если еще и боль слишком сильная, это не позволит ему сосредоточиться. Я приношу дары. Моя жертва корчится на полу, перемещая руку от плеча к ноге и обратно, будто не зная, какую рану стоит зажать. Но это не важно. После того, как он ответит на несколько моих вопросов, я прослежу, чтобы раны его больше не беспокоили. Быстрый осмотр комнаты показывает, что здесь пусто. Открыто окно рядом с диваном, из которого вниз болтается веревка. Должно быть, он действовал в одиночку, потому что напарник уже забрался бы наверх, услышав выстрелы. Несмотря на глушитель, невозможно скрыть звук выстрела и уж тем более визг, вызванный прострелом коленной чашечки. Это серьезная травма.

Я подхожу, забираю его пистолет и засовываю его за ремень. Подойдя к окну, я наступаю на плечо раненному, и это заставляет его рыдать от боли. Я нагибаюсь и дергаю за веревку, но никакого сопротивления нет, значит, она закреплена только здесь. Развязав веревку, я затаскиваю её вверх. Нет смысла афишировать проникновение.

— Сеньору Гомесу действительно дорога эта девушка, да? — спрашиваю я, сматывая веревку и убирая её в сумку. — Рэйган, — зову я, — мне нужно опознание, пожалуйста.

Может, она узнает его. Абсолютно уверен, что узнает.

Рэйган выходит на цыпочках.

— Оставайся в дверях.

Этот мудак сейчас не смог бы напасть даже на котенка, но я хочу быть уверен, что Рэйган ничего не грозит. Присев рядом со злоумышленником, я рывком поднимаю его голову за волосы:

— Ты знаешь этого парня?

Крик гнева вырывается из неё, и она мчится к нам. Он вытягивает руки, чтобы защититься от её атаки, но её ярость сильнее. Она пинает его в живот, затем в колено снова и снова. Он начинает лепетать на португальском мольбы, обращаясь ко мне, чтобы я остановил эту дьявольскую женщину. Думаю, она точно знает этого парня.

Неохотно, я прекращаю её действия, хотя было забавно наблюдать за её темной стороной.

— Рэйган, хорош. Мне нужно задать этому мудаку несколько вопросов, так что погоди.

Пыхтя и отдуваясь, она сдерживает себя. На её ноге кровь, вероятно, она коснулась раны на колене.

— Лучше иди и смой это, неизвестно, чем он болен.

Девушка осматривает себя и вздрагивает. С коротким кивком она поворачивается и идет в ванну. Слышу, как включается вода, я поднимаю парня с пола, усаживаю на ближайший стул и связываю ему руки.

— *Ai meu Deus do Céu!* — благодарит он бога на португальском.

Я заслуживаю немного симпатии у насильника.

— Ни один бог не поможет тебе сегодня.

Я снова давлю ему на колено, и он начинает всхлипывать. А пока он плачет, я анализирую его пистолет.

— Что это?

Рэйган возвращается. В лунном свете её голые ноги блестят от воды, и я плююсь на них, и наш друг, без сомнения, тоже.

— Это африканский Вектор СП-1. Хороший образец, странно, что он оказался у парня из трущоб. Обычно у них автомат АК-47 или самоделы из трубы и бойка.

Я поднимаю пистолет.

— Ну, он хотя бы доказывает, что этот парень из хорошо финансируемой и отлично вооруженной банды.

Я обращаюсь к Рэйган:

— Иди и надень какие-нибудь штаны.

Девушка вспыхивает, но спешит к сумке и достает из неё пару льняных брюк, натягивая их прямо перед нами, и я понимаю, что она до смерти напугана и не выпустит меня из виду. Поход в ванную комнату был актом крайнего мужества с её стороны. Она достойна награды за это.

Я передаю ей Вектор ручкой вперед:

— Держи, сувенир на память о времени, проведенном в Рио. Он девятимиллиметровый. Неплохо для тебя. Магазин на тринадцать, но думаю, семь он уже потратил.

Я возвращаюсь к нашему другу и поворачиваю его стул:

— Вот, что сейчас будет. Ты расскажешь нам, почему ты здесь, а я потом избавлю тебя от боли. Хорошо?

Парень кивает.

— Я знаю, что Гомес хочет мою девушку обратно, но этого не произойдет, поэтому начинай говорить. Да, и на английском языке для леди, *rog favor*.

— Гомес послал меня, чтобы забрать девушку. Тебя убить.

— Что потом?

Парень пожимает плечами, но морщится от боли в плече:

— Ничего.

— Ты из личной охраны или наемник?

— Наемник, — отвечает он, и что-то мелькает в его взгляде, возможно, он думает, что сможет выторговать свою свободу у меня.

— У тебя есть вопросы к нему, Рэйган?

— Хочет ли он сожрать свой член? Потому что именно это должно с ним случиться.

— Хочешь? — спрашиваю я у него.

— Она шлюха. Я могу найти десятки девушек лучше, чем она, — говорит он мне на португальском.

— Он пытается подкупить меня другими девушками, если я отпущу его, — перевожу я для Рэйган. — По-английски, козел, — говорю я ему, пиная его в голень,

парень кричит и качается на стуле, пытаюсь спастись от боли. — Хочешь ударить его? — спрашиваю я Рэйган.

— Да, — решительно говорит девушка.

Она хочет большего, чем просто пнуть его.

— Погоди.

Я вытаскиваю стул, который блокирует входную дверь, и отламываю от него ножку.

— Используй это. Не хочу, чтобы тебе снова пришлось принимать душ.

Рэйган держит ножку стула, словно биту, и наносит удары не ниже колен, как я думал, а по лицу. Раз. Два. Я ловлю её, и следующую секунду мы боремся, она дышит, как дикая собака, а я жду, когда понимание снизойдет на неё.

— Нам нужно, чтобы он был в сознании еще какое-то время, чтобы ответить на несколько вопросов, — говорю я.

Повернувшись к нашему злоумышленнику, я вижу, что он уже чуть ли не теряет сознание.

— Сладкая, сходи на кухню и принеси мне кастрюлю воды, мы выльем её ему в лицо. Он должен очнуться.

Полагаю, эта задача поможет ей сконцентрироваться. Её дыхание выравнивается, и девушка даже не ударяет его кастрюлей. Он что-то бормочит и приходит в сознание.

— Ты ей не сильно-то нравишься, да и я не хочу никого, кроме неё. Имею в виду, где я еще найду девушку, размахивающую ножкой стула, словно Бейб Рут?

Он не реагирует или не слышит, потому что беспомощно смотрит на меня.

— Мне не нравится, что ты наемник. Гомес не из тех, кто будет тратиться. Он скуп. Да у него нет таких денег, чтобы содержать армию наемников. Кто тебя нанял?

Наемник не отвечает, просто смотрит в сторону. Очевидно, он прошел какую-то подготовку, и видимо, решил, что удары по ногам всё, чего от меня можно ждать.

— Может, мне ударить его еще раз? — нетерпеливо спрашивает Рэйган.

— Не-а. Думаю, он слишком напуган твоим мистером Фризом, чтобы делиться информацией. Нам нужно двигаться.

Она выглядит расстроенной.

— Тебе не нужно собрать что-нибудь в спальне? Может, проверишь всё, чтобы после нас не осталось следов?

Она ставит кастрюлю рядом с ножкой стула и с некоторой неохотой идет в спальню.

После того, как она скрывается из вида, я поворачиваюсь к ублюдку и выстреливаю ему в голову. Дважды. Рэйган прибегает обратно в гостиную на звук выстрелов:

— Что ты сделал?

— Положил конец его страданиям.

Разочарование на её лице заставляет мои внутренности съежиться. У меня нет ни единого шанса заняться с ней сексом. На таком бриллианте никогда не окажутся мои грязные руки. Я скидываю парня вниз и обшариваю его карманы. Полный магазин патронов, нож, прикрепленный к ноге, и плотная карточка с моим адресом. Я провожу руками вдоль его штанов и рубашки в поисках скрытых карманов, но ничего не нахожу. Я собираю его одежду в бак, поливаю спиртом и поджигаю.

— Почему ты сжигаешь его одежду? Чтобы скрыть улики? Ты ведь не в перчатках, — она поднимает руки. — И я! О, бог мой! Меня за это посадят?

— Нет. Никто не знает, что ты здесь, дорогая. И меня не волнует, узнает ли кто-нибудь, что я здесь. Просто хочу, чтобы нашего ночного гостя было сложнее опознать.

В гостиной я накрываю покойника белой простыней, будто белая ткань способна скрыть мои грехи. Все мои плохие поступки выгравированы на мне. Как татуировки на душе несмываемыми чернилами. Я хотел бы убедить себя, что не все мои жертвы вели праведную жизнь. Но правда состоит в том, что, когда совершаешь первое убийство, становишься другим человеком. И парни вроде меня никогда не заслужат такую девушку, как Рэйган, как бы сильно я её не хотел. С этой удручающей мыслью я беру наши сумки.

— Пошли. Нам нужно найти новое пристанище, а потом у нас встреча на Холме Обезьян.

Глава 11

Рэйган

— Ну, как я вижу, куколка, у нас есть три большие проблемы, — говорит мне Дениэл, вручая таксисту пачку денег.

Тот высаживает нас посреди отвратительных трущоб и мчится прочь.

Уверена, это прозвище должно заставить меня отвлечься от того ада, в котором мы оказываемся, но я не попадусь на эту уловку:

— Куколка? Ты серьезно?

— О, я серьезно.

Он одаривает меня плутоватой улыбкой:

— Сто процентов самое распространенное клише.

Закатив глаза, я закидываю рюкзак на плечи. С тех пор, как мы покинули квартиру, он постоянно подкалывает меня. Знаю, он делает это нарочно. Это очевидно. Обычно Дениэл все понимает и дает мне свободу, сейчас же постоянно подпихивает меня локтем и называет то «сладким пирожком», то «куколкой». Подозреваю, ему кажется, что, если я раздражена и хочу его убить, то не впаду в слезливую истерику.

И он прав. Должна признать, я до сих пор в шоке. Я пытаюсь выйти из него, но Дениэл сегодня убил человека посреди гостиной. А я ведь отвернулась всего на минутку, и бах! Бах! У человека две дыры в голове, а Дениэл даже не моргнул.

И хоть я ненавидела того человека, но все еще потрясена до глубины души. Это третий человек за последние два дня, которого Дениэл послал на тот свет без особых усилий, делая вид, что ничего особенного не происходит. За этими дьявольскими усмешками и милыми прозвищами прячется очень опасный человек.

Жутковато, хотя я ему доверяю. Я верю, что кому-то суждено было умереть. Не думаю, что Дениэл стал бы бездумно убивать людей. У него было несколько возможностей убить с тех пор, как он спас меня, но он всегда сначала пытался говорить. Пушка была последним шагом.

И то, что ему столько раз приходилось доставать пистолет,шний раз подчеркивает, в каком дерьме мы оказались.

Дениэл глазами прочесывает трущобы Холма Обезьян.

— Дом, милая дыра, — говорит он. — Держись ближе ко мне, куколка. В этом месте не стоит отдаляться друг от друга.

— Хватит этих твоих «куколок», — говорю я ему, но тем не менее придвигаюсь ближе. Он кладет руку мне на талию и притягивает лицом к лицу. Я уже собираюсь протестовать, но замечаю несколько человек, прятавшихся в тени неподалеку. Хорошо, что ж, если нужно мило обнимать Дениэла, я буду.

— Итак, куда мы идем? — спрашиваю я своим самым сексуальным, самым похотливым голосом, и еще я посылаю ему горячий взгляд, чтобы мы выглядели, словно парочка на полуночном свидании, надеясь, нас никто не остановит и не спросит, что мы здесь делаем.

Дениэл должно быть разгадывает причину моего поведения, потому что в его взгляде мелькает благодарность. Его рука все еще лежит на моей талии, но я знаю, что на самом деле, он держится за пистолет, который засунул мне под рубашку.

— Я тебе говорил, это сюрприз... но ты должна быть хорошей девочкой.

Мы идем мимо скрывающихся в тени парней, и я делаю всё возможное, чтобы расслабиться. Я игриво пересчитываю пуговицы его рубашки:

— О, я могу быть очень хорошей девочкой для тебя.

Как ни странно, рвотный рефлекс от его прикосновений пропадает. Наверное, из меня вышло уже все, что возможно.

— Черт, — хрипло говорит Дениэл, и мне хочется посмеяться над его реакцией.

Кажется, будто просто делать вид ему становится сложно. Я продолжаю поглаживать ему грудь, глядя на него, как любящая распутная подружка, которой не терпится оказаться с ним наедине.

Мы проходим мимо людей без приключений, и Дениэл с задержкой, но убирает руку с моей талии, в знак того, что опасность миновала, но нашу игру нужно продолжить. Мы проходим несколько кварталов по трущобам, и Дениэл говорит мне, что они называются фавелы. Шаткие шлакобетонные или деревянные домики, скрепленные мусором и исписанные граффити, наползают друг на друга, как тараканы. В Бразилии, наверное, неплохо, но я до сих пор видела только трущобы.

— Так, — спрашиваю я его, пока мы идем. — Ты так и не рассказал мне о трех проблемах?

— Хм?

Мужчина рассеянно проводит по мне рукой и замирает, словно вспоминает, что мне не нравятся чужие прикосновения. А я снова удивляюсь, что прикосновения Дениэла не вызывают рвоты. Может быть, наше уродливое маленькое представление этим утром стало для меня последней точкой.

— Ах, да. Три проблемы. Первая в том, что у твоей миленькой задницы нет документов. Вторая — мы не можем пойти в посольство, чтобы их получить по очевидным причинам. А третья — ублюдок Гомес продолжит посылать парней из трущоб за тобой. Мистер Фриз хочет тебя вернуть и навредить тебе.

— Не знаю, почему. Во мне нет ничего особенного.

— Ох, сладкая крошка, да ты сама особенность.

— Ты был бы худшим в придумывании имен домашних животных.

— Это мой талант, — усмехается он, жестом указывая куда-то вниз по улице. —

Идем туда.

— Туда?

Я смотрю на здание, стараясь не паниковать. Оно напоминает мне бордель. Это узкое трехэтажное здание из красного кирпича. На окнах болтаются бельевые веревки, а на крыше виднеется клубок проводов, значит, в здании есть электричество.

— Серьезно, туда?

— Боюсь, что да, — небрежно говорит Дениэл. — Мы спрячемся прямо у них под носом на несколько дней. Я подергаю за ниточки и посмотрю, что смогу узнать, мой компаньон поможет.

Дениэл не кажется напуганным видом этого здания, и я проглатываю свой страх, позволяя ему увлечь меня за собой. В мои штаны заправлен пистолет, и я использую все пули, прежде чем позволю кому-нибудь затащить меня обратно в бордель.

Мы приближаемся к зданию, а из соседнего доносится дребезжащая музыка. Двери широко распахнуты с развалившимися людьми прямо в грязном коридоре. Я почти уверена, что в углу кто-то стреляет. Здесь пахнет мочой, дерьмом, мокрыми собаками и еще черти чем. Дениэл заходит с улыбкой и направляется к ближайшему человеку:

— Перея, — говорит он, и это скорее требование встречи, чем вопрос.

Человек изучает Дениэла, и его резкий взгляд скользит по мне. На всякий случай, я бочком подвигаюсь к Дениэлу, и он берет меня за руку.

Дениэл произносит что-то дружелюбное на португальском языке и поправляет куртку, невзначай показывая пистолет.

— Добудь мне Перея, — снова говорит он. — Быстро.

Мужчина кивает и растворяется внутри дома.

Через пару мгновений выходит еще один человек, и все улыбаются. Он одет в майку Манчестер Юнайтед, хотя это британская команда, и бейсболку. Еще у него тощая длинная борода. Он с улыбкой протягивает Дениэлу руку:

— Чувак.

— Перея. Как дела?

Они обмениваются запутанными рукопожатиями, будто закадычные приятели.

— Не могу жаловаться, не могу жаловаться. Дела идут.

Перея оглядывает меня сверху вниз:

— Сладенькая маленькая конфеточка.

— Она моя, — обыденно говорит Дениэл, будто я и не человек вовсе.

Я хочу протестовать, но высокомерный вид Дениэла внушает безопасность, и я позволяю ему себя так вести. Он наклоняется ближе к Перея и спрашивает:

— Доки тоже?

Перея кивает, коснувшись своего носа большим пальцем, и оглядывается вокруг.

— Да, — говорит Дениэл в ответ на незаданный вопрос.

— Пойдем тогда.

Мужчина жестом указывает на пару празднующихся в дверях мужчин, и они выходят наружу. Возможно, телохранители. Перея смотрит на Дениэла и кивает головой, указывая на заднюю комнату.

Дениэл берет меня за руку и двигается вперед, но Перея качает головой:

— Только ты, Хейз. Никаких дамочек.

Паника протыкает меня, но Дениэл крепче сжимает мою руку и притягивает меня ближе. Ему явно не нравится эта идея.

— Ты не слышал меня, Перея. Я сказал, она моя и останется со мной. Это проблема для тебя?

Перея оценивает меня и бормочет что-то на португальском, затем пожимает плечами и проводит нас к задней комнате.

Это комната на удивление чистая. В ней нет окон, а единственный источник света — тусклая мерцающая лампочка, болтающаяся под потолком. Перея пропускает нас в комнату, закрывает за нами дверь и вытаскивает связку ключей из кармана. В углу комнаты стоит небольшой деревянный стол, и Перейра оттаскивает его в сторону, обнажая люк с замком. Открыв замок, он поднимает его вверх. В полу оказывается запертая стальная решетка, и он прыгает вниз на неё.

— Какие пожелания, Хейз?

— Думаю GPS навигатор, если у тебя есть. Пару полуавтоматических пистолетов. Много патронов. Может, несколько хороших гранат.

Перея хрюкает и открывает настоящий склад оружия, хранящийся в коробке. У меня округляются глаза. «Неужели мы пришли сюда, чтобы еще вооружиться? Сколько же еще нам нужно оружия?» Перейра откапывает среди оружия еще один пистолет. Он передает его Дениэлу, и тот проверяет его с особым вниманием.

В комнате становится угнетающе тихо. Я облизываю губы и нервничаю, пока Перея вытаскивает пистолет за пистолетом и коробки с патронами.

Дениэл смотрит на меня:

— Ты что-то хочешь, куколка?

— Чтобы ты перестал называть меня куколкой, — говорю я приторно сладким голосом, и добавляю, — я хочу вооружиться до зубов.

— Ты слышал леди, — говорит Дениэл, специально растягивая слова, возможно, имитируя южный акцент, видимо, это часть прикрытия. — У тебя есть ножи?

Перея вытягивает пару небольших ножей в кожаных чехлах.

— Для твоей девушки. Она сможет спрятать их даже в своих ботинках.

Он скептически оценивает мои ужасные сандалии.

— А есть ботинки для неё? — спрашивает Дениэл.

— Седьмой размер, — добавляю я с надеждой.

Мне нравится идея надеть сапоги и наполнить их оружием.

— А может, и джинсы тоже второго размера.

— Я посмотрю, что смогу найти, — говорит Перея, бросая вещи к ногам Дениэла.
— Дай мне время до утра.

— Доки? — снова спрашивает Дениэл.

— Скоро, — отвечает Перея.

— Еще нам нужно где-то переночевать, — говорит Дениэл, вытаскивая пачку денег и отсчитывая купюры. — И хотя это, само собой разумеется, нас здесь никто не видел.

Перея скептически смотрит на нас, пожимая плечами, будто ему наплевать.

— Есть комната наверху, но мне придется выгнать оттуда мою старушку, а это будет стоить кое-чего.

— Без проблем, — спокойно говорит Дениэл, отсчитывая больше денег для Перейры.

Я оглядываю эту комнату. Нет окон. Одна дверь. Близко к передней части здания. Я указываю на пол:

— Мы хотим эту комнату.

Перея смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Здесь нет кровати, цыпочка.

— Принесите нам одеяла и подушки, — говорю я ему. — Мне нравится эта комната.

И это правда. Я не смогла бы чувствовать себя в безопасности в комнате, полной окон. Здесь можно забаррикадироваться, и все же мы близко к выходу, если потребуется бежать.

Дениэл посылает мне полуулыбку, будто ему интересно, что я задумала, но не спорит. Он смотрит на Перея, вытаскивает еще несколько купюр и передает их ему.

— Думаю, ты устроишь нас на ночь?

Перея берет деньги, даже не пересчитывая, сует их в карманы, собирает оружие и закрывает люк на висячий замок.

— Вернусь с постельным бельем для вас, — говорит он, оставляя нас с Дениэлом в комнате.

Когда Перея возвращается, с ним приходит пожилая женщина с добрыми глазами. Она несет черную сумку.

— Здравствуйте, я...

Дениэл прерывает её:

— Никаких имен.

Сжав губы, она кивает и открывает сумку.

— Я возьму на анализ образцы крови и мочи. Результаты будут у меня уже через час.

Не знаю, испуг или облегчение испытываю я при виде врача. Наверное, и то, и то. Я боюсь, что она может обнаружить во мне после стольких клиентов, но все равно хочу это знать. Поэтому я позволяю ей основательно обследовать меня, не дрогнув, даже когда её прикосновения становятся столь же грубыми, как прикосновения клиентов. Она задает мне личные вопросы без всякого осуждения, берет кровь и мочу. Все это время Дениэл рядом по моей просьбе. Не думаю, что смогла бы выдержать чужие прикосновения, если бы его не было рядом. И он все равно отвернулся из уважения ко мне.

Врач оставляет нас, чтобы провести анализы, а я сижу в комнате и жду, обняв себя руками, будто это поможет сдержать мой страх внутри.

Звонок раздается довольно быстро. Дениэл слушает слова в трубке и говорит мне:

— Все чисто.

Меня разрывает от облегчения.

— Ничего нет?

— Ничего. Ни ЗППП, ни беременности. Ты чиста, как слеза.

Я уставилась на него. «Как слеза?» Ничего не понимаю, но вряд ли я снова когда-то буду чистой. Тем не менее, большое облегчение, что у меня даже гепатита нет. Благослови Господь помешанность мистера Фриза на гигиене.

— Я говорила, они использовали презервативы. Даже когда я сосала у них.

— Не могу поверить, что Гомес продал тебя. Какой глупый и жадный козел. Если я его не достану, то мистер Фриз точно, — с отвращением говорит он, будто не может поверить в такую глупость.

Я соскальзываю на пол, чувствуя слабость в коленях, сажусь рядом с кучей оружия у ног Дениэла, наблюдая, как он собирает его, и еще раз оглядываю комнату.

— Ты уверен, что это место безопасно?

— Не совсем, — говорит Дениэл. — Но черт его знает и все такое.

Я понимаю, что он имеет в виду.

— Хорошее замечание.

Дениэл раскладывает наши новые пистолеты по сумкам.

— Так, почему же тебе понравилась эта комната?

— Причины две: нет окон и близко к выходу.

Мужчина что-то ворчит, не глядя на меня, и организывает хранение оружия.

— То есть, быть ближе к выходу лучше, чем быть в кровати?

— Как я посмотрю, все в этом доме представляют опасность, — говорю я. — Если бы наступил зомби апокалипсис, и мне нужно бы было спастись, я бы выбрала комнату без окон. Тебе не захочется оказаться наверху, в случае опасности.

Дениэл с задором смотрит на меня:

— Зомби апокалипсис?

— Да, — говорю я. — А что? Я люблю фильмы ужасов. Это недооцененные жемчужины кинематографии.

Дениэл качает головой, усмехаясь, но ничего не говорит, потому что входит Перея с полной женщиной. Они приносят нам несколько подушек и одеял, некоторые из них относительно чистые. Хотя неважно. Последнее время я спала и в худших условиях. Я беру у них постельные принадлежности и начинаю сооружать постель в углу нашей крепости, пока Дениэл и Перея говорят о чем-то. Еще появляется пакет с какой-то едой и газировкой.

Дверь закрывается. Дениэл блокирует замок, придвигая приземистый деревянный стол, и сооружает неуклюжую баррикаду. Он идет ко мне и садится рядом на импровизированный матрас, пихая меня локтем.

— Я не позволю тебе гадить здесь, — говорит он. — А на самом деле, было очень умно, предложить нам остаться здесь. Я был удивлен.

Я пихаю его локтем в ответ. От его комплимента на меня набегает тень игривого настроения.

— Если еще остались сомнения, посмотри зомби апокалипсис.

Дениэл смеется и зевает. Я вдруг вспоминаю, как он устал, прежде чем стал сводить меня с ума. Мужчина измотан, а мне нужно, чтобы он был свежим и здоровым на случай, если появятся плохие парни, или мы попадем в перестрелку, или что еще там происходит с убийцами.

— Почему ты не спишь?

— Я не могу перестать наблюдать, — говорит Дениэл. — Я сплю немного иначе.

— Я тоже могу наблюдать, — говорю я ему. — У меня есть пистолеты. И нож. И, по-видимому, пара гранат для дерьма и смешков.

Я снова игриво пихаю его локтем.

— Ты думаешь, сможешь выстрелить в человека, если он ворвется в эту дверь, милая?

Никаких больше куколок. Дениэл больше не дразнит меня, и я могу различить усталость в его голосе.

— Конечно, — беспечно говорю я, поглаживая одну из грязных подушек и приглашая его прилечь. — Я сделаю вид, что каждый вошедший заражен вирусом, превращающим мозги в корм для монстров.

Он все еще смущен и явно колеблется.

— Там щель под дверью, — говорю я. — Она около дюйма шириной. Я буду наблюдать за ней всю ночь и закричу «Зомби!», если возникнут неприятности. Хорошо?

Мужчина медленно трет свое лицо, и его взгляд пуст.

— Хорошо. Но если устанешь, разбуди меня.

— Ложись отдыхай, — говорю я ему.

Странно, что командование им заставляет чувствовать меня самой собой. Дай девочке немного власти и всё. Я снова хлопаю по постели.

— Я даже подоткну тебе одеяло.

— Как я могу сопротивляться такому? — говорит Дениэл, заваливаясь на постель полностью одетый. Через пару минут он засыпает, несмотря на постоянный шум снаружи. Люди говорят и ходят наверху, и я напрягаюсь от каждого шороха за стеной. Дениэл вырубается с пистолетом в руке, видимо, не чувствуя себя защищенным на сто процентов. Но как бы то ни было, он уснул.

Я снимаю сандалии и беру пистолет в руки, убедившись, что тот на предохранителе. Затем подползаю и устраиваюсь напротив двери так, чтобы видеть сквозь щель внизу.

Глава 12

Дениэл

Когда я просыпаюсь четыре часа спустя, то чувствую себя обернутым в охапку теплой женщиной. Рэйган перевернулась и распласталась рядом со мной. Было бы хорошо, если бы она хотела меня, но её подсознание заставляло не заплывать за буйки. «У меня есть куда заплыть, моя сонная милая, подсказывает мое подсознание. Как и раньше, я пытаюсь выскользнуть из-под неё», — но в этот раз она шевелится и сильнее прижимается ко мне, проскальзывая коленом по моим ногам прямо к шарам, которые разрываются от желания. «Ну, немного, маленький Денни», — умоляют они.

Я не могу дать себе хорошую пощечину, но боюсь, если еще немного пролежу рядом с ней, мне точно понадобится место, чтобы подрочить. Неправильно вожделеть девушку, перенесшую сотни издевательств. Если бы она имела хоть малейшее представление, какие мысли прыгают в моей голове, то поколотила бы меня ножкой от стула. И я бы ей позволил.

Я никак не могу перестать думать о том, в какую идеальную букву «О» складываются её пухлые губки, когда она думает, и о том, как бесконечны её гладкие ноги. Когда мы поднимались к Перею, мой взгляд блуждал по её крутой попке, обтянутой фабричной тканью. Наконец, я беру себя в руки, иначе не смогу ходить, если продолжу на неё смотреть.

Загадка мистера Фриза занимает меня. Очевидно, он хотел вернуть Рэйган, а Гомес оказался жадным глупцом, который отпустил её. За двадцать пять тысяч. Больные люди часто закливаются на каких-то вещах без логичных на то объяснений. Моя бабушка, например, страдая болезнью Альцгеймера, пила только из одного пластикового стаканчика. Она закатывала истерику, если кто-нибудь предлагал ей другую емкость. Судя по всему, Рэйган стала таким пластиковым стаканчиком для богатого покровителя Гомеса.

Мысли о плохом обращении Гомеса и его людей с Рэйган, словно булавки, втыкающиеся в воздушный шарик, но я им благодарен. Последнее, что мне нужно, чтобы Рэйган заметила стержень в моих штанах и решила, что я такой же, как все отбросы, окружавшие её. Поэтому я на одном дыхании скидываю с себя это наваждение. Последние следы моей эрекции исчезают, но я все равно чувствую себя тревожно и неловко. Эти две

эмоции я испытывал последний раз в четырнадцать лет, когда лишал девственности Мэрибет на заднем сидении моего пикапа. Хотя тогда я был менее взволнован, чем сейчас.

Я стаскиваю её пальцы со своей талии, а она стонет во сне.

— Эй, милая, — говорю я.

Это заставляет её только сильнее прижаться ко мне, уткнувшись в меня носом, и устроить свою мягкую щеку в место между моим плечом и шеей, будто оно было создано специально для неё. И вот сошедшая было эрекция возвращается назад. Чертов нос. Клянусь Богом, вернувшись в Даллас, я подцеплю женщину в баре и буду трахать её так, что мой член будет красным целую неделю.

Её необходимость во мне заставляет меня использовать прозвище, которое она ненавидит сильнее всего, и впрыснуть в голос столько гадости, сколько могу.

— Куколка, я готов к утренним приключениям, но я бы предпочел твою руку на моем колене.

Я слегка шлепаю её для усиления эффекта, и она спрыгивает с меня, словно кошка, облитая водой.

— Что это было? — спрашивает девушка, смахивая волосы с глаз одной рукой, а другой растирает место на попе, куда пришелся мой шлепок.

Мою руку покалывает от контакта с её попкой, и она хочет возобновить контакт. А я хочу установить контакт с каждой частью её тела. Отвернувшись, я наклоняюсь собрать одеяла, чтобы скрыть свою эрекцию.

— Я просто разбудил тебя, куколка, и дал знать, что скатился на пол, хотя тебе надеюсь, понравилось быть сверху.

Я стою спиной и не могу видеть её лица, но полагаю, она злится. Зато она не спит.

— Зачем ты говоришь такие вещи? — спрашивает Рэйган тихим шепотом.

Вот, дерьмо. Теперь я чувствую себя поганом.

Я держу одеяла и постельные принадлежности перед собой и поворачиваюсь к ней лицом. В её выражении лица отображается куча предположений, а взгляд пытается расшифровать меня.

— Меня беспокоит, что ты могла бы пробудить во мне мужское начало, поэтому хотел четко разделить нас.

— Мило.

Девушка морщит тот нос, что идеально вписывается в складки на моей шее. Я отвратителен. Может, надо было ей позволить понюхать меня подольше, это могло бы остудить порывы любой девушки. Я грязный, потный и в крови, а может, и других

жидкостях, что могли попасть на мою одежду с тех мертвецов. Я не мылся уже... я считаю. Три чертовых дня.

В моей команде шутили, что, если ты свежее, чем гнилой персик, значит, провел недостаточно времени в засаде. Мне долго было комфортно, а в окопе даже одеяло и подушка роскошь, но наемному убийце хорошо платят, и я привык к перинам и пуховым одеялам, не говоря уже о горячем душе.

Я кладу подушку на деревянный стол и смотрю на Рэйган. Мой рот произносит слова раньше, чем мозг успевает сдержать этот флирт:

— А знаешь, ты действительно чертовски красивая?

Я благодарен и удивлен, увидев, как она качает головой и недоверчиво смеется:

— Знаешь, мой парень Майк говорил, что я похожа на жеребенка. Одни ноги без туловища.

— Майк-дерьмо-вместо-мозгов? Тот, что не мог довести тебя до оргазма? И ты, в самом деле, слушаешь его?

У Рэйган спадает улыбка с лица.

— Я не должна была тебе этого рассказывать. Ты думаешь, что я извращенка.

Я качаю головой в недоумении, прислонившись к столу.

— Ты извращенка, потому что он не мог тебя удовлетворить?

Я не говорю ей о других вещах, что знаю. Знаю, как она мастурбировала рядом с ним, пока он спал. И он даже ни разу не позвонил, чтобы узнать, где она находится. Ник говорил, что раздумывал пристрелить Майка, потому что он занимает место во вселенной, которое мог бы занять действительно хороший человек.

— Нет, потому что я рассказала тебе все эти вещи, — она бросает взгляд на мой пах. — И другие вещи.

Мне не нужно, чтобы она заметила мои другие вещи, потому что они продолжают набухать, надеясь ощутить её реальное прикосновение. Нужно убрать её из поля зрения, прежде чем я начну ей объяснять, что не стану её инструментом на пути к наслаждению. Мне бы хотелось ей сказать, что в следующий раз, мои прикосновения будут желанными от того, что она намокнет.

Я обеспокоен тем, что она будет отвлекать меня в этом месте. На Холме Обезьян у каждого есть оружие от простых жителей до полицейских, которые регулярно пытаются отчистить трущобы, ведь Рио стал уважаемым игроком на мировой арене. Рэйган легко может попасть здесь под шальную пулю, что будет просто ужасно.

Мысленно я перебираю, что мы должны сделать. Во-первых, нам необходимо раздобыть паспорт для Рэйган, иначе она никогда не выберется из Рио. Во-вторых, нам нужно добраться в аэропорт, чтобы отправить Рэйган домой. В-третьих, мне нужно найти хакера. В-четвертых, мне нужно найти мою сестру, тогда оба ребенка Хейзов воссоединятся и вернутся на свое ранчо, чтобы никогда не покидать его вновь. Но прежде всего, мне нужно на холм встретиться с информатором, который, по словам Перея, обладает информацией о Наоми.

Я запускаю руку в волосы и приказываю ей:

— Будь здесь. Я скоро вернусь.

Наверху я нахожу Перея, спящего, как невинный младенец рядом со своей женой. Моя рука нуждается в опоре, и я кладу ладонь на лодыжку, чтобы почувствовать нож. Перея вооружил меня и дал мне кров. Мне нет нужды угрожать ему ножом. По крайней мере, пока.

Я размахиваю рукой над его головой, пока не вижу, что его глаза открываются, и зажимаю ему рот. Теплая слюна и язык касаются моей ладони, и я удивляюсь, почему до сих пор не пользуюсь перчатками. Не позволив ему оттянуть мою руку прочь, я шепчу ему на руку:

— Прежде чем я уйду, мне нужна еще одна вещь.

Перея кивает, и я отпускаю его, вытирая мокрую руку о ткань штанов. Все будет в порядке, как только Перея выдаст мне последний источник.

— Мне нужен хороший производитель бумаги.

— Их много в фавелах, но хороших там нет. Тебе придется ехать в Ипанему. Там найдешь парня по имени Луис Сото. Он сможет помочь.

Перея протягивает руку, и я даю ему еще сотню. Большие чаевые.

— Так, и о девушке, — говорю я, но он продолжает тянуть руку.

— Ни за что.

Он совершает неопределенные пассы пальцами.

— Она должна прийти. Отведи её вниз к Копе. Без приключений. Там дом в Рио.

— Перея, я не могу оставить Рэйган в Рио одну даже рядом с полицейским участком. Позволь мне оставить её здесь.

Я начинаю отсчитывать купюры:

— Сколько?

— За что сколько? — говорит Рэйган за моей спиной.

Я поворачиваюсь, а выражение её лица говорит, что я предал её.

— Я не оставлю тебя здесь, — говорю я, но купюры в моей руке свидетельствуют об обратном.

Чувствую себя еще более уязвимым, чем, если бы я оказался на углу улицы со спущенными до колен штанами под светом полицейских мигалок, а мой член в это время полировал бы устье какой-то шлюхи. «Офицер, это не домогательство. Я просто собирался отлить, а мой член случайно упал в рот этой леди. Все это недоразумение».

По выражению её лица кажется, что я сделал ей больнее, чем тому парню в квартире. Я матерюсь, беру её за руку и веду по лестнице, делая вид, что мы нуждаемся в уединении. Понизив голос так, чтобы Перее было сложнее подслушать о наших делах, я рассказываю ей свой план.

— Нам необходимо достать документы. И там, — я через плечо указываю в направлении улицы, — ты, скорее всего, в большей опасности, чем в доме Перея. Его не беспокоят люди ни внутри, ни снаружи, потому что у него качественный продукт. То есть у него тут, как оружейная в Швейцарии. Люди приходят, берут, что им нужно, и уходят. Здесь безопаснее, чем где бы то ни было. А ты со своим арсеналом, точно в безопасности.

Девушка не слышит ни одного моего слова.

— Ты оставляешь меня, — повторяет она.

— Нет. Я отлучусь и вернусь.

— Все то, что ты говорил раньше, должно успокоить меня? Дай ей утешение, что она хочет услышать.

— Нет, — протестую я.

И понимаю, что облажался по всем статьям, и даже взрывом фугаса меня не вытащить из этой ямы.

— Возьми её в Ипанему. Там безопасно, — любезно предлагает Перея с верхней части лестницы.

В этот момент Рэйган поджигает губы и воинственно смотрит на меня.

— У меня встреча. И там реально опасное место, я не хочу видеть, как тебе причинят вред.

Она не покупается на это. Нет ни единого способа заставить её остаться с Перея. Это написано на её лице. Я вздыхаю и сдаюсь. Упаковав всё оружие, которое купил у Перея, я надеваю бронежилет на плечи Рэйган. Возможно, её вооруженный вид заставит кого-то подумать дважды, прежде чем стрелять в нас. А может, и нет.

Глава 13

Рэйган

Этот человек полон дерьма. «Я не оставляю тебя, Рэйган. Ты можешь мне доверять, Рэйган». Всё ложь. Всё тупая ложь. Он все еще пытается угробить меня.

— Тебе опасно идти со мной, — говорит он, и эти голубые глаза умоляют меня понять.

Я смотрю на него.

— Не за тем я завел тебя так далеко, чтобы позволить убить.

— Это я не за тем зашла так далеко, чтобы вернуться в бордель, — шиплю я на него, и от гнева мне становится лучше.

Я уже не милая девочка. Это раньше я ни с кем не ругалась, а теперь постоянно кричу на Дениэла. Но, черт побери, это не его вина. Если бы мне так часто не угрожала опасность, я бы не срывалась на него.

Он бросает взгляд на Перея, затем снова на меня.

— Не здесь, — говорит он через плечо, — нам нужно в комнату на минуту. Посмотри, сможешь ли добыть мне джинсы и ботинки.

Дениэл хватается меня за руку и тащит обратно в спасительную комнату, где мы провели ночь.

Я позволяю ему тащить меня. Это нормально. Своей рукой он почти щипает меня, но тащит, а не оставляет позади. Это всё, о чем я прошу.

Мы вваливаемся обратно в комнату, и Дениэл с силой захлопывает дверь, поворачивается и смотрит на меня.

— Так. Нам нужно поговорить.

Я поправляю жилет, накинутый на плечи. Он огромный и висит на груди, но я не стану указывать на это. Возня с ним позволяет мне заняться чем-то, а не смотреть на Дениэла.

— Ну, говори.

— Это место, куда я должен сегодня пойти, это чертовски опасная дыра.

— В отличие от тех безопасных детских площадок, по которым ты водил меня раньше?

— Черт, Рэйган, я серьезно. Мне нужно поговорить с парнем на футбольном поле, а это любимое место для жарки местных банд.

Я поднимаю на него озадаченный взгляд:

— Жарки?

Вряд ли они жарят там пирожки.

— Да. Когда кто-то облажается, его приводят на поле, раскладывают вокруг него шины, политые бензином, и поджигают. От этого подымается хороший густой дым, предупреждая всех остальных не совершать подобных ошибок.

Я сглатываю. Звучит более чем ужасно. «И Дениэл хочет пойти в это место? Один? А что делать, если он не вернется? Что делать, если он оставит меня здесь? Что будет через пару недель нахождения здесь с Перея. Как долго Перея будет думать прежде, чем продать меня по самой высокой цене?»

— Звучит, как самое дерьмовое место. Но я все равно иду.

— Нет, — говорит Дениэл. — Я отвечаю за твою безопасность. Там я не смогу сохранить тебя. А здесь мы находимся в нейтральной зоне для всех банд.

— Мне плевать!

— Ну, если тебе плевать на свою жизнь, то мне нет!

Я задыхаюсь. «Как он может говорить мне такое?» Я цепляюсь за каждый дюйм своей свободы последние два месяца. Я пережила ад. На самом деле, я все еще пытаюсь избавиться от него. «Но как же тот единственный человек, кому я могу доверять, пытается угробить меня?» Гнев и ярость заполняют меня быстрее, чем боль. Я с силой бью ему в грудь.

— Ты думаешь мне плевать, умру я или нет? В самом деле?

Закрыв глаза, Дениэл делает глубокий вдох.

— Рэйган, ты же понимаешь, остаться здесь...

— Нет, ты говоришь дерьмовые вещи, чтобы избавиться от меня. Я знаю, как это работает. Ты лжешь, пытаешь обосрать людей, чтобы они ушли. Но я не уйду! Помнишь свое обещание? «Я не оставлю тебя, Рэйган. Я всегда буду на твоей стороне, Рэйган». Что случилось с ним?

— Оно никак не связано с твоей прогулкой на мертвую землю, когда ты можешь тихо сидеть здесь...

— И что? — я плачу и снова бью его кулаком в грудь.

Пока мы спорили, я уже несколько раз ударила его, но он и руки не поднял на меня. Знаю, что не должна бить его, но я чертовски зла.

— Что будет, если ты не вернешься? Как много времени пройдет, пока милую американскую киску снова продадут по хорошей цене?

Он сжимает губы:

— Тебе придется доверять мне, Рэйган.

— Доверять? И кто теперь сумасшедший? — я с горечью смеюсь и вскидываю руки в воздухе. — Ты сказал, что я сумасшедшая, когда набросилась на тебя, но это не так. Я могу гарантировать, что твой член мог бы отправить тебя в рай и убедить, что я остаюсь с тобой, но вместо этого ты пытаешься угробить меня. И кто из нас сумасшедший?

Мужчина протягивает руки и хватается меня за грудки моего бронежилета. Я начинаю отстраняться, но он только сильнее связывает замки на шее, чтобы прикрыть её.

— То есть, — решительно говорит он, — ты хочешь поговорить о доверии? Как на счет тебя? Залазишь на меня каждый раз, как я закрываю глаза, чтобы манипулировать мной и держать при себе. Как я должен доверять тебе после этого?

Я шокирована его словами. Он переворачивает понятие о доверии так, что я вздрагиваю, и попадает в цель. Я манипулировала им.

— Но я тебе нравлюсь, — протестую я. — И ты считаешь меня сексуальной.

— Да, — соглашается Дениэл, перетягивая застёжки в верхней части, и подтягивает под моей рукой, чтобы бронежилет плотнее прилегал к телу.

— Я думаю, ты красивая. Так же думаю, что мое отношение к тебе неуместно, и я бы никогда не совершил никаких действий. Я сделал что-нибудь, что поставило тебя в неудобное положение? Что-нибудь неподобающее?

«Разве что пару раз вел себя, как осел, называя меня куколкой». Я хочу сказать это, но мы оба понимаем, это было затем, чтобы отвлечь меня. Он говорил несерьезно. Дениэл прав. Он не сделал ничего плохого мне, даже когда мог бы. Если бы он только щелкнул пальцами, я бы уже стояла на коленях и сосала его член, так как я чувствую, что именно с ним у меня получится выбраться.

«Что за черт?» Дениэл ведет себя, как чертов бойскаут, даже когда я закидываю на него части своего тела. Но это неважно. Секс окончен для меня. Не думаю, что смогу когда-либо прикоснуться к мужчине снова без воспоминаний о борделе.

Я смотрю на скривленный рот Дениэла. Его потрясло то, что я никогда не испытывала оргазма. Его губы, произнося имя Майка, скривились так, будто он оказал мне медвежью услугу. Как будто это его проблема, а не моя. Нужно работать больше над отношениями, Рэйган, чтобы все было хорошо. Не нужно прятать голову в песок, Рэйган, игнорируя, что твой маленький мир лопнет, как мыльный пузырь.

Но та Рэйган мертва.

Дениэл заканчивает поправлять одну сторону бронежилета и принимается за другую. А я наблюдаю, какие у него длинные ресницы и сильная челюсть. Он действительно привлекательный.

На секунду я задумываюсь, какого было бы поцеловать его. Возможно, это стокгольмский синдром, но он не хуже, чем все, что я пережила. И внезапно, мне становится любопытно.

«Если я поцелую Дениэла, будет ли это так же, как с мужчинами в борделе? Затошнит ли меня, если его рот коснется моего? Или его затошнит?» Мужчина с красивым ртом отчаянно хочет меня, но не трогает, потому что знает, у меня есть проблемы. С большой буквы П.

Раздумывая, я облизываю губы.

— Что? — спрашивает Дениэл, и я понимаю, что он смотрит прямо на меня.

Внезапно я нервничаю, шагаю к нему чуть ближе и кладу руку на одну из пуговиц его помятой рубашки.

— Могу я... могу я кое-что сделать?

— Валяй, — мужчина настороженно смотрит на меня, но не отходит.

Я встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам. Он застывает, а я раскрываю свой рот, позволяя своему языку проникнуть внутрь его. Я абсолютно ничего не чувствую. С таким же успехом можно было бы поцеловать камень. Я отстраняюсь и нахмуриваюсь.

— Почему ты не поцеловал меня в ответ?

— Я пытался выяснить твои мотивы.

По какой-то причине это ранит мои чувства. Я опускаюсь на пятки и стараюсь не чувствовать себя глупо.

— Я хотела поцеловать тебя и понять, будет ли это как с мужчинами в борделе. Или по-другому, потому что ты это ты. Или все точно кончено.

Мужчина стонет и закрывает глаза, прижимаясь лбом к моему лбу, а рукой обхватывает мою голову сзади.

— Ты убиваешь меня, Рэйган. Ты ведь это знаешь, да?

— Прости, — тихо говорю я.

— Ш-ш-ш. Не за что извиняться, милая. Если ты хочешь поцелуй, я одолжу его тебе. Хотя ты выбрала поганое время.

Он смотрит на закрытую дверь, пожимает плечами и поворачивается ко мне спиной.

— Просто поцелую. Ничего больше. Ты еще не готова, а я не могу отвлекаться.
Идет?

— Идет. Я просто хочу понять...

Я замолкаю, не закончив предложение, потому что не знаю, как.

«Я просто хочу понять, насколько я сломана».

«Я просто хочу понять, действительно ли моя психика нарушена».

«Я просто хочу узнать твой вкус».

«Я просто хочу знать, стошнит ли меня».

— Хорошо. Ничего лишнего. Ты готова?

Его рука касается моей щеки.

— Не стесняйся оттолкнуть меня в любой момент, если напугаешься.

Я киваю.

Дениэл наклоняется, его нос щекает мой, когда он приближается. Я начинаю закрывать глаза, потому что таким должен быть каждый поцелуй, но волнуюсь, что увижу не те лица, если закрою их. Поэтому у меня глаза открыты, пока его рот деликатно касается моего. Его губы мягко двигаются по моим, и он посасывает мою нижнюю губу, осторожно надавливая на мой рот.

Я удивляюсь, насколько это нежно. Не ожидаю, что Дениэл будет так тактичен и деликатен, но мужчина, целующий меня, бесконечно нежен. Его глаза закрыты, будто правильно поцеловать меня единственное, что имеет значение сейчас.

Я не чувствую ненависти. Это хорошо.

Он продолжает в нежном поцелуе давить на мой рот, и я впускаю его, исследуя свои чувства. Я не чувствую себя грязной, и мне не хочется плевать. Так или иначе, я бы хотела, чтобы он целовал меня немного сильнее. Майк никогда не был любителем поцелуев, он целовал меня только тогда, если получал что-то в ответ, а я принимала это, как данность. Подозреваю, что Дениэл мог бы целовать девушку несколько часов, чтобы посмотреть, какой эффект на неё это произведет.

Мое тело дрожит от этой мысли.

Рот Дениэла все еще прижат к моему:

— Ты в порядке?

— В порядке, — я выдыхаю ему в рот.

— Хочешь с языком?

О, боже. По какой-то причине этот вопрос возбуждает меня. Как будто это мой позыв. Он делает только то, что я прошу. И делает это аккуратно, поэтому я тихонько выдыхаю:

— Да, — и жду изменения в поцелуе.

Через мгновение рот Дениэла открывается шире напротив моего, и его язык ласкает мои губы, ища вход. Я открываюсь и пускаю его в напряженном ожидании, что вернутся чувства боли и отвращения.

Но его язык только слегка касается моего, будто задабривает его. Будто предлагает мне поиграть. И тут я понимаю, что делаю. Я зарываюсь пальцами в его рубашку на груди и целую в ответ.

И это чертовски замечательно.

Язык Дениэла гладит мой сначала успокаивающе, а потом с небольшими толчками, которые импульсом проносятся через все мое тело. Он целуется, будто все время во вселенной создано, чтобы наслаждаться мной, а я таю от него. Это не голодный поцелуй, брошенный как кость, чтобы получить в ответ минет. Этот человек не хочет доминировать и показывать, кто в доме хозяин. Этот человек ценитель и хочет показать мне, насколько он хорош. Это поцелуй и приглашение одновременно.

Чувствую вожделение от встречи наших языков, что выражается в небольшом шуме в голове, порожденном истинным блаженством. До сих пор не понимала, насколько интимным может быть поцелуй, и сколько всего я упустила. Неосознанно я даже закрыла глаза, чтобы насладиться лаской Дениэла. Такое чувство, будто именно это мне и нужно было всегда.

Это смущает меня. «Вдруг я облажаюсь прямо сейчас? Вдруг меня вырвет на Дениэла?» Но ведь он прикасается ко мне не так, как все остальные. Он делает это с любовью к моим губам.

Я ошеломленно отстраняюсь и замечаю, как сужены от желания его глаза, а веки с тяжестью опущены. «Как же я раньше не замечала, что Дениэл сексуален? Какой он мужественный?» Должно быть это стокгольмский синдром. Я влюбляюсь в Дениэла только потому, что сейчас он — единственная постоянная в моем мире.

Это должен быть синдром.

Я облизываю губы, пробуя его на вкус.

— Мы не можем разделяться. Каждый раз в фильмах ужасов, когда герои разделяются, девушка погибает ужасной смертью.

Мужчина выглядит удивленным от моих слов, но на его лице появляется слабая улыбка.

— Назови хоть один, где так было.

Я начинаю загибать пальцы:

— Хижина в лесу, Спуск, Дрожь земли...

— Хорошо, хорошо.

— Охотники за приведениями.

Он прокалывает меня взглядом.

— Никто не умер в Охотниках за приведениями.

— Скуби-Ду.

Дениэл вскидывает руки вверх.

— Отлично. Ты можешь пойти со мной.

Он смотрит на мои волосы:

— Нам нужна кепка, чтобы спрятать твои волосы. Будет лучше, если издалека ты не будешь похожа на женщину.

Я улыбаюсь.

— Еще одна попытка избавиться от меня верно?

— Я пытаюсь спасти тебе жизнь. Прости, что я осторожен, — говорит Дениэл с дразнящей интонацией.

— Я предпочту умереть рядом с тобой с оружием в руках, чем вернуться обратно в бордель, — отвечаю я.

И это на сто процентов правда. Я не вернусь туда. Никогда.

Дениэл спокойно смотрит на меня и качает головой.

— Знаешь, Дэйзи обманула меня.

Это поражает меня, как самая странная сказанная вещь.

— Что?

— Да.

Его рот причудливо искривляется, и он поправляет ножи, снова регулируя мой бронежилет.

— Она сказала мне, что ты милая и приятная, и не доставишь мне проблем.

Я не могу ничего с собой поделаться и хихикаю от того, сколько грусти в его голосе. Возможно, я была милой и приятной раньше, но не сейчас. Я устала, что мир смешивает меня с дерьмом, и сейчас я постою за себя.

— Думаю, она не очень хорошо меня знает.

— Согласен, — насмешливо говорит мужчина. — Может быть, нам стоит узнать друг друга получше, раз уж нам придется провести вместе следующие две недели.

Его взгляд скользит по моим губам, будто рассматривает все способы узнать меня получше.

И по какой-то причине это заставляет меня чувствовать удовольствие.

— Ну, для начала я люблю фильмы ужасов и не люблю быть брошенной.

Дениэл смеется.

— Милая, я уже знаю это.

Глава 14

Дениэл

Изменение планов. Совершенно очевидно, что Рэйган не останется с Перея, даже если бы тот согласился держать её. Перея достает джинсы и сапоги, но не кепку. Мы выходим из дома, и я беру Рэйган за руку.

— Держись ближе ко мне, — приказываю я, хотя в этом нет необходимости.

Её хватка на моей руке раздавила бы мне пальцы, если бы я был слабее, или она сильнее. Мысленно напоминаю себе, что нам надо поесть, прежде чем пойти за документами.

— В заднем кармане есть протеиновый батончик, — говорю я ей. — Съешь.

Ей, конечно же, не хватает пищи. После этого нужно будет отвести её и нормально поесть.

— Ты разговариваешь со мной в приказном тоне, потому что злишься? — спрашивает девушка, но достает батончик.

Рэйган разламывает его на две части и протягивает мне половину. Пока она грызет батончик, я засовываю свою половину в рот и проглатываю, не жуя, прежде чем ответить.

Рэйган это большая ответственность, но её страх сильнее здравого смысла. А после того, что произошло в оружейной комнате, я не могу признаться ей, что она тормозит меня. Но хочу принять некоторые меры предосторожности. Дергая её за руку, я поворачиваю девушку лицом к себе, чтобы она увидела мою серьезность, но на секунду теряюсь в её зеленых глазах, более таинственных и прекрасных, чем воды Рио. Я опустошен умственно, эмоционально и физически. Хотел бы погрузиться в эти воды и плыть по течению несколько дней. Утомительная бесконечная охота на сестру и страх, что в один прекрасный день я найду её тело в сумке, измотали меня. И еще понимание, что Фриз и Гомес, и им подобные, кажется, побеждают.

Но Рэйган здесь. Она — живое доказательство того, что можно пройти через ад, и выжить. Моя работа — не испортить это. Я должен охранять её.

— Я не сержусь на тебя. У меня нет на это времени. Единственное, что меня беспокоит, чтобы ты следовала моим инструкциям. Если я говорю прыгать, ты прыгаешь. Говорю есть, ты ешь. Говорю держись ближе, значит, и листок бумаги не должен проскользнуть между нами. Наш побег отсюда полностью зависит от того, слушаешься ли ты меня. Поняла?

Она кивает, и я вижу проблески понимания в выражении её лица, которые до этого не замечал. Вся эта ситуация полная задница, не говоря уже о затее тащить Рэйган в трущобы. И еще это мое глупое влечение к ней и её необходимость спорить обо всем. Я разрываюсь от желания сказать ей, что, если бы мое влечение к ней стало еще сильнее, я не смог бы ни встать, ни ходить.

— Ой, — слышу возглас Рэйган и понимаю, что в этот раз сжал её пальцы слишком сильно.

— Прости, — я ослабляю хватку и ускоряю темп, ведь чем быстрее мы уйдем отсюда, тем лучше.

На Холме Обезьян улицы узкие и изогнутые. Ни один архитектор не смог бы расположить улицы такими причудливыми геометрическими узорами. Просто жители трущоб выстроили эту местность из красного кирпича и ржавых листов металла, нагромождая лачуги, как ребенок ставит друг на друга консервные банки.

Отсюда с высоты можно увидеть стадион Маракана у подножия холма, где готовятся принять через два года чемпионат мира по футболу и Олимпиаду. Его сверкающие новые стены мерцают, как большая лживая надежда.

Рио пытался очистить трущобы, осыпая их градом пуль. Наркобароны отступили, но не умерли. Едкий запах все еще держится на улицах. Запах выпущенных пуль, горелого мяса и горя. Внизу в Ипанеме или Леблоне вам все улыбаются. Здесь просто выйти наружу уже геройство, а улыбка может стать сигналом для пули в тупую голову.

Спустя три четверти пути виднеется общественная площадь. В свое время на этой площади располагались детский сад, плавательный бассейн и футбольное поле для жителей Холма Обезьян. Но наркобароны не могли позволить простым людям пользоваться бассейном. Думаю, хотели приводить сюда и топить тех, кто перешел им дорогу. На футбольном поле не было травы, разве что по краям. Это скорее был огромный овал грязи. Вот, где рождаются настоящие футболисты. Только один человек смог бы пройти здесь нетронутым – благословенный Пеле. И наркобароны, и простые дельцы, все любят богов футбола. Эдсон Арантес ду Насименту и Мануэль Франсиско дос Сантос, более известные как Пеле и Гарринча, почитаются больше Девы Марии.

Бросив быстрый взгляд по полю, я понимаю, что никого нет. Я веду Рэйган к кирпичной стене, разрисованной мелкими бандами и перекрашенной членами ADA – главной бандой, которая работает на Холме Обезьян.

— Прислонись к стене, — говорю я ей, но не становлюсь рядом с ней.

Вместо этого я остаюсь рядом, готовый действовать, и рефлекторно кладу руку на мой ругер.

— Мне достать мой пистолет? — спрашивает Рэйган.

— Твой пистолет?

Я на мгновение отвлекаюсь, глядя на неё. У её светлых волос нет блеска, а на лице грязь, немного на лбу и по краям щек. Она грязная и немного вонючая, но не думаю, что видел кого-то более привлекательного за всю свою жизнь. Теперь понимаю, желание оставить Рэйган было продиктовано еще и опасностью, которую она представляет для моего тела. Я хотел оставить её у Перея потому, что беспокоюсь не только о её защите. Но и о том, что, чем больше я провожу с ней времени, тем меньше хочу отпускать.

Девушка похлопывает по кобуре под жилетом, в которой пистолет, что мы забрали у нашего ночного гостя.

— Да, я решила, что он мой.

— Еще нет, Энни Оукли, давай оставим его до того, как окажемся в реальной беде. Сейчас единственное, что меня беспокоит это, где мой информатор.

Я возвращаюсь к своему визуальному осмотру территории.

— Как ты узнаешь его? У него красный цветок в петлице?

— Я узнаю, — говорю я, отсмеявшись.

Так рано здесь не бывает никого, кроме стукачей и патрульных.

— Перея дал мне описание. Метр семьдесят. Худой.

Вероятно, попытается подрезать нас после получения денег. Но этого я Рэйган не скажу.

— Почему они не заполняют бассейн? — спрашивает она.

— Это знак контроля. Заполнение бассейна было бы актом неповиновения и знаком, что парни из ADA теряют свою власть над районом.

— ADA?

— «Amigos de Amigos». Друзья друзей. У каждой фавелы есть собственная банда наблюдателей от наркобаронов. Обезьяний Холм находится под контролем ADA. Они занимаются торговлей оружия и наркотиков, но вроде не женщин.

Рэйган фыркает:

— Ничего себе, так благочестиво с их стороны.

— У всех есть свои границы, — я пожимаю плечами.

— Почему же народ не бунтует? Ты сказал, у всех здесь есть оружие.

— Банды обеспечивают инфраструктуру и дают некое чувство стабильности. Полицейские прогибаются потому, что банда с большой властью и правильным лидером может обеспечить этим людям лучшую жизнь, чем правительство. Если твою дочь изнасилюют, банда вершит правосудие от твоего имени. Обезьяний Холм — одно из лучших мест. Реальную опасность для живущих здесь представляют только конкурирующие банды, которые давят со всех сторон. На разборках убивают больше людей, чем где бы то ни было.

— Говоришь так, будто одобряешь их деятельность, — говорит она.

— До этого я служил в армии, и могу сказать, что по благословению правительства США я убил гораздо больше народу, чем по собственной нужде. Полагаю, важно защищать людей, о которых ты заботишься. Это важный принцип для меня. С другой стороны, есть фавелы под названием «Слезы Бога», они были запущены несколько лет назад под руководством человека по имени Рука Ножа. Там экспериментировали с местными культурами, сорвали существующие устои и установили новые. Жители фавелы носили медальон, выбитый из местного гранита. Говорят, что если ты навредишь члену фавелы «Слезы Бога», ты и вся твоя семья будут убиты в отместку.

— Это жестоко.

Я думаю о том, что хотел бы сделать с людьми, которые схватили мою сестру, и с теми, что обижали Рэйган, и качаю головой. Эти фантазии могли бы напугать её больше и заставить бежать быстрее, чем моё желание к ней.

— Может быть, но я не слышал ни об одной войне за территорию, люди не ходят вооруженные до зубов, а полиция не проносится, как торнадо с вихрем пуль и гранат.

На другом конце поля появляется одинокая фигура и движется, прежде чем Рэйган успевает ответить. Я слышу её шаги в мою сторону, значит, она всё-таки слушает меня. Девушка кладет руку мне на спину, этого не достаточно, чтобы удержать меня или ограничить в движении, но достаточно, чтобы не прерывать связь между нами. Подозреваю, что другой рукой она придерживает приклад пистолета.

Информатор видит меня и поворачивается, чтобы спуститься к старому заброшенному продуктовому магазину. Буквы в названии стерлись, но на одном окне заявлено, что здесь продавали фрукты и бобы. Мы заходим в здание, здесь абсолютно пусто, даже нет полок. В задней части выступают склады и хранилища. Плитка на полу разбита и покрыта темными пятнами крови.

Мой информатор идет к двери спиной, и я прижимаюсь к противоположной стене. Мы не доверяем друг другу. Незнакомцы, связанные бизнесом. Убийство не произойдет,

пока сделка не состоится. Стукач одет в толстовку и мешковатые джинсы — универсальный наряд подростка-хулигана любой страны мира. Кроме, возможно Восточной Азии. Эти парни носят зауженные джинсы.

— Всё здесь, — он протягивает мне руку в перчатке, а в ней маленькую карту памяти.

У него слегка трясётся рука, выдавая его нервозность. Нервные люди склоны сначала стрелять, а потом разбираться в перспективе и правильности поступка. Всё в этом информаторе вопит о том, что он новичок. Стоит ли нам с Рэйган убивать его? Перчатки на его руках слишком велики, чтобы быстро и плавно извлечь пистолет. Мешковатые штаны слишком большие и помешают ему бежать, а капюшон сужает его поле зрения. Я немного сдвигаюсь влево, чтобы оказаться на границе его периферийного зрения.

Я беру SD-карту, вытаскиваю не активированный смартфон и вставляю в него карту. Загружаю приложение и протягиваю Рэйган:

— Читай. Вслух.

Информатор протестует:

— Дай мне оплату.

— Нет, — я качаю головой, чертовски ненавижу работать с любителями. — Слушай, женщина, мы проверим твою информацию, а затем я заплачу.

Она дергает головой, и капюшон спадает, открывая очень красивую бразильянку. Высокие скулы, тонкий нос и темно-русое каре.

— Как... — начинает она, но замолкает.

— Голос, — нетерпеливо отвечаю я. — Плюс ко всему твои бедра, — я указываю на её талию.

Кивнув Рэйган, я повторяю свою команду:

— Читай.

Через секунду Рэйган начинает читать.

— Светлые волосы, карие глаза. Женщина.

Возраст около 20.

Место рождения: Канкун.

Дата: 16 марта.

Состояние: хорошее здоровье. Странная фобия. Отказывается смотреть людям в глаза. Непонятные конвульсии. Возможно, самостоятельно навредила себе. Подтвердила обширные знания о компьютерах и интернете. Предлагала взломать кайманский и баттерфилдский банки, получив конкурирующие номера банковских счетов. Вызов был

принят. Успешно. Отказалась выполнять другую работу, пока не получит отдельный номер и обещание, чтобы к ней не прикасались. Требования удовлетворены. Предполагается сотрудничество с организацией АБ.

— И еще здесь несколько электронных адресов. АБ?

— Арийское братство, — поясняю я. — Они работают с картелями, транспортирующими наркотики. В США у одного из них самые высокие показатели по обороту нелегальных наркотиков в мире.

— Достаточно? — говорит стукач.

Да. Я не могу объяснить облегчение, которое испытал после того, что прочитала Рэйган. Это она. Моя высоко функциональная сестра – аутист. Такая блестящая.

— Достаточно.

Я вытягиваю бархатный мешочек. В нем мусгравит — камень, который дал мне Петрович за снятие его дяди. Он стоит около ста тысяч. Я бы заплатил вдвое больше за эти данные. Информатор едва может держать его в своих перчатках. Пока она смотрит вниз, я подвигаю Рэйган напротив храма.

— Дениэл, — слышу шокированный голос Рэйган.

Не понимаю, как она до сих пор может удивляться. Это еще раз доказывает, что она не позволила своему заключению разрушить её изнутри. Она по-прежнему переживает, когда кому-то больно. Как я уже говорил, самая большая опасность для Рэйган – это комок в моей груди. Он снова начинает биться. Я выясню хорошо это или плохо, но позже, черт возьми.

— Вот, что будет дальше. Ты возьмёшь нашу оплату и вернешься на базу. Можешь сказать, что убила нас. Можешь сказать, что пытала. Ни я, ни она не смогут рассказать другую историю. Но если ты попытаешься что-то предпринять, я вышибу тебе мозги прямо здесь. Я даю тебе выбор, женщина. Понимаешь?

Она кивает, но мой пистолет следует за каждым её движением. У неё расширяются глаза при виде его.

— Это правильно. Я использовал это оружие много раз. Я не буду спрашивать, сколько раз ты стреляла. Но подозреваю, что ты окажешься на полу с пулей в голове раньше, чем достанешь свое оружие из кармана. Так что будь умницей, и проживешь еще как минимум десять минут.

— Это ты так думаешь, — фыркает она, а потом я вижу бледную красную точку, прежде чем всё катится в ад.

Рэйган

Требуется две секунды. Одна секунда, пока я смотрю на лицо хорошенькой женщины, удивляясь, откуда у неё на лбу лазерная точка. А в следующую секунду её лоб взрывается, ударяя мне в лицо измельчённой плотью, влажной и горячей.

— Вниз! — кричит Дениэл.

Он толкает меня рукой за плечи, прежде чем я осознаю, что мозги этой девушки находятся на моем лице.

Я хлопаюсь на грязный окрашенный бетонный пол, и воздух вырывается из моих легких. Пистолет и ножи, заправленные в мой жилет, упираются в ребра. Я уже почти уверена, что оказалось в аду, но нет, я жива. Пока ещё. Тело девушки падает рядом со мной, а её кровь растекается рядом с моей ногой. Дениэл не медлит ни мгновения, и извиваясь, ползет к стене. Когда первоначальный шок отпускает меня, я следую за ним. «Сложись, как бумажная», — говорил он мне.

Мы прячемся в здании, где Дениэл приседает за холодильник, который здесь, похоже, со времен Никсона. Еще один выстрел раздается на моем пути к Дениэлу, и что-то ударяется о соседнюю стену.

Я издаю испуганный всхлип, когда Дениэл берет меня за руку и тянет к себе. Мое тело становится, словно из гипса, и я стараюсь быть под этим прикрытием, как можно дольше. Он отворачивается от меня, хотя я цепляюсь за его спину, а затем толчком открывает дверь холодильника, чтобы дать нам больше защиты.

Раздаётся еще один выстрел, от которого подскакивает дверь холодильника и закрывается. Дениэл снова открывает её.

Они знают, что мы за ней. Они наблюдают за нами.

— Что... что... — я стараюсь задать вопрос, который охватывает всё, что происходит, но не выходит.

Дениэл с пистолетом в руках качает головой. Его взгляд сканирует переднюю часть старого продуктового магазина, как будто он в состоянии что-то увидеть.

— Не знаю почему, но кто-то решил убрать стукача. Стукачей всегда затыкают.

Я поворачиваюсь, смотрю на тело мертвой девушки и касаюсь пальцами своего лица. Все еще влажное. Мне хочется блевать, но сейчас на это нет времени. Я сглатываю, но усилием воли удерживаю слюну во рту, для этого будет более подходящий момент.

— Она стукач?

— Была, — говорит Дениэл.

Я смотрю на него и достаю свой пистолет.

— Ты знал, что это произойдет.

— Была такая мысль. Как я сказал, стукачей часто затыкают. Это опасная работа.

— Надеюсь, эта информация стоила её жизни, — говорю я, до сих пор потрясенная тем, что эта девушка оказывается мертва так быстро и так легко.

«Жизнь в трущобах ничего не стоит», — напоминаю я себе. Как же сильно я хочу поехать домой.

— Ты и понятия не имеешь, — говорит Дениэл так пылко, что заставляет меня задуматься.

Он практически радуется информации об этой блондинке, но меня удивляет вспышка ревности внутри меня. Неужели ту женщину Дениэл искал всё это время? Может, он поэтому отправился на мои поиски, чтобы найти другую блондинку? Возможно, она его девушка?

Мне немного стыдно за свою ревность. Сейчас не время. И никогда не будет времени для этого. Для Дениэла я посылка. Разодранная посылка, которую не принимают обратно в почтовое отделение, так что её нужно доставить лично.

Всё стихло. Никто больше не стреляет, но мы не двигаемся. Дениэл напрягся, как никогда.

— Можно выходить? — шепчу я.

— Черт, нет, — говорит Дениэл, посмеиваясь. — У них снайпер. Кто-то знал, что она стукач. И он зол. Мы получили много информации с этой карты и движемся выше по пищевой цепи, но кого-то это совсем не радует.

Мужчина по-прежнему выглядит взволнованным.

— Так что нам делать? — спрашиваю я.

— Еще не понимаю.

Я думаю.

— Мы можем дожждаться, пока они выйдут?

— Снайперы могут ждать очень долго, — говорит Дениэл. — У них преимущество, поэтому мы в ловушке.

— Так что нам делать? — снова спрашиваю я.

— Мы подождем, пока они допустят ошибку, — говорит он, глядя на меня.

Дерзкий оскал на его лице пугает в такой мрачной ситуации.

— И мы успокоимся. Не будем высовывать голову, чтобы нас не сняли. И всё будет хорошо.

Ох, конечно, так просто ему это говорить.

— Ты был раньше в перестрелках?

Дениэл кивает и вновь переключает внимание на сканирование старого магазина. Солнечный свет проникает сквозь трещины в стенах. Сегодня прекрасный день. Полагаю, идеальный день для снайпера.

— Расслабься.

Он высовывает пистолет над холодильником, и сразу же раздается ответный выстрел.

— Да, все еще там.

— Расслабиться. Точно.

Я прижимаюсь к стене, сжимая пистолет. «Расслабься», — говорит он. Будто не стоит беспокоиться о людях, убивающих других. Но даже в такой ситуации я мысленно выхожу из неё. В этом у меня было много практики, и я возвращаюсь к своей любимой теме: фильмы ужасов. Там оружие тоже не редкость, но перестрелки обычно односторонние. В фильме «В одиннадцать» хороший парень стреляет в монстра или каннибала на выбор. Перестрелки скорее ассоциируются с вестернами или боевиками.

— Какой у тебя любимый фильм?

Дениэл снова поднимает пистолет, и снова сквозь деревянные щепки влетает пуля. Хорошо, что у нас есть старый холодильник, а то бы мы уже растеклись по полу, как стукач. Мужчина смотрит на меня.

— Ты действительно сейчас спрашиваешь меня об этом?

— О, а тебе бы хотелось бояться и паниковать?

Он кивает.

— Хорошо, хорошо, — через секунду Дениэл смотрит на меня, — крепкий орешек.

Я должна была знать.

— Ты мог бы назвать что-то менее банальное?

— Может, это банально, потому что чертовски круто! Парень изобрел: «Ура-ки-йй, ублюдок!». Мы кричали это в армии. Не так много фильмов используют в армии. Обычно наоборот.

Он сужает глаза и приподнимет голову, прислушиваясь, а затем снова поднимает пистолет и стреляет.

Ответного огня нет.

— Тихо. Это хорошо? — спрашиваю я.

— Значит, они двигаются. Не переживай.

«О, конечно. Не переживай», — говорит он. «Я никогда не оставлю тебя одну, Рэйган», — говорит он. Когда же Дениэл поймет, что он полон дерьма?

— Хорошо.

— Крепкий орешек, — говорит он, снимая с ноги ботинок, пока я смотрю на него. — Победил же целый взвод плохих парней на босу ногу. А даже в армии заставляли носить сапоги.

Он озорно шевелит бровями, как мальчишка, и бросает свою обувь вверх над холодильником в сторону входа в старый бакалейный магазин.

Это снова вызывает стрельбу, пули летят мощно и тяжело. Нагнувшись, я съёживаюсь у Дениэла и цепляюсь пальцами за его ремень для чувства безопасности. Будто, если я держусь за него, то так безопаснее.

— Немного левее, дорогая. Хотя твои навыки ужасны в том, что касается прелюдии.

Да брось. Как будто я взорвусь.

— Мои навыки сейчас единственное, что спасает твое лицо от кулака. С какой целью ты выкинул ботинок?

— Чтобы узнать, что все стрелки в задней части здания. Не думаю, что они пытаются обманывать, — хрюкает он. — Значит, они поднимаются. Так что у тебя?

Я отпускаю его ремень и нащупываю свой пистолет.

— Что у меня?

— Какой у тебя любимый фильм?

О, мы все еще об этом? Я забыла.

Я рассеянно поднимаю пистолет и рассматриваю комнату. Мне хочется помочь, если плохие парни будут стрелять в нас.

— Нечто, версия Джона Карпентера 1982 года.

— Это чертовки странный выбор.

— Он потрясающий. Или ты предпочел бы, чтобы я назвала «Дневники Принцессы», потому что я девчонка?

Я хочу прострелить его глазами.

— Ты мыслишь так стереотипно, ты знал? Твой любимый цвет – хаки, у тебя точно есть дюжина снайперских беретов, соответствующих всем черным водолазкам в твоём шкафу.

Мужчина фыркает, глядя на мой дрожащий пистолет. Я прицеливаюсь к стенам, ожидая тени от солнечных лучей.

— Пытаешься вспомнить свои уроки стрельбы?

— Сейчас ведь подходящее время, разве нет?

— Господи Иисусе. Только не стреляй в мои проклятые яйца, хорошо? Они пригодятся мне для девушек.

Десяток раздраженных ответов пытаются пробиться из моих губ, но я их не открываю. Вместо этого я поднимаю пистолет, прицеливаюсь и нажимаю на курок. Но ничего не происходит.

— Предохранитель, — напоминает он, глядя на холодильник.

Точно. Я шарю по пистолету, но мои пальцы странно дрожат. Сняв предохранитель, я снова поднимаю пистолет. На этот раз он стреляет, когда я нажимаю на курок, и вся моя рука вибрирует от отдачи.

Ответного выстрела не следует.

Дениэл склоняет голову и ждет. Он снимает второй ботинок, указывая на дальний конец комнаты.

— Стреляй в том направлении. А я сейчас брошу ботинок, и посмотрим, получим ли мы ответ с обеих сторон.

Я смотрю в дальний конец комнаты. Там большое окно, и из него видны трущобы. Что, если я попаду в прохожего?

— Разве я не могу выстрелить в потолок?

— Да, он же выглядит таким крепким, — саркастически говорит Дениэл. — Идеальный конец перестрелки — это потолок, рушащийся на нас.

— Ладно, ладно, — бормочу я.

Когда он машет рукой, чтобы поторопить меня, я стреляю в дальнюю стену. Дениэл прислушивается, а через мгновение бросает другой ботинок в дверь.

Ничего кроме тишины не происходит. Так тихо, что я почти слышу, как мертвая девушка на полу истекает кровью.

— Похоже, они ушли, — говорит он, но не двигается, поэтому и я тоже.

Мы слушаем жуткую тишину и ничего не слышим. Дениэл смотрит на меня и кивает в сторону открытого склада.

— Либо так, либо они пытаются нас обмануть. Оставайся здесь, а я проверю.

— Нет!

— Это не обсуждается!

— Я иду с тобой!

— Нет, не идешь, — говорит Дениэл, глядя на меня. — Это опасно. Ты останешься здесь, а я порву этого гребанного мудака, поняла?

Я возвращаю ему столь же разъяренный взгляд. Наблюдаю, как он скользит вдоль боковой стенки холодильника, а затем внутрь здания. Он полностью скрылся в тени, что если бы я моргнула, то потеряла бы его из виду.

У меня начинает дрожать тело. Что за чертовщина? Что, если он собирается просто уйти и оставить меня? Что, если он бросит меня, как все остальные? У меня в горле застревает ком беспокойства.

К черту! Я иду с ним. Выхожу из укрытия и бегу к нему.

Вздых раздражения проносится прямо над моей головой. Меня больше никто не оставит позади.

Наблюдаю, как Дениэл прижимается всем телом к стене и движется вдоль неё, готовясь к выстрелу. Я следую его примеру и перехожу на другую сторону. Мы готовы к ответному огню.

— Так, и о чем там «Нечто»? — небрежно спрашивает он, но не смотрит на меня, а постоянно осматривает обстановку, зачем-то пытаюсь отвлечь меня.

— Там о том, какой Курт Рассел крутой, — коротко отвечаю я, и от нервов мой голос звучит слишком громко в этой тишине, мне очень тревожно. — Делает то, что делают крутые.

— Похоже, отличный сюжет. Как же я такое пропустил?

И снова на арене остроумие и сарказм Дениэла. Это оружие, пожалуй, опаснее удара его кулака. Он низко приседает, удивив меня этим, и жестом показывает сделать мне то же самое.

Я киваю, и мне приходит в голову, что наш разговор прикрытие, чтобы отвлечь стрелков, а значит, они уже близко. Это заставляет меня нервничать.

— А еще там много сосут, — лгу я, чтобы понять обращает ли он на это внимание. — Одни сплошные минеты.

— Похоже, мне понравится этот фильм, — лениво говорит мужчина, затем быстро подымается и выбегает наружу, где сталкивается с людьми, что пытаются убить нас.

Слышу много выстрелов, что-то трескается, как разбитая керамическая чашка. Затем вижу Дениэла, стреляющего в поле моего зрения.

Раз.

Два.

Тела падают на землю.

Всё происходит так быстро. Я смотрю на мертвеца у ног Дениэла, шея которого искривлена под странным углом. Дениэл стреляет ещё раз, поднимает руку и снова стреляет. Слышен ещё один звук падения, Дениэл хрюкает и опускает пистолет.

— Всё хорошо. Теперь можешь выйти.

Выйти? Я не успела даже подумать о том, чтобы достать пистолет. В оцепенении я встаю на ноги, замечая, что одна из пуль прошла в дюйме от моей головы. Если бы я стояла, то уже была бы мертва.

— Выходи, — говорит Дениэл. — Мы же не хотим дожидаться их приятелей.

Мне не нужно повторять дважды. Я мчусь в его сторону, перешагивая через мертвое тело, а Дениэл поднимает свой ботинок и хмурится, глядя на пулевое отверстие в носке. Он натягивает ботинки, пока я оглядываю другого мертвеца. У него идеально круглое отверстие в центре лба.

Боже. Дениэл так быстр.

Он берет меня за руку, потому что я иду медленно. Мы оставляем позади бакалею, направляясь обратно в трущобы. Дениэл смотрит на меня:

— Ты в порядке?

— Да.

Я все еще в шоке от его скорости. Мне так хотелось помочь, но я оказалась бесполезна. Меньше, чем бесполезна. Впервые, я начинаю понимать, о чем говорит Дениэл. Не только моя жизнь в опасности, когда я с ним. Я подвергаю и его опасности, потому что он должен следить за мной. Не очень приятное чувство.

— У тебя еще есть граната?

Он достает из бокового кармана моего бронежилета гранату, и у меня расширяются глаза от удивления. Вот, и стало понятно, почему так больно было упасть на живот. Хотя у меня уже могло бы и не быть живота. Наверное, поэтому Дениэл ничего мне не сказал.

— Зачем? — спрашиваю я, оглядываясь. — Есть еще кто-то?

— Нет, мы передадим послание нашим преследователям. Он вытаскивает чеку и кидает её в сторону бакалейной лавки так легко, словно бейсбольный мяч.

— Какое послание? — спрашиваю я, когда Дениэл снова хватается за руку, и мы уходим.

Через пару секунд раздается громкое «бум», и обломки здания градом сыплются на землю. А на меня смотрит ликующие лицо мальчишки:

— Наше послание: «Ура-ки-яй, ублюдки!».

— Предсказуемо, — говорю я ему, ухмыляясь.

И тут он вздрагивает и хватается за ребра, а я понимаю...
Дениэла подстрелили.

Глава 15

Дениэл

— Ты ранен? — спрашивает Рэйган.

— Хочешь поиграть в медсестру? — я беспечно играю бровями. — Мне нравится этот костюмчик. Думаю, из-за белых туфель.

— Ты можешь стать серьёзным хотя бы на минуту?

Девушка дёргает меня за рубашку, а я отворачиваю голову, чтобы скрыть дрожь. Да, меня подстрелили, но я могу ходить. Мне нужно немного алкоголя и супер клея, и всё будет в порядке. Самое важное сейчас – это доставить Рэйган в безопасное место.

— Идём, давай найдем место, где ты сможешь поразвлечь меня в более приватной обстановке. Не люблю устраивать публичные шоу.

Адреналин тяжело раскачивает всё моё тело. Если бы Рэйган захотела, я взял бы её прямо на полу бакалеи.

Девушка закатывает глаза, но следует за мной:

— Не думай, что это смешно.

— А когда это было смешно?

Я прижимаю руку к ране, так как оставляю следы крови, словно панировочные сухари. Надеюсь, это не приведет к тому, что нас засунут в духовку.

— Мне любопытно. Я хочу проанализировать твои шутки, чтобы лучше шутить в будущем.

Её слова звучат так, как сказала бы моя сестра. И от осознания этого мне становится гораздо больнее, чем от ранения, которого стоила информация о ней.

Мой смех выводит её из себя, и девушка останавливается.

— Не думай, что я действительно беспокоюсь о твоём здоровье, просто ты – мой билет отсюда. И если ты ранен, я влипла.

Я цыкаю на неё:

— Если бы я хоть на секунду решил, что это правда, то умер бы от раны в сердце. К счастью, для нас обоих, я знаю, что ты шутишь.

Рэйган хмурится, и это возвращает меня к моим размышлениям. Она развивает во мне слабость. Возможно, это не влечение, но я ей определенно нравлюсь. Улыбка исчезает с моего лица, когда мы приближаемся к дому Перея. Наши сумки стоят снаружи, значит, внутри кто-то есть, кто наблюдает за ними, и теперь нам надо убираться отсюда.

— Что происходит? — спрашивает Рэйган, когда я не останавливаясь, хватаю сумки.

Я прижимаю одну из сумок к раненному боку, и боль простреливает насквозь, что заставляет меня заткнуться и застонать.

— Видишь, тебе больно, — она дёргает меня за руку так, будто мы можем вернуться в безопасность комнаты Перея.

Остановившись, я прижимаю руку к её щеке. Это интимное касание заставляет её успокоиться.

— Нам здесь не рады.

Девушка издаёт взглас огорчения.

— Мне не больно. Правда. Если будет, я скажу.

— Скажешь? — её большие глаза смотрят на меня с таким доверием и... тоской?!

Я мысленно даю себе пощёчину, чтобы выбить из головы десяток неподходящих мыслей о том, что у неё действительно есть чувства ко мне, кроме благодарности. И о желании её поцеловать. Чёрт, мне нужно больше тренироваться, я же её мужчина.

Я довольствуюсь тем, что стираю пальцем грязь с её щеки.

— С тобой ничего не случится, пока я дышу. Клянусь.

Кажется, мы смотрим друг на друга целую вечность или как минимум два полных лунных цикла, прежде чем Рэйган опускает взгляд.

— Хорошо, — мягко говорит она.

Её мягкое молчание вызывает мою реакцию чуть ниже пояса. Если бы мы не бежали, спасая жизни. Если бы не было моей сестры, нуждающейся в спасении. Если бы всё было по-другому, я поднял бы Рэйган на руки, отнес её на ближайшую постель и показал бы ей, насколько искренни мои слова. Не в первый раз я сожалею о том, что не встретил Рэйган, когда был в армии. Тогда я был полон нахальства и веры, и никто не смог бы навредить тем, кого я действительно люблю. Те чувства давно прошли, их сменили тяжесть вины и страх, которые стали нормой. Моя реакция на Рэйган поражает меня, и чтобы восстановить свое равновесие, я хватаю сумки и стараюсь отшутиться.

— Есть одна часть моего тела, испытывающая боль, куколка, и ты бы смогла помочь.

— Действительно, Дениэл? Ты просто должен всё испортить?

Да, детка, должен. Потому что у нас нет времени на это странное напряжение между нами. Выдавив для неё напряжённую улыбку, я спускаюсь с холма. Она, как хороший солдат, следует за мной. Учитывая всё дерьмо, что выпало на её долю, Рэйган

делает всё, что я ей говорю, без лишних вопросов. Никто не остановил нас по пути вниз на Холме Обезьян. Может, распространились слухи о нашей перестрелке, а возможно, мы выглядим угрожающе. Пыльные, грязные, в крови, и похожи на двух людей, которые только что вышли из битвы и сметут любого, кто встанет у них на пути. По крайней мере, я надеюсь, что это так, потому что на самом деле, мы с Рэйган ослабли, как котята. Нам нужна еда, душ и сон. Именно в такой последовательности. У границы фавела я оглядываюсь, чтобы найти транспорт. Нам надо оказаться подальше от Холма Обезьян. Иманема, Луис и наши бумаги примерно в часе езды на юго-восток. И между нами море фавел, холмов и лесов.

Слева я вижу старенький фиат, а фланелина нигде не видно. Я дергаю Рэйган за руку:

— Погнали.

— Ты собираешься угнать её?

— Нет, одолжить.

Я бью прикладом пистолета по водительскому стеклу, и, наклонившись, открываю замок.

— Залезай.

Покачив головой, она забирается внутрь.

— Уверяю тебя, кому-то эта машина не очень-то и нужна. Иначе бы он заплатил фланелину за пригляд.

— Кому?

— Охранник машины. Платишь ему, чтобы он присмотрел за твоей машиной, чтобы преступник не угнал её. Таких людей называют «фланелин», дословно «тряпочка», «фланель», потому что они держат в руках тряпки, делая вид, что чистят машины.

— Мило.

— Такое происходит и в некоторых частях нашей великой Северной Америки. Некоторые районы полностью оккупированы бандитами.

Я соединяю пару проводов, и машина кашляет.

— К тому же, ты хочешь пройти сорок километров или поедешь?

— Лучше ехать.

Послав ей улыбку, я завожу машину и отдаю Рэйган свой телефон.

— Найди в Ипанеме гостиницу с самым говняным рейтингом.

Через пятьдесят минут мы регистрируемся в отеле Риал Аорпорто.

Рэйган читает мне отзыв, пока мы проезжаем по узким холмистым улочкам:

— Ковры грязные. Мне было страшно даже лечь на простыни, поэтому я спал в одежде, а когда проснулся, песка в комнате было больше, чем на пляже.

— Звучит идеально.

— Не то, чтобы я жалуюсь, ведь я не плачу за это, но почему мы ищем настолько ужасное место?

— Потому что мы не можем прийти в гостиницу типа Копакабана Палас в таком виде, будто сражались с бандой наркоманов на Обезьяньем Холме. А в этом месте с удовольствием возьмут наши деньги и не зададут лишних вопросов.

— Не могла и подумать, что существует такое чёртово место, — говорит Рэйган, когда мы входим в номер отеля.

В коридоре воняет, будто повсюду раскиданы рыбы кишки. В комнате пахнет копотью, и нет свежего воздуха. Я кладу наши сумки на шаткий стол и проверяю ванную. Там два тоненьких полотенца, и ещё два дополнительных на кроватях. Повсюду мухи.

— Возможно, мне стоило попросить тебя найти второй худший отель в Рио.

— Да уж, гений.

Я бросаю одно из полотенец на пол.

— Вставай на него, пока моешься. Оно явно чище всего здесь. Я принесу тебе другое платье, чтобы переодеться.

В сумке Рэйган я нахожу купальник, туалетные принадлежности и косметику. Продавец в торговом центре позаботился обо всем.

Я беру всё это в руки и иду ванную, но слышу визг.

— Боже, Дениэл, — говорит Рэйган, — можно уединиться.

— Прости, — бормочу я.

Положив одежду и туалетные принадлежности на закрытую крышку унитаза, я пытаюсь выйти и не подглядывать. Но тихий вскрик останавливает меня. Я беру пистолет в руку, и, откинув шторку, вижу Рэйган, сжавшуюся в углу душа. Сердце колотится, и я ищу опасность. Волосатые тонкие ноги, торчащие из толстого черного тела, цепляются за душевую лейку. Проклятие, я тоже не люблю пауков. Взглянув через плечо, вижу, что Рэйган будет счастлива, если я застрелю это насекомое. Запихиваю пистолет за пояс джинс, хватаю кучу туалетной бумаги и снимаю эту чёртову штуку.

— Я не могу продолжать мыться, — жалобно говорит она.

— Конечно, можешь.

— Нет, я ведь не могу закрыть глаза. Мне надо следить за появлением пауков.

— Ты можешь мыться с открытыми глазами.

— Нет, не могу. Мне же надо помыть волосы. Ты бы...? — она не заканчивает вопрос, но я вижу её откровенный взгляд. — Пожалуйста, Дениэл.

Я не могу отказать ей, хотя и знаю, что это превратится для меня в пытку. Положив пистолет на край раковины, стягиваю рубашку через голову, но остаюсь в штанах, иначе мне не сдержать свой член от нападения на неё.

— Действуй, куколка.

Девушка моется, дрожа под горячей водой.

— Знаю, что поступаю неразумно, но мне плевать.

Я выдавливаю немного шампуня из сумки Рэйган в руку.

— Наклони голову, — командую я ей.

Она это делает, и тут я понимаю, что мой член находится в паре дюймов от её обнаженного тела. И хотя я пытаюсь отводить глаза, правда состоит в том, что её фигура убивает мои нервные клетки. Фантазии о ней в моём воображении никогда не выходят наружу, а сейчас я добавляю к ним вкус и запах. Интересно, смогу ли я когда-нибудь думать о другой женщине.

Мои пальцы зарываются в её волосы и прижимаются к голове. Когда Рэйган стонет, я чувствую, как вибрация подчиняет мой член. Он поднимается и пытается разорвать молнию на джинсах, чтобы добраться до неё. Девушка не перестает стонать, и это так разрывает меня изнутри, что я едва могу стоять на месте.

— Ты не могла бы заткнуться, Рэйган, — жёстко кричу я, но, чёрт возьми, не может же живой человек так страдать.

— Прости, — говорит она между стонами, — но я не могу. Это так приятно.

Я мог бы снова испортить момент каким-нибудь глупым сексуальным комментарием, что она могла бы наклониться, и я дал бы ей почувствовать то, чего девушка не испытывала до этого, но почему-то не могу. Наоборот, позволяю ей ещё крепче прижаться ко мне, что заставляет меня почувствовать боль от раны. Но это сладкая боль, ведь это значит, что она может прикасаться ко мне.

— Шампунь готов, дорогая, — хрипло говорю я ей.

Я поворачиваю её так, чтобы груди с розовыми сосками вывалились прямо передо мной. Мне нужно держать свои руки в её волосах, а не следить за причудливыми узорами мыла и воды на поверхности её кожи.

Девушка откидывается, полагая, я удержу её в вертикальном положении, что я и делаю. Одной рукой я придерживаю её на затылке и шее, а другой смываю чистой водой пену с волос, чтобы ни одна прядь не попала ей на лицо. Снова и снова я позволяю воде

омывать нас, несмотря на то, что мои мокрые джинсы весят тысячу фунтов и висят на моём торчащем члене, а вода уже давно смыла последнюю пену. Кажется, мы можем простоять так часами, пока не остынет вода.

— Хорошо, детка, с тобой закончили, — мягко говорю я.

Рэйган выплывает на поверхность из своих мыслей и хлопает глазами. Я вижу в них желание и нужду, и мне хочется помочь ей. Дай мне знак, детка. Но она молчит. В конце концов, я вытаскиваю её из ванны, оборачиваю в полотенце и выталкиваю за дверь.

Закрыв дверь, я быстро снимаю с себя джинсы, нижнее белье и берусь за пульсирующий член. Он действительно хочет Рэйган, что я могу сказать, но моя ладонь — единственное облегчение, которое он может получить прямо сейчас. Ступив под холодные струи душа, я упираюсь одной рукой о плитку, а другой справляюсь с членом.

Это не займет много времени. Холодная вода не стирает ни образ её тела, ни наслаждение, написанное на красивом лице, когда она опрокидывается под поток воды. В моей фантазии она опускается ниже, расстёгивает ширинку и разглаживает мокрую ткань. Её нежные руки достают мой член, и, издав звук удовольствия, как гул желания, говорит мне:

— Ты такой большой.

Её зеленые глаза большие, будто блюдца, а розовые мягкие губы раскрываются и накрывают мою плоть.

Рэйган не останавливается и смотрит на меня, телеграфируя глазами, как сильно ей нравится это действие. До меня доносятся звуки её стонов вокруг моего члена, приглушённые плотью. Мои яйца натягиваются, и я чувствую знакомое напряжение внизу позвоночника. Резко отстранившись, я поднимаю её на руки, прижимаю к кафельной плитке и впираюсь губами в жар её тела. Девушка кричит мне на ухо, как ей хорошо. Представляю её влагалище плотное, влажное и горячее. Его стенки обхватывают меня, когда я глубоко вхожу в неё.

В фантазии каждый толчок внутри её тела, наяву сопровождается движением сжатой руки. Я жду чертовки долго, и наконец, издаю низкий стон облегчения. Голова откидывается, став слишком тяжелой для моей шеи. Вся моя энергия сконцентрирована в крови, которая пульсирует в члене. Думаю о том, что снова и снова вхожу в Рэйган.

Кадры порно в моей голове становятся всё жарче, а стоны Рэйган всё сильнее.

— Так хорошо. Ты такой большой. Я хочу тебя. Кончи для меня.

И я делаю это. Я врываюсь в неё тонкими длинными струями спермы, поток которых кажется бесконечным. Было так хорошо это почувствовать, но я знаю, что в ней

было бы в пять тысяч раз лучше. Но я знаю, что мне никогда не подобраться так близко к Рэйган.

Рэйган.

Это не честно.

Я не возражала, когда Дениэл вытолкнул меня из ванны. На самом деле, ожидала этого. Было очень эгоистично просить его помочь мне принять душ, зная, что это сводит его с ума. Возможно, глубоко в подсознании, я хотела проверить, как далеко могу зайти. Как скоро его охватит безумие похоти, и он нарушит своё слово и начнёт приставать ко мне. Тогда, возможно, я пойму его. Мой мозг говорил «да». Он, как и любой другой мужчина. И я могла бы отнести его к той категории, куда попадали и все остальные: «пользователь».

Но Дениэл никогда не нарушал своего слова. Он никогда не прикасался ко мне сексуально. А к тому времени, как он выставил меня из душа, я уже была смущена и расстроена, что пришлось оставить его там одного.

Мне понравились его прикосновения. Понравилось, как он трогал меня, это не принесло мне беспокойства. Я понимала, никто не будет заставлять меня, а будет только нежность и ласка. И Боже, как сильно я скучала по нежности.

Я снимаю полотенце и причёсываю волосы, чтобы избавиться от лишней воды в них. Залезаю на кровать и всем телом плотно прижимаюсь к простыням. Мне надо одеться, но я чувствую себя такой ранимой.

Кажется, я не хочу одеваться, потому что часть меня хочет, чтобы Дениэл вышел из душа и снова коснулся меня. Показал мне, каково это иметь классный секс. Показал всё, на что он способен. О, чёрт, коснулся меня без стеснения. Я хотела бы всего этого. Но я не могу попросить. Наверное, это стокгольмский синдром? Я ведь должна ненавидеть прикосновения всех мужчин вместо того, чтобы хотеть человека, который так нежен со мной.

Я должна думать о своём парне.

От этой внезапно пришедшей ко мне мысли, чувствую вину и скручиваюсь на простынях. Последнее время я совсем не думаю о Майке. Скучает ли он по мне? Плачет ли, думая, что я мертва? Разве не лучше бы мне было умереть, чем вернуться к нему с этими смешанными чувствами к Дениэлу? Майк – отличный парень. Мы вместе ещё со

старшей школы. Чёрт, да я ведь даже пошла именно в тот колледж, потому что Майк туда хотел.

«Но он никогда не доводил меня до оргазма», — шепчет мой предательский ум. — «Он никогда не целовал тебя, как Дениэл».

«Это точно стокгольмский синдром», — говорю я себе.

Слышу, как в соседней комнате льётся вода, должно быть Дениэл принимает душ. Он пробудет там еще несколько минут. Я могла бы позвонить Майку и... дать ему знать, что жива. Вот, что сделала бы по-настоящему хорошая девушка.

Я беру телефон Дениэла и набираю номер квартиры Майка. Он не возьмет трубку, если не будет знать, кто звонит, поэтому я должна заговорить первой. После четырех гудков включается автоответчик: «Привет! Вы позвонили Майку и Бекке. Отставьте сообщение после сигнала». Я испуганно вещаю трубку, но не особо удивляюсь. Майк и моя лучшая подруга Бекка? Майк и моя давняя подруга? Та, что всегда говорила, как мне повезло, что у меня такой парень, как Майк.

Как же легко они сошлись, если должны оплакивать меня? Думаю, всё, что им понадобилось: бутылка вина, общее горе и вот, уже естественно, чёрт возьми, они съезжаются.

Мне не должно быть больно, но мне больно. Майк, должно быть, предполагает, что я мертва. Но ведь прошло всего два месяца. И он никогда не разрешал мне переехать к нему, хотя мы встречались несколько лет. «Мне нужно пространство, детка», — говорил он мне. И я соглашалась с этим, потому что вот, кем была Рэйган Поттер. Она была хорошей девочкой, которая со всем соглашалась.

Но Бекка переехала к моему парню с фобией свободы через два месяца.

Я отбрасываю телефон, ложусь на подушку и лежу, уставившись в стену. Не знаю, что чувствую прямо сейчас. Могу ли чувствовать себя, преданной людьми, которые думают, что я мертва? Искали ли они меня?

Слышу низкий стон и сажусь. Это Дениэл. Я встаю с постели, завернувшись в простыни, и на цыпочках иду к двери ванной. Вода всё ещё бежит, но я снова слышу этот низкий стон.

Он мастурбирует в душе.

Я очарована этим и немного ревную. Для Дениэла секс не испорчен. «Он всё ещё может наслаждаться прикосновениями к себе», — завистливо думаю я. Мне не хотелось мастурбировать с тех пор, как меня похитили. Раньше я была чемпионом по мастурбации. Ведь секс не был таким уж грандиозным. И я не винила в этом Майка. Вроде, как думала,

что всё нормально. Нет оргазма? Все в порядке, правда. Рэйган Портер ничего не имеет против. Она быстро кончит, пока ты спишь.

«Глупая Рэйган», — ругаю я себя. Теперь уже слишком поздно, и ты всего боишься. Боишься пауков, людей и боишься выпустить Дениэла из поля зрения.

Я так устала бояться и быть нелюбимой.

Вдруг чувствую тяжесть несчастья и возвращаюсь в постель. Я кладу голову на подушку, закрываю глаза и сворачиваюсь калачиком. Хочу, чтобы мир исчез на несколько дней. Хочу, чтобы мне было плевать, что Майк и Бекка вместе. Я хочу...

Хочу назад в душ к Дениэлу.

Представляю, как он закатывает глаза, и как его сильные руки дёргают его член. Хотела бы я увидеть это. Не уверена, чего хочу на самом деле, но я устала быть милой девушкой, которая делает то, что должна. Это испортило всю мою жизнь.

Вода стихает, и через пару минут дверь в ванну открывается:

— Рэйган? — спрашивает Дениэл, увидев меня в постели. — Разве ты не хотела позавтракать?

Пожав плечами, чувствую жалость к себе и не открываю глаза.

— Ты в порядке, куколка?

Мужчина подходит к кровати в полотенце, обмотанном вокруг талии. Мочалка прижата к его ране, с которой, как он уверяет, всё в порядке. Никогда бы и не догадаться, что с ней что-то не так, если бы розовая жидкость не сочилась сквозь ткань.

Знаю, он называет меня так, чтобы бесить, но сейчас у меня нет сил огрызаться. Из запутанного узла эмоций внутри меня наружу вырывается только грусть. Рэйган Портер, ладящая со всеми девушка, сломана. Ненавижу это.

— Что тебя беспокоит? — спрашивает он с жутким беспокойством в голосе.

Открыв глаза, я вижу, как его взгляд сканирует комнату в поисках угрозы.

Чувствую себя виноватой, что вызвала панику у Дениэла, поэтому глубоко выдыхаю.

— Странно, если я скажу, что мне нужно объятие?

Мужчина удивленно смотрит на меня и хихикает. Лукавая усмешка снова расплзается по его красивому лицу.

— Ты хочешь, чтобы я залез в постель и пообнимался с тобой?

— Вообще-то, это звучит потрясающе, — говорю я ему, и сажусь, прижимая простынь к груди. — Странно, что я хочу обниматься?

— Какая разница? Здесь некому судить, — отвечает Дениэл, подтягивая свое большое тело на левую сторону кровати.

Левой рукой он придерживает полотенце, а правую поднимает, показывая, что я должна прижаться к его телу.

И я не могу больше сопротивляться. Так давно меня касались с добротой и лаской, а не с безрассудной похотью. Я придвигаюсь к нему, зарываюсь в его шею, а он обнимает меня за спину. Он теплый и влажный, и пахнет мылом. Так хорошо. Мне нравится, как его тело прижимается к моему, а рука нежно гладит плечо. Не с сексуальным подтекстом, а с комфортом.

Я шепчу в него:

— Спасибо.

— Всё, что угодно для тебя, — говорит он низким голосом.

Меня не пугает прикосновение кожи Дениэла к моей. Мне не хочется блевать от этого. Наоборот, я расслабляюсь и вздыхаю, пока он безмятежно гладит меня, прижимаясь ко мне всем телом. Мы более или менее голые под полотенцами и простынями, но это не кажется сексуальным. По крайней мере, пока.

Не могу забыть о его мастурбации в душе. Это всплывает в моем мозгу каждый раз, как я закрываю глаза.

Я открываю глаза, и как будто впервые чувствую тепло и любовь. Мой желудок урчит, но я не хочу двигаться. Мне слишком хорошо. Увидев мочалку на его боку, скольжу рукой по его груди и открываю рану. Там несколько синяков, и, похоже, открытая рана. Всё ещё идет кровь.

— Ты уверен, что с тобой всё в порядке?

— Ничего такого, с чем бы ни справился супер клей, — говорит он мне, сбрасывая мокрые волосы с моего плеча.

Мне так хорошо, что я снова зарываюсь в его шею и нюхаю его, прежде чем понимаю, что делаю.

— Ммм...

Дениэл напротив меня напрягается:

— Рэйган, — бормочет он, — куколка.

— Я знаю, — говорю я, позволяя себе скользнуть языком по его шее.

По правде говоря, я так расслаблена и свободна, что не хочу упустить этот момент. Милая, приятная, на всё согласная Рэйган Портер была бы оскорблена, извинилась бы

перед Дениэлом и отступила бы, потому что это ожидаемо. Но это последнее, чего мне хочется сейчас. Он теплый и вкусный, и мне так хорошо в его объятиях.

Я хочу продолжать чувствовать себя хорошо. И поэтому я ближе соскальзываю к нему, позволяя простыни спастись с моей груди.

— Мы обнимаемся, да, Дениэл? — спрашиваю я, наклоняясь и прикусывая зубами его ключицу.

Ох, он такой твердый и мускулистый, и такой теплый, будто обогреватель под одеялом.

— Ты не будешь трогать меня?

— Пока ты сама об этом не попросишь, — отвечает мужчина.

Я не попрошу. Еще не готова к этому, но чувствую себя немного безрассудно. Я снова скольжу рукой по его груди, избегая раны, и наслаждаюсь теплом его кожи, под которой нет ни капли жира. Этот убийца симпатичный. Если бы мне не сломали мозги, я бы пускала на него слюни каждый раз, как он отвернется. Хорошо, что я испорчена, иначе я бы дала ему все карты в руки.

Мои соски прижимаются к его коже. И к моему удивлению, это хорошее чувство. Меня беспокоит слабая и вялая пульсация между бедер. Я возбуждаюсь от того, что чувствую себя безопасно, а Дениэл не делает ничего, кроме поглаживания моего плеча.

Он безопасен.

И это возбуждает ещё больше. Я отдаляюсь от него, позволяя своим соскам снова прикоснуться к его коже, и резко выдыхаю от тока по всему телу. А я ведь думала, что секс мертв для меня. Убрав руку с его груди, с любопытством провожу между своих бедер.

Я мокрая.

Просто касаясь Дениэла, просто прижимаясь к нему и просто зная, что в безопасности, я возбуждаюсь.

— Я мокрая, Дениэл, — говорю ему мягким голосом, прикасаясь пальцами своей киски и наслаждаясь этим ощущением.

Он стонет. Звук подобный тому, что был в душе, заставляет мои внутренности сжиматься снова и снова. Я смотрю вниз, и полотенце, как тент возвышается. Его член реагирует на мои бесстыдные действия. Или на мои слова. Или на оба действия.

И он не тронет меня. Мне можно тереться об него, как кошка об огонь, но всё, что он делает — это обнимает меня за плечи, потому что я так хочу.

Я продолжаю гладить плоть между своих бедер, прижимаясь грудью к нему и облизывая его шею. Мои бедра двигаются навстречу, и я проникаю пальцем глубоко внутрь себя и хныкаю от этих ощущений. О, удовольствие от мастурбации, мой давно потерянный друг, как я скучала по тебе.

Я снова скольжу языком по шее Дениэла и кусаю мочку его уха, довольная ощущением дрожи, пробежавшей по его телу. Его рука не сдвигается с моих плеч, но он сжимает меня немного сильнее, чем прежде, чего я и добиваюсь. Моя рука движется всё быстрее между ног, и я раскачиваюсь на ней, наслаждаясь ощущениями, проходящими сквозь меня. Я смотрю вниз на полотенце, которое практически спадает с его бедер. Под полотенцем его член кажется таким большим. Парни, которые настолько уверены в себе, всегда с большим членом, не так ли? Это можно назвать чванством.

— Ты мастурбировал в душе, не так ли? — спрашиваю я, снова уткнувшись в его шею.

— Чёрт, да. Ты чертовски сексуальная, — говорит он низким бархатным голосом.

— Ммм.

Я почти мурлычу от этой мысли и снова глажу его торс, втягивая воздух, когда моя киска сжимается вокруг моего пальца, орудующего в ней.

— Ты сделаешь это снова для меня?

— Ты хочешь, чтобы я снова мастурбировал?

— Ммм. Прямо здесь.

Я скольжу носом вдоль напряженных мышц его шеи, заводясь от его запаха.

— Чтобы я могла посмотреть. Но я не буду трогать.

Он бормочет «Боже», а затем одной рукой сильнее сжимает мое плечо, а другой убирает полотенце и хватает член. На головке блестит капелька жидкости. Я восхищаюсь его видом, когда он начинает работать рукой. За последние несколько недель я видела много членов, больше чем хотелось бы. И у Дениэла очень хороший. Толстый и мощный с красивой выпуклой головкой. По виду он будет хорош и внутри девушки.

Я дрожу от этого, а мой палец в киске работает всё сильнее.

Раскачиваю бедрами и насаживаюсь на свой палец, наблюдая, как быстро он гладит свой член напряженной рукой. Я хочу кончить, но мне нужно больше. Добавляю вторую руку между ног и начинаю играть со своим клитором. Я вжимаюсь лицом в его шею, и это удерживает меня на высоте. Но всё ещё недостаточно.

— Скажи мне, — спрашиваю я его, — если бы у нас был секс, ты бы довел меня до оргазма?

— Чёрт возьми, — чувствую, как напрягся его член. — Ты хочешь, чтобы я говорил тебе пошлости?

Я киваю и снова провожу языком по его шее. Сейчас я в своем собственном мире, где нет ничего, кроме кожи Дениэла, моих рук и необходимости кончить.

— Я бы подарил тебе лучшие оргазмы, Рэйган. Сунул бы свое лицо между твоих сливочных бедер и лизал твою киску часами. Я целовал бы твои половые губы и посасывал твой клитор, пока ты извивалась бы подо мной.

Он всё быстрее двигается рукой по своему члену. Я очарована тем, как он гладит головку быстрыми движениями, прежде чем кончить, словно накачивая его.

— Я бы дразнил твой клитор кончиком языка, пока ты бы стекала мне на лицо, доказывая, как сильно хочешь меня.

Я издаю стоны от его слов и двигаюсь пальцами ещё быстрее по моей киске. Кожа становится мокрой, шум моих ласк становится громким, но мне всё равно. Мне нужно кончить, хотя бы для того, чтобы доказать себе, что я могу.

— И я выпил бы всё до капли, — говорит Дениэл.

Звук его голоса хриплый и низкий, и чувствую, как он вибрирует в горле, в которое я утыкаюсь, словно в самое безопасное место.

— И тогда я заставлю тебя кончить ещё раз, чтобы посмотреть на твоё лицо. И ты кончишь много раз, выкрикивая моё чёртово имя, когда я заброшу твои ноги себе на плечи и буду трахать тебя.

Визуализация его рассказа заставляет меня дрожать, пальцы скользят по клитору всё быстрее и быстрее.

— Да? — тихо хриплю я.

— О, да, — говорит Дениэл сбивчивым голосом, а его рука движется ещё сильнее.

— Боже, мне бы хотелось увидеть это. Прикоснуться к твоей гладкой коже, слышать, как ты кричишь мое имя, видеть, как подпрыгивают твои сладкие сиськи от моих толчков внутри тебя.

Я резко выдыхаю от его слов.

— И когда ты прокричишь мое имя, я прижмусь к тебе поцелуем, — говорит Дениэл восхитительно мягким голосом. — Чтобы и ты узнала, какая ты вкусная.

Мысль о том, что Дениэл целует и трахает меня, такая сладостная, и вместе с этим нерешительным сексом доводит меня до края. Меня охватывает дрожь, и я понимаю, что кончаю. Прикусив губы, я хрипло дышу, но мне плевать. Это великолепно, мокро,

натужно и замечательно. И я кончаю, и это не безобразно. Это безопасно и восхитительно, и это с Дениэлом.

Когда я кончаю, он ещё дрочит свой член, но его хватка напряжена. Знаю, он ждёт от меня сигнала, чтобы кончить. Думаю, если я скажу ему кончить, он бы это сделал. Но я не хочу так. Я хочу увидеть. Поэтому вынимаю мокрые пальцы из киски и кладу их на его губы.

Мужчина тяжело стонет и кончает, дергая бедрами и облизывая языком мои пальцы. Он пробует меня, а я вижу, как сперма вырывается из него, брызгая на его живот и пах.

Я выдыхаю, чувствуя себя уставшей, но лучше, чем несколько дней назад.

— Спасибо, Дениэл, — бормочу я, вытирая его простыней, хотя он так и не отпускает мое плечо.

Дениэл абсолютно безопасен. И я хочу его больше всего на свете.

Мой живот урчит, напоминая, что я давно нормально не ела. Я вытираю с него сперму, отбрасываю простынь и откидываюсь на кровать.

— Нам нужно одеться. Я голодная.

На самом деле, я все еще чувствую возбуждение. Сердце бешено бьётся от моего оргазма, но чувствую себя хорошо и свободно. Влага между ног доставляет приятное чувство, потому что она моя, и я так хотела.

Я не сломалась после всего этого, а просто немного повреждена. И эта мысль заставляет меня чувствовать себя живой.

Дениэл, бедный парень, выглядит ошеломленным под сменой моих настроений.

— Завтра? Сейчас?

Он выглядит так, будто хочет вздремнуть прямо сейчас.

Я киваю и тянусь к сумке, достаю футболку и лифчик, натягивая их через голову.

— Я голодна. Какое у нас расписание на сегодня?

Закончив сборы, вижу, как Дениэл скользит взглядом по моему лицу и свешивает ноги с кровати.

— Завтрак. Аптека. Потом мы встретимся с Луисом, у него наши документы. И тогда мы сможем снять новый номер.

Я прикусываю губу, думая, как бы раздобыть презервативы. И от этой мысли, меня не тянет блевать, как было ещё день назад. Потому что я хочу, чтобы в ближайшем будущем Дениэл коснулся меня.

Глава 16

Дениэл

Рэйган ведет себя очень тихо, пока мы заказываем завтрак в самом чистом кафе, которое смогли найти в округе. Возможно, она думает, что, чёрт возьми, произошло в грязном гостиничном номере. Да и я могу думать только об этом. Её запах на моем теле, и солнце прожигает его в каждую мою пору. Не знаю, буду ли я когда-нибудь жалеть об этом. Даже, если это будет единственным воспоминанием, когда мы расстанемся, разве его недостаточно? Думаю, да.

— Это вполне обычное дело, — говорит она, засовывая омлет в рот.

— Я и подумал, что было что-то знакомое.

Я поливаю свои яйца соусом, и хоть мне нравится пряность колбасок, единственный вкус, о котором я могу сейчас думать, это вкус Рэйган от её пальцев на моих губах. Единственное, что я сейчас хотел бы съесть, сидит напротив, плотно сжав колени. Потребление пищи сейчас просто рефлекс. Моему телу нужно топливо, поэтому я сметаю белки и углеводы со своей тарелки. Но мой разум возвращается к нашему гостиничному номеру и совместной мастурбации. Я бы трахнул её так глубоко, прочувствовав каждую складку её мокрого влагиалища.

— Как ты познакомился с Дэйзи и Ником?

Вопрос Рэйган вытряхивает меня из фантазий, и я перевожу внимание обратно за стол. Я приказываю себе стать человеком и поддержать беседу.

— О, через друзей, — путано отвечаю я, спрашивая себя, смогу ли я когда-нибудь отвязаться от темы Василия Петровича.

Россия — крупнейший поставщик плоти, хотя и родина не отстаёт в этом смысле.

— А ты?

— Дэйзи откликнулась на мое объявление о поиске соседки. Она только вырвалась с фермы. Я переживаю за неё. Ты знал, что она никогда не выезжала из своего городка, потому что её отец страдал агорафобией? И она сбежала из дома, когда ей было двадцать.

Рэйган немного застенчиво смеётся, засовывая волосы за ухо. Если бы я был солдатом в увольнении, я бы стал для неё, как начинка в печенье. И, чёрт, мне пришлось бы убить пару товарищей, чтобы добиться её. И тогда бы я ощутил её вкус. Я уже слышал её возгласы, когда она возбуждена. Такие мягкие и влажные, пока её пальцы работали над

её киской. Слышал стоны облегчения и удовлетворения, когда она кончала. И я снова ухожу в себя.

— Дэйзи вызывает доверие.

Дэйзи и Ник были идеальной парой. Он – сумасшедший психопат, а она не знает, что он ненормальный. Смутно припоминаю, как давал советы Нику о свиданиях. Он бы рассмеялся, если бы увидел то состояние, в котором был я.

— Даже чересчур.

Рэйган вздыхает, гоня омлет по тарелке.

— Я позвонила своему парню, когда ты был в душе.

Парню? О, точно, Майк. Парень, что не мог не кончать дольше пяти секунд. Это многое объясняет. Я переживаю о том, как помочь Рэйган, а она беспокоится и звонит парню, который никогда не доводил её до оргазма.

— Хорошо. Телефон создан для этого.

Возможно, ондевушкаа волнуется, что нас выследят.

— Тебе стоило бы позвонить своим родителям.

— И что им сказать? Я в Бразилии, но в бегах, потому что какой-то сумасшедший зеленоглазый блондинистый фетишист мешает мне улететь домой. И, между прочим, Майк съехался с моей лучшей подругой.

— Звучит так, что не такая уж она и подруга, — я пытаюсь скрыть удовлетворение, что Майка больше нет.

Интересно, должен ли я убрать его. Хотя бы за то, что он придурок. Думаю, миру не нужно столько ублюдков, а я бы сделал ему одолжение, уравновесив положение.

— Да, — хмуро отвечает она.

Интересно, что её разрывает больше: Майк, Бекка или родители? Ей есть, о чём переживать. И полагаю, она имеет право расстраиваться. Делаю вид, который, надеюсь, выражает сочувствие, и продолжаю есть. Лучше так, чем сесть в самолет и отстрелить яйца Майку.

— Знаешь, в колледже я писала диплом по СПРЗ.

Я съедаю последний кусочек своего чоризо, неодобрительно глядя на нетронутую тарелку Рэйган. Интересно, ей не нравится еда или компания. Это плохо. Ей необходимо поесть.

— Начинай есть. Нам нужно идти.

Девушка морщится, но начинает механически есть.

Я откидываюсь на спинку стула и вытягиваю ноги. Боже, как же я устал. Нам с Рэйган надо добраться до Луиса и хорошенько поспать. Или я совершу какую-нибудь ошибку, например, прикоснусь к ней в следующий раз, когда она оближет мне шею. Я вонзаюсь пальцами в кофейную чашку, когда думаю о её мокром теле и пальцах в соках киски на моих губах. Этот не секс был лучшим сексом, в котором я участвовал за долгое время.

— А что ты? — она указывает на меня. — Ты всегда хотел быть маньяком с оружием.

— Не-а. Думал, после армии вернутся на ранчо, и помогать отцу.

— И почему не вернулся?

— Потому что я был горяч на голову. У меня была драка с парнем на год старше меня, и я сломал ему несколько ребер. Козел высмеивал мою сестру. Судья сказал, что это может стать пятном в моем личном деле, или я могу продлить службу еще на четыре года. Я выбрал вербовку. Отец был в ярости. Мы обменялись сердитыми упреками, что я недостаточно хорош для управления ранчо, а он урод, контролирующий мою жизнь. Я остался в армии, а потом...

Я ухожу от продолжения.

— Кое-что случилось, и я не смог вернуться домой. Но как только я решу эту проблему, вернусь на ранчо и останусь там.

Я меняю тему, заканчивая говорить о себе.

— Что такое СПРЗ?

— Сертифицированный процессор расчета зарплаты. Это довольно интенсивная программа сертификации, освоив которую можно работать в бухгалтерском и кадровом отделах. После окончания у меня будут постоянные предложения о работе от компаний, которые входят в список Fortune 500.

— И что ты собираешься делать?

Девушка морщится:

— Уже ничего. Я не смогу сдать тест вовремя, и подготовительные курсы потрачены зря, я не найду работу, а это значит... даже уже не знаю что.

— Это гадкий мир, дорогая. Уже то, что ты все еще дышишь, можно считать победой.

— Да... но как я вернусь обратно к этому?

— К чему? К своему безмозглому парню? К работе, о которой ты говоришь с энтузиазмом козьего пастуха?

Я злюсь, даже не понимая причину этого. Не потому ли, что она переживает о том, чтобы связаться со своим парнем? Или потому, что считает его своим парнем? Как можно переживать о том, кто ни разу не довел её до оргазма? Или потому, что она хочет вернуться в Миннеаполис, где чертовски холодно, на работу, которая через три года превратит её в зомби? Или потому, что она так чертовски красива, что мои яйца разрываются?

Несмотря на мое внутреннее состояние, внешность никак не выдает моих чувств. Рэйган выглядит потрясенной, но быстро приходит в себя.

— Знаешь, я так много пережила и пока ещё стою на ногах, поэтому я могла писать бы вдохновляющие речи Робину Уильямсу из Крепкого Орешка. Ты отстаешь.

— Он Брюс Уиллис, и я знаю, — усмехаюсь я, потому что никогда не умел долго сердиться.

К тому же её путаница между Брюсом Уиллисом и Робинот Уильямсом чертовски смешная.

— Пойдем, боец.

— Боец. Мне нравится. Можешь называть меня так.

— А как на счет детка-боец? Или куколка-боец? — поддразниваю я.

Расплатившись по счету, я указываю Рэйган на выход.

— Хочешь рассмотреть мою задницу? Поэтому везде пропускаешь меня вперед.

Она хмурится, не обращая внимания на мои неосторожные слова.

— У тебя отличная задница, детка-боец, — присвистываю я. — Пухлая и мягкая, как сочный кусочек бразильского фрукта.

— Но ты ведь даже не попробовал её на вкус. Может, тебе не понравится бразильский фрукт? — она шагает передо мной взад-вперед, словно истинная уроженка Рио.

Здесь в Рио, кажется, у всех дам особенная заминка в шаге, которая притягивает взгляды. Но мой взгляд сейчас прикован к этой неподвижности Миннесоты, а голова качается в такт её движениям. Я и правда не знаю, что с этим делать.

— Я люблю фрукты, — отвечаю я. — Но я никогда не вкушал их без приглашения.

— А какое приглашение тебе нужно? Выгравированное золотыми буквами?

Я хотел бы отвести Рэйган в сторону, придавить к бетонной стене и проверить это приглашение. Она смеётся и щёлкает пальцами:

— Закрой рот, а то мухи залетят.

Захлопнув челюсть, я спешу догнать её. Кто сказал, что нам нужно спать после того, как мы закончим с Луисом? Думаю, есть десяток вещей, которыми мы могли бы заняться в мягкой теплой постели меж чистых прохладных простыней.

Присвистывая, я подмигиваю Рэйган, и она отвечает мне улыбкой. Жизнь кажется легкой, когда не думаешь ни о чем, кроме текущего момента. Нам нужны документы для Рэйган, а потом надо выбрать приличный номер в гостинице.

— Довольно приятное место, — говорит девушка, пока мы идем по улице с роскошными брендовыми магазинами. — Имею в виду, эти магазины намного лучше, чем у нас в Миннеаполисе.

— Ипанема — второй по величине район в Рио.

— А мы не увидим здесь фальшивок? — спрашивает она.

— Возможно, они стоят своих денег?

Я останавливаюсь по адресу, который дал мне Перея. Это арт-магазин. Высококласный арт-магазин.

— Здесь? — скептицизм сочится сквозь её вопрос.

Открыв дверь, мы входим внутрь. Там слишком прохладно от кондиционера, и Рэйган дрожит, а я инстинктивно обнимаю её. Девушка наклоняется ко мне в объятии. «Это, чтобы согреться», — напоминаю я себе, но чувствую чертовски довольным.

— Всё в порядке? — спрашивает по-португальски гибкая женщина модельной внешности, чьи темные волосы увязаны в косу, которая, словно змея, покоится на её плече.

— Просто потрясающе, — вру я. — Слушай, я мог бы напеть тебе сладкую песенку или даже танец станцевать, полный кодовых слов и прочего дерьма, но мне нужно увидеть Луиса. Перея послал меня.

В её взгляде появляется подозрительный блеск, и она говорит:

— Подождите здесь.

— Это то место? — шепчет Рэйган, когда длинноволосая брюнетка исчезает на заднем дворе.

— Надеюсь.

Я заставляю себя не следить за спиной брюнетки. Переложив наши сумки с одного плеча на другое, я стараюсь расслабиться. Картины на стенах потрясающие, но явно ориентированы на вкусы туристов, изображая гору Сахарная голова и статую Христа-Искупителя. В центре комнаты на пьедестале находится скульптура, похожая на

футуристический кусок криптонита, только не зеленая, а прозрачная. Спустя мгновение слуга машет нам с заднего двора.

Луис – маленький человек, едва ли достигающий моей груди. Или возможно, он когда-то был выше ростом, но провел так много времени, согнувшись над столом, что его естественный рост уменьшился примерно на четыре дюйма от прежнего размера.

— Что вам нужно?

— Кредитные карты и паспорт.

— Для кого?

— Для двух блондинок.

— Для этой? — он указывает на Рэйган.

— Да, и ещё одной.

— У тебя есть фото?

— Есть.

— Ей уже двадцать месяцев, — предостерегаю я.

Я достаю кошелек и вытягиваю из него фотографию, завернутую в пергаментную бумагу. Долгое время я носил её с собой именно для этого. Когда я стал наемником, то понял, как важно иметь фальшивые личности. Возможность сменить имя и легко перемещаться по стране – необходимость при моей работе. У меня десятки личностей, но нет для Рэйган. У меня есть еще пара украденных личностей для сестры, но нужно и еще что-то придумать для Рэйган.

Луис кивает и берет снимок пинцетом. Судя по его аккуратности, с нашими документами всё будет хорошо.

— Две недели.

Рэйган, молчавшая весь разговор, наконец, говорит:

— Две недели?

— Завтра, — непримиримо говорю я, вытаскивая пачку наличных, чтобы обосновать свое требование.

Луис качает головой:

— Детальная проработка требует времени.

Рэйган издает огорченный стон, а я сую деньги Луису.

— Завтра.

Из-за его нерешительности мне приходится достать пистолет, и все пригибаются, но я целюсь в хрустальную скульптуру горы Сахарная Голова, стоящую посреди выставочного зала.

— Завтра, — повторяю я.

Луис смотрит на меня, на тяжелые сумки за моей спиной, а затем на деньги:

— Значит, завтра.

Он машет Рэйган, чтобы та встала у белой стены, и делает снимок.

Я прячу пистолет и сую деньги ему в руку. Жестом указываю Рэйган на дверь — пора уходить.

— Почему не сейчас?

Она, как будто не хочет уходить без документов, но я не готов больше злить Луиса. Я вытаскиваю её из офиса, и мы выходим на улицу. Девушка выглядит несчастной, а я скучаю по её солнечной улыбке с самого утра.

— Пойдем за вещами и найдем отель получше. Я хочу еще раз отмыться после тех простыней.

— Кто та девушка? — спрашивает Рэйган.

— Девушка? — я не совсем понимаю её.

Какая девушка? Она — единственная моя девушка.

— Другая девушка. С фотографии в твоём кошельке? Кто она?

— Моя сестра.

Глава 17

Рэйган

Его сестра.

Некоторые вещи внезапно встают на свои места, и я начинаю всё понимать. У Дениэла есть сестра – молодая красивая блондинка, которая была продана в рабство, как и я. Вот, почему он охотится на блондинок. Вот, почему он таскается из борделя в бордель по трущобам, и знает таких людей, как Луис и Перея.

Вот, почему он был так рад при получении информации от стукача.

Я хочу рассмеяться от облегчения, пытаюсь не думать о другой таинственной блондинке, которая занимает его мысли. У меня была вспышка ревности, которая тут же прошла. Какое у меня есть право ревновать к кому-то или чему-то, что делает Дениэл? Он не мой. Он мой спаситель, и я заставлю его держаться меня.

Но... я рада, что это сестра, а не соперница за его внимание.

Мы уходим из художественной галереи Луиса и идем по улицам Ипанемы, смешиваясь с толпой. Я смотрю на Дениэла, а он едва ли не пышет энергией. Если бы убийца мог быть легкомысленным, это был бы Дениэл. Интересно, он такой, потому что близок к спасению сестры? Или к избавлению от меня? Или и то, и другое?

Не уверена, что я чувствую по этому поводу. После разговора за завтраком мне стало немного не по себе. Не знаю, как вернуться в старую жизнь и делать вид, что ничего не было. Я учусь на стипендию. Большую часть денег за моё обучение заплатила компания, куда я планировала пойти работать после учебы. Это и было причиной стать специалистом, ведь после колледжа гарантирована работа, и учеба будет оплачена, если я сдаю всё на средний бал. Сейчас середина семестра, а я пропустила два месяца, и это значит, что я провалю все мои экзамены, если только не брошу учебу. В любом случае, я влипла.

Но я жива, как заметил Дениэл. И должна быть благодарна, а не ждать проблем.

Когда мы возвращаемся в более беспокойный район города, улицы становятся чище. Люди прогуливаются по торговым районам, да пара человек слоняется у дверей магазинов. Мы направляемся в гостиницу по улицам Ипанемы, когда Дениэл хватает меня за задницу со словами:

— Чёрт, детка, это так прекрасно! — его голос такой громкий, как тexasский трактор.

Вздрыгнув от его прикосновения, я отбегаю на несколько футов. Какого чёрта?

— Что ты делаешь?

Такое грубое прикосновение заставляет меня нервничать, и в сознание начинают возвращаться плохие воспоминания.

— Не думаю, что смогу дождаться, чтобы отшлепать тебя, — говорит он, снова хватая руками, и прежде чем я успеваю возразить, тащит меня пару фунтов в переулок и прижимает к стене, впиваясь губами.

Поток неприятных воспоминаний захлестывает меня, когда его язык прижимается ко мне. Эта агрессивность не похожа на Дениэла. Он всегда позволял мне брать инициативу. Эти и те прикосновения похожи, как день и ночь. Я жаждала его прикосновений и хотела исследовать его тело... до сих пор. Теперь же хочу, чтобы он отошел от меня, пока я не задохнулась от мыслей, сжигающих мой разум. Воспоминания о потных людях с оружием, заставляющих мой рот открыться и толкающих меня на грязный матрац...

Я хныкаю, тщетно упираясь в грудь Дениэла, но он только сильнее прижимает меня к стене. Я в ловушке. Схватив мою ногу, мужчина прижимается бедрами ко мне и практически оборачивается в меня, не смотря на мои сопротивления.

— За нами следят, — бормочет он мне в рот. — Перестань сопротивляться, — и продолжает целовать меня.

Я прекращаю колотить его кулаками по груди, когда понимаю, зачем эти действия. У меня открыты глаза, и я рассматриваю напряженное лицо Дениэла. Он сужает глаза, наблюдая за ближайшим дверным проемом, даже когда его рот работает на мне.

Я не отвечаю. Не могу. Это слишком похоже на времена в борделе. У меня не получается отвечать, а только тихо принимать. Мне нужно довериться Дениэлу.

Но я не могу остановить слезы, появившиеся в моих глазах, которые бегут по щекам, как и слюни, скопившиеся во рту. Мне хочется сплюнуть, но это продолжается слишком долго. «Подожди», — говорю я себе. Это не то, что раньше. Не то. Но вспоминаю пистолет, прижатый к голове, и ужасное чувство беспомощности, когда я опускаюсь на колени перед человеком, купившим меня.

— Дерьмо, — говорит Дениэл в мой рот. — Мне чертовски жаль, боец. Просто держись для меня.

Он снова шлепает меня, прижимаясь тазом. После этого чувствую, как что-то упирается в меня, и понимаю, он вытащил пистолет из кобуры и прижал его к моей ноге.

И когда я уже думаю, что больше не вынесу, он отрывается от моего рта и присматривает улицу, наклоня голову. Сглотнув, я вытираю рот тыльной стороной ладони и пытаюсь стереть эти ощущения.

— Я не вижу стрелка, но не хочу рисковать, — говорит Дениэл, быстро и искренне целуя меня в лоб. — Идем сюда, — он отпускает мою ногу и жестом указывает в сторону аллеи.

Я дрожу и рысью бегу впереди него, пока он внимательно осматривает обстановку. Моя прежняя легкость полностью потеряна. Сегодня утром я чувствовала себя так хорошо, такой нормальной. А теперь, пуф, и всё прошло.

Мне хочется свернуться калачиком и поплакать, как я делаю постоянно с момента похищения, но на это у нас нет времени. Мы в опасности. Об этом я могу судить по напряженным плечам Дениэла, и потому, как с силой он сжимает рот в твердую линию. Поэтому я позволяю Дениэлу так себя вести.

В конце концов, он указывает вперед и ведет меня в переулок. Мы возвращаемся в отель через заднюю дверь, через которую забирают белье в прачечную и доставляют еду.

Пройдя по внутренним помещениям отеля и вверх по пожарной лестнице, в конце концов, мы попадаем в нашу комнату. В коридорах пусто, но Дениэл прижимается к стене рядом с дверью, закрывая меня спиной. Из всего вышеизложенного ясно, что он ожидает неприятностей внутри номера, поэтому я жду его сигнала и достаю пистолет, который теперь всегда беру с собой. Ощущения пистолета в руке заставляет меня чувствовать себя лучше. Так я знаю, для следующего парня, кроме Дениэла, кто попытается бросить меня на грязный матрас, ждет другой вариант.

Я всегда могу пристрелить кого-то. «Или себя», — подстрекает мой мозг, но это не вариант. По крайней мере, пока.

— Подожди здесь, — говорит Дениэл низким шепотом. — Стреляй в любого, кто выйдет из этой двери. Даже в меня. Если всё будет чисто, я скажу «детка-боец», поняла?

— Поняла, — выдыхаю я в полголоса.

Когда он врывается в дверь, я готовлю пистолет.

Наступает невероятно долгая минута тишины. Я даже не дышу, ожидая услышать хоть что-то, что угодно.

Секунду спустя Дениэл кричит:

— Всё чисто, детка-боец. Заходи.

Выдохнув, я вхожу в комнату. Сразу же видно, что комнату обыскивали. Моя одежда была разорвана и разбросана по всей комнате, а кровать перевернута. Слава Богу,

Дениэл взял нашу сумку с оружием. Он не хотел выпускать её из поля зрения, и теперь я вижу, мужчина был прав.

Я с трудом глотаю при виде всего этого:

— Хорошо, что мы ходили на завтрак, да?

Стараюсь не думать о том, что случилось бы, если бы мы с Дениэлом остались лежать в постели. Мы могли быть убиты.

— Похоже, твой друг все еще не отказался от тебя, — Дениэл сжимает рот в жесткую сердитую линию, с которой я слишком хорошо знакома. — Проклятье. По крайней мере, оружие всё ещё при нас, но, похоже, тебе снова нечего надеть.

— Что есть, то есть, — с трудом соглашаюсь я.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

У меня вот-вот задрожит нижняя губа, но я киваю:

— Я в порядке.

Но это не так, хотя нет смысла снова копаться в моей голове, потому что это не имеет значения.

— Пойдем, — говорит Дениэл. — Упакуй вещи, которые остались, и пойдем в новый отель. Планы меняются. Мы найдем лучший отель, который можно купить за деньги. Так или иначе, они будут выяснять, где мы, хоть прячься, хоть нет. Им придется хорошо потрудиться, чтобы украсть твою задницу с главной улицы.

— Хорошо, — слышу я свой тихий голос.

— Ты уверена, что не знаешь, почему мистер Фриз так прикипел к тебе? Ты хороша в играх в лошадку или что-то ещё?

— Понятия не имею, почему.

— Неважно. Я – осел. Просто это дерьмо не имеет смысла, и я начинаю злиться, пытаюсь понять, что происходит, — он проводит рукой по коротко стриженным волосам и тяжело дышит. — Блять. Проехали.

Быстро собрав вещи, я заправляю пистолет за пояс и стараюсь сохранять спокойствие, пока Дениэл пишет сообщение. Я готова и киваю ему, а затем мы выходим из номера. На улице Дениэл приветствует таксиста и обнимает меня, как будто мы пара. Я не отбрасываю его руку, но чувствую себя странно. Не хочу, чтобы меня сейчас трогали, но Дениэлу об этом не говорю.

Мы садимся в такси, и Дениэл говорит водителю адрес на португальском, а затем снова кладет мне руку на плечи.

— Не могу поверить, что мы наконец-то мистер и миссис Паркер, — говорит он своим фальшивым тexasским акцентом, который я наконец-то научилась различать.

— Да, милый, — говорю я, быстро целую его в щеку, хотя мой голос звучит менее уверенно, чем мне бы хотелось.

Я отключаюсь, пока Дениэл поддерживает поток болтовни, как со мной, так и с таксистом. Он играет роль молодого туриста с большим апломбом, иногда ласково касаясь меня, что напоминает мне о неожиданном поцелуе, на который я так плохо отреагировала совсем недавно. Я стараюсь подыгрывать со своей стороны, но уверена, что Дениэл и таксист понимают, мысленно я нахожусь далеко от них.

Мы подъезжаем к гостинице, регистрируемся и идем в наш номер. Всё это время Дениэл кричит мне в ухо об удивительных пляжах Бразилии, держа меня за талию. Он обнимает меня за пояс и не убирает руку с моего оружия, напоминая, что, не смотря на улыбающихся людей вокруг, мы в большой опасности.

Номер оказывается великолепным. На кровати самого большого размера со свежим постельным бельем стоит стопка пушистых полотенец. С балкона открывается прекрасный вид на город, а ванная намного больше, чем моя старая квартира.

Когда мы входим, Дениэл запирает дверь, придвигает к ней комод и закрывает шторы. Повернувшись, он смотрит на меня.

— Так, — говорит он, — ты хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит?

Дениэл

Рэйган отворачивается, и у неё на лице появляется... смущение? Позор? Не знаю. Она не должна такое чувствовать. Чёрт, я сбит с толку.

— Извини, — бормочет девушка.

— Тебе не за что извиняться. Я пытаюсь понять, чтобы не совершить такой ошибки вновь.

Наблюдаю, как она ходит по комнате в поисках чего-то, открывая дверцы и ящички. Наверное, чтобы не смотреть на меня. Сбросив сумки на пол, я иду к мини-бару. Там есть бутылка водки. Отлично. Я достаю супер клей из сумки, который мы купили до поездки в отель, и располагаюсь в ванной.

— Что ты делаешь?

— Устраиваю беспорядок, — шучу я, наливая алкоголь из бутылки на открытую рану, которая снова кровоточит. — Чёрт, больно.

— Позволь мне помочь, — девушка отталкивает мою руку.

Я отдаю ей бутылку водки и снимаю рубашку, наблюдая за ней в зеркало, прислонившись к раковине. У неё нижняя губа зажата между зубами, а она слегка оттягивает кожу, чтобы приоткрыть рану.

— Выглядит плохо, — комментирует Рэйган.

— Выглядит хуже, чем есть на самом деле, — я машу рукой на бутылку. — Полей этим, а затем заклей меня.

— Это правда, безопасно?

— Ага, всегда так делал в армии.

На самом деле, в армии был Дермабонд – медицинский клей, но единственное реальное различие между ними в том, что Дермабонд меньше жег и был сильнее. Супер клей тоже сойдет.

— Хорошо.

Девушка стискивает зубы так, будто сама принимает обжигающий алкоголь, но мне гораздо хуже. Откинув голову, я прикусываю внутреннюю часть щеки, пока моя рана полыхает огнем. И вдруг прохладный воздух покрывает меня, заставляя посмотреть вниз. Рэйган стоит на голених и дует на мою рану. Её вид внизу так близко к моему паху заставляет во мне что-то шевельнуться. Я хватаюсь за полотенце и протираю рану, чтобы можно было склеить её. И чтобы Рэйган встала с колен, прежде чем я сделаю непристойное предложение.

Девушка садится на корточки, пока я вытираюсь.

— Хочешь склеить меня, — я указываю ей на тюбик клея.

Кивнув, она снимает крышку.

— Нанеси тонкую линию с обеих сторон раны.

Она осторожно распределяет клей, а я сжимаю плоть вместе, шипя, как сода в уксусе, и протягиваю ей марлевую ленту. Когда девушка обматывает её вокруг меня, то своей грудью касается моей спины. Этого в сочетании с прикосновениями её мягких рук достаточно, чтобы возбудить меня. Более того, на третьем круге её рука проходит очень близко к моей промежности, которая тут же встаёт.

— Извини, — говорю я сквозь зубы. — Отложенный адреналин.

Это полнейшая ложь, но учитывая, что Рэйган была напугана в переулке, я не должен быть её кошмаром.

— Позволь мне закончить, — я пытаюсь забрать у неё бинт.

— Нет, я доделаю, — говорит она, и следующие два круга следит за тем, чтобы держатся подальше от нижней зоны, но это и неважно, просто её близость вызывает у меня головокружительное возбуждение и желание.

— Ну как? — наконец, спрашивает она.

— Хорошо, — говорю я, почти выбегая из ванной.

Я плюхаюсь на диван, мечтая, чтобы несколько бутылок водки попало в моё горло, а не на живот. Мне нужно что-то, чтобы не думать о сексе с Рэйган каждые пять секунд.

Девушка идет позади меня, и вдруг огромная комната, которую я заказал для нас, становится слишком мала. Я бы взял двухкомнатный номер, если бы смог защитить её, когда она вне поля моего зрения. Может, Рэйган переживает, что нам придется спать в одной кровати.

— Не волнуйся, — успокаиваю я её. — Этот диван раздвигается. Можешь забрать себе кровать.

Девушка рассеянно кивает и садится на кровать, слегка подпрыгивая, будто не уверена, хочет ли она сидеть или стоять. Вместо того чтобы беспокоиться об этом, я закрываю глаза и стараюсь отпустить последние несколько дней.

— Расскажи мне о своей сестре, — просит она.

Я предпочел бы делать куклы из носков, чем рассказывать Рэйган историю о Наоми, давая ей законную причину возненавидеть меня, но думаю, она имеет право знать.

— Она на семь лет моложе меня и чертовски гениальна! Например, когда она училась в начальной школе, то соображала лучше меня. Я ходил к ней за помощью по математике, а не она ко мне. Она получала лучшие оценки. Закончила среднюю школу, когда ей было четырнадцать и пошла учиться в колледж. Не думаю, что она страдает аутизмом или синдромом дефицита внимания, но общение с детьми её возраста у нее не шло. Она социально не адаптирована, с трудом сходится с людьми, но чертовски милая, Рэйган, — мой голос становится болезненным, когда я вспоминаю, что произошло дальше. — Я хотел, чтобы она повеселилась, понимаешь?

— Ты не можешь винить себя в том, что произошло, — протестует Рэйган.

— Правда? Может, тебе не стоит судить, пока я не закончу рассказ, — быстро говорю я.

Я встаю на ноги и ныряю в мини-бар. Мне понадобится алкоголь, чтобы закончить рассказ. В мини-баре есть еще шесть бутылок алкоголя. Я вынимаю бутылку Джек Дениэлса и проглатываю её одним глотком. Рэйган перебирается на диван и гладит

подушку. Со вздохом я открываю бутылку рома и возвращаюсь на диван. Перекатывая маленькую бутылочку в пальцах, я продолжаю рассказ:

— Я посоветовал ей сделать что-то ненормальное. Она учится в Массачусетском технологическом институте, изучает какое-то дерьмо о теории струн и конструировании истребителя Ф16. В одной из наших бесед по скайпу, она рассказала мне, что её одноклассники едут на весенние каникулы в Канкун, и я посоветовал ей поехать с ними.

Я останавливаюсь, выпиваю ром и бросаю бутылочку на журнальный столик. Нет в мире столько алкоголя, чтобы стереть боль в моей памяти.

— Я заставил её поехать. Сказал, что она тратит жизнь впустую, а реальный мир проходит мимо неё, и она должна выйти и начать жить.

В последних словах так много горечи и ненависти к себе, что даже Рэйган отклоняется.

— Она поехала, а на второй день её похитили. Мне позвонили из Красного Креста. Члены семьи могут пользоваться их линиями в случае чрезвычайной ситуации. Двадцать часов я летел домой. Когда добрался до ранчо, мама выглядела так, будто ей пятьдесят. Она едва смогла встать со стула, чтобы поздороваться со мной, а отец даже не пустил меня на порог дома. Он велел мне найти её и не возвращаться домой, пока не сделаю этого.

— Ох, Дениэл, — Рэйган наклоняется и начинает растирать мне плечи.

Так я чувствую себя гораздо лучше, чем заслуживаю в такой момент.

— Ты спасал девушек последние восемнадцать месяцев?

Да. И ещё убивал людей.

— Каждый раз, когда я находил дом или грузовик с похищенными девушками, я не знал, чувствую облегчение или разочарование от того, что не вижу её лица. До тех пор, пока пару часов назад не решил, что она мертва.

Я судорожно сжимаю колени и хватаюсь руками за плечи:

— А сейчас я ощущаю такое огромное облегчение, что не могу передать тебе этого, Рэйган.

— Ты хочешь выплакаться? — шепчет девушка.

— Что? — и я поворачиваю голову.

— Выплакаться. Знаешь, отпустить это. Так, я и моя, думаю, уже бывшая лучшая подруга Бекка, справлялись с проблемами.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не Бекка.

Рэйган с грустью улыбается.

— Ненавижу то, что ты нашел меня в том доме. Ненавижу, что я чёртова жертва насилия.

Быстро повернувшись, я обхватываю её руками.

— Ты не жертва. Ты выжившая. В тебе больше жизни, чем в половине живущих людей, — и слегка встряхиваю её, чтобы до неё дошло. — Ты не жертва.

Не думаю, что до неё дошло, так как она продолжает:

— Тогда в переулке, — Рэйган указывает в неопределенном направлении, — я разволновалась, когда ты прижался ко мне. Почувствовала, словно вернулась в ту комнату.

У неё сводит дыхание, но я не призываю её плакать, потому что не уверен, что сейчас справлюсь с её слезами.

— Что, если я больше не смогу заниматься сексом, как нормальный человек? Что, если всё, что мне осталось, это взаимная мастурбация?

Её слова вызывают в моем воображении дикие эротические картинки, которые уверен, она бы не оценила. С трудом сглотнув, я отталкиваю похоть и пытаюсь нормально говорить:

— Думаю, это пройдет.

— Я хотела тебя сегодня утром, — признается она. — Ну, ты же видел. Я действительно хотела тебя. Фантазировала о том, как ты трогаешь меня и ласкаешь, как твой член оказывается внутри меня.

О, Боже! Этот разговор о сексе заставляет мой член встать. А что если...? У меня появляется мысль. По-настоящему эгоистичная мысль. Она — порождение моего члена, но ничего не могу с собой поделать. Поднявшись, я говорю:

— Тогда возьми меня.

— Что ты имеешь в виду? — Рэйган выглядит озадаченной, но заинтригованной.

Я расстегиваю штаны и ложусь на кровать.

— Почему бы тебе не использовать меня? Делай, что хочешь. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал, и я сделаю это. Если хочешь, я буду просто лежать, пока ты будешь делать то, что хочется. Если хочешь залезть на меня и прокатится, то это круто. Чёрт, если хочешь, можешь даже связать мне руки, — я дрожу от этой мысли. — Используй меня.

— Но что, если я расстроюсь и оставлю тебя в подвешенном состоянии? — Рэйган встает с постели прямо у края кровати, теребя свою рубашку.

Давай, детка, сделай это.

— Ну, значит, я закончу сам. С этим ведь всё в порядке, верно?

Она кивает.

— Тогда всё хорошо, — и развожу руки. — Я не сдвинусь с места, пока ты не попросишь меня.

— Но что если, я займусь этим с тобой, а потом, уже оказавшись на тебе, захочу, эм, отключиться?

Она ставит колено на край кровати.

— То есть, спрашиваешь, что делать, если оседлав меня и покрыв своими соками мой член, ты решишь, что этот поезд слишком груб или почувствуешь тошноту?

Рэйган кивает головой, а её дыхание становится быстрым и более громким.

— Тогда думаю, ты спустишься с меня, я возьму и сам подрочу у тебя на глазах, а ты будешь следить за каждым моим шагом, или я уйду в туалет.

— Но это кажется нечестным по отношению к тебе.

На этот раз девушка полностью залазит на кровать и стоит на коленях рядом со мной. У меня член становится настолько тяжелым, что, наверное, сможет выдержать вес в двадцать килограмм.

— Дать тебе возможность почувствовать себя хорошо — это привилегия, а не кара. Слышишь меня? Неважно, что произойдет, но ты должна говорить себе, что приблизиться к твоей киске — это привилегия. Поняла?

В ответ я получаю лишь кивок, но это важное дерьмо, поэтому заставляю её повторить это:

— Скажи это. Скажи «доставить мне удовольствие — это чёртова привилегия».

Рэйган хихикает, но повторяет мои слова.

— Доставить мне удовольствие — это привилегия.

— Нет, «чёртова привилегия». Скажи снова.

Она кричит это:

— Доставить мне удовольствие — это чёртова привилегия!

Затем Рэйган падает на кровать, и мы смеемся. Может, так выходит стресс или это и правда смешно, но нам стало лучше.

— Теперь будет сложно не хотеть продолжить, да? — спрашивает она, перекатываясь на бок.

Девушка ложится головой на мою вытянутую руку. Я осторожен и не двигаюсь, как обещал.

— Я давно держусь, детка. И могу продержаться ещё несколько дней, — говорю я, криво ухмыляясь.

Я уже знаю, что следующий вопрос будет «как долго?», потому что Рэйган всегда спрашивает последовательно. Она должна стать репортером или следователем, или кем-то вроде бухгалтера.

— Как долго?

Я усмехаюсь.

— Не можешь не спросить, да?

Улыбнувшись в ответ, она качает головой.

— Если ты знал, что я собираюсь спросить, почему сразу не ответил?

Я пожимаю плечами и сильнее утопаю в кровати. Рэйган приближается ко мне и ложится головой на моё плечо, а левой рукой рассеянно гладит мою грудь.

— Это было...

Вздвогнув, я вспоминаю.

— Пару лет назад? Мой последний отпуск был в Сан-Антонио. Одна кошечка предложила мне, а я согласился, чтобы научиться парочке трюков. И да, прежде чем ты спросишь, она действительно меня научила кое-чему.

— Не знаю, о чем спросить сначала. Почему так долго? Или чему она тебя научила?

— Она научила меня прислушиваться к партнеру, доставить удовольствие девушке и это доставит удовольствие мне. А по второму вопросу... — я тру рот рукой. — После того, как мою сестру похитили, я стал больше узнавать про таких девушек и потерял к ним интерес.

— Но со мной, как будто... — и она замолкает.

— Я всегда хочу?

— Да, типа того.

— Не знаю, как объяснить. Ты будто переворачиваешь всё внутри меня, как никто до этого.

— Ты бы позволил мне связать тебя?

Слышу искреннее любопытство и хочу удовлетворить его, пока оно не превратилось в безудержное желание провалиться в фонтан по имени Дениэл.

— Да, но буду честен с тобой. Я могу выбраться из любой привязи, что ты соорудишь. Так что привязывание будет лишь иллюзией. Ты мне доверяешь?

Я задерживаю дыхание. Если это не сработает, она не отдастся мне полностью. Рэйган должна быть в состоянии принимать свои реакции. Девушка должна поверить, что со мной она в безопасности.

Рэйган смотрит вниз и молчит. Слышу только своё тяжелое дыхание, будто помехи на радиостанции.

— Не знаю, могу ли я тебе доверять, — говорит она, наконец. — В этом моя проблема. Не знаю, смогу ли, пока не попробую.

Мне кажется, Рэйган должна мне доверять. Она должна знать, что я не только доверяю ей, но и согласен на всё, что она сделает. Мне нужно полностью подчиниться ей и позволить сделать всё, что ей угодно. Я успокаиваю своё дыхание.

— Вот, тебе обещание: я никогда не буду злиться на то, что ты сделаешь или не сделаешь в спальне.

Прикусив губу, Рэйган проводит рукой по моему телу. И это более эротично, чем танцы на коленях.

— Не уверена, что именно хочу делать. Например, должна ли я снять одежду?

Да, пожалуйста. Но это её шоу.

— Всё, что пожелаешь.

Рэйган снова проводит пальцем под рубашкой и бросает на меня взгляд из-под ресниц, такой застенчивый и таинственный. Но я-то знаю, что в нём отсутствует уверенность. Я посылаю ей беспечную улыбку, будто всё, что она делает, не имеет значения. Как будто могу остановить это. Будто не умру, если она не положит на меня руку.

И я выдвигаю пару предложений:

— Ты могла бы поцеловать меня. Или могла бы позволить мне поцеловать твою киску. Или могла бы лечь на меня.

Или всё вышеперечисленное.

— Я немного намокла, — признаётся девушка.

Я тоже.

— Заберись наверх и позволь мне поцеловать тебя между ножек, там станет ещё лучше. Тебе бы это понравилось? Разве тебе бы не хотелось, чтобы мой язык слизал весь твой сок?

Невидимые путы на руках издеваются надо мной. Мне хочется перевернуть её, а затем зарыться пальцами и языком в её влажное влагалище. Но я пообещал ей, что не сдвинусь, пока она не разрешит.

Но всё ещё продолжаю говорить.

— А я думала, что я главная? — издевается она, но понимаю, ей сейчас комфортно.

— Ох, детка, у меня кончились идеи.

Рэйган стаскивает рубашку, закидывая на меня ногу и оседлав мой живот. Её влажные трусики трутся об мою обнаженную ногу. Я зарываюсь руками в матрас, борясь с желанием схватить её за задницу. Это стало намного сложнее, чем было раньше. Мой единственный выход — это рот, поэтому я отпускаю себя.

— О, да. Я чувствую тебя, сладкая. Чувствую, как ты заведена. Если бы ты поднялась немного выше, я бы положил одну из твоих грудей в свой рот. И посасывал бы твой сосок, пока он не затвердеет. Как думаешь, ты почувствуешь это между ног? Я не смог удержаться и вылизывал бы каждый миллиметр твоей кожи, как минимум дважды.

Рэйган проводит ладонями по моей груди и гладит меня ниже живота. Я никогда не прикидывался в спортзале, а работал, и это помогло мне выжить в миссиях. А теперь я рад, что у меня отточенное тело. Рэйган ласкает каждый выступ, заставляя всё внутри меня переворачиваться.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — умоляю я. — Ты убиваешь меня.

— Ты позволишь мне снова понаблюдать?

Я с нетерпением киваю. Рэйган кладет три пальца на мой рот, и я всасываю их, обрабатывая языком. Девушка вытаскивает пальцы, а я не хочу прерывать этот контакт.

Я слежу за её мокрыми пальцами, пока они не исчезают в её трусиках.

— Снимай свои трусики, сладкая. Дай мне посмотреть, как ты работаешь со своей киской.

У неё вздымается грудь, и Рэйган делает то, что я говорю. Она скользит вдоль моих ног, приподнимая попку, и стаскивает свои трусики. Я мельком успеваю увидеть её мягкие волосы и темную розовую плоть влагалища. И облизываю губы, чтобы запомнить, как она хороша на вкус. Мне нужно больше. Я хочу пировать на ней.

Затем девушка возвращает руку на мою грудь.

— Я слишком тяжела для тебя? — вздыхает она, пока трется об три пальца, которые я сосал, а теперь они мокрые от её собственного сока.

— Совсем нет.

Сейчас меня убивает не её небольшой вес, а неспособность прикоснуться к ней.

— Если ты поднимешься немного выше, я помогу тебе. Могу посасывать твой клитор, пока твои пальцы не заставят тебя кончить.

Девушка приостанавливает пальцы от моих слов, и, кусая губу, нерешительно смотрит на меня, а затем кивает. Приподнявшись на коленях, она придвигается вперед, а я двигаюсь вниз.

— Схвати изголовье одной рукой для устойчивости, — говорю я ей.

Рэйган делает это, но её киска всё ещё слишком высоко. Думаю, она боится сломать мне лицо или что-то в этом роде. Но если что и сломается, так это мой член, потому что он сейчас настолько твердый, что может надломиться даже от сильного ветра.

— Ниже, детка. Сядь на меня.

— Я не задушу тебя? — волнуется девушка.

Но она опускается, пока эта сочная киска не ложится прямо на мой рот.

— Ох, детка, если бы.

Я широко лижу её, начиная с пальцев у лобковой кости и заканчивая маленькой розеточкой в её попке.

— Охххххх, — выдыхает девушка.

— Твоя киска великолепна. Она похожа на прекрасный белый цветок. И каждый раз, проводя по нему языком, я нахожу ещё более вкусную складочку.

Я бы сказал ей больше, но мой язык слишком занят внутри неё, освобождая возбуждение. Обсасываю каждую губку, а затем её клитор. Слышу, как девушка тяжело дышит. Её учащённое дыхание показывает, как сильно она хочет этого. Но я знал бы это, даже не слыша его. Ведь свидетельство её возбуждения прямо передо мной – влажная ненасытная плоть. Я пронзаю её языком и ударяю им по клитору, пока Рэйган не обрушивается на меня, прижимая свои бедра к моим щекам. Она убирает руки от себя, чтобы схватить меня за волосы, и таким образом подтягивает меня ближе к своей киске. Мне нравится это. Нравится такое жёсткое прикосновение и немного насилия. Она так вошла в меня, что потеряла контроль и полностью отпустила себя.

Я бы раскроил любого, кто бы попытался встать между мной и Рэйган. Отныне я – единственный, кто услышит её крик, когда она кончит. Я единственный, кто попробует сок между её ножек. Единственный член, который принесет ей удовольствие, будет моим. С этого момента и до последнего моего вздоха.

Я поглощаю её, прижимаясь к её возбуждению и слушая звуки её приближающегося оргазма. Мне тяжело побороть желание прикоснуться к ней. Мой член пульсирует от желания, но обещание, данное ей, сковывает сильнее, чем путы. Я никогда не причиню ей вреда и никогда не нарушу своё обещание. Ни в этой жизни, ни в следующей.

Когда последняя волна оргазма стихает, девушка опадает на изголовье и медленно скользит вниз, пока не валится на меня сверху.

— Могу я поддержать тебя? — шепчу я ей в ухо.

— Пожалуйста, — говорит Рэйган.

И я обнимаю её так сильно, что она пищит.

— Прости, — я заставляю себя ослабить хватку, но не отпускаю её.

Глава 18

Рэйган

Дениэл медленно и успокаивающе гладит меня по спине. Я лежу, распластавшись на его ногах и прижимаясь грудью к его груди, а он тихо гладит меня по спине и не обращает внимания на пламенное прикосновение моей киски. Мы оба игнорируем это. Рано или поздно придется с этим что-то делать. Просто... не сейчас. Мне слишком хорошо, чтобы думать о чём-то ещё, кроме того, что только что произошло.

Мужчина вальсирует лёгкими прикосновениями пальцев по моему позвоночнику.

— Я сломал тебя? — спрашивает он, а в его голосе слышатся дразнящие нотки.

Я слегка посмеиваюсь, но он прав. Я просто ошеломлена. Впервые не могу найти слов, чтобы описать, как мне хорошо. Я сидела на лице у Дениэла, а он вел себя так, будто я преподнесла ему огромный подарок. Думаю о Майке, как я сотни раз делала ему минет, но не получила такого ни разу взамен. «Я не большой любитель кисок», — говорил он, жалуясь на болезнетворный запах. Несколько раз я просила его сделать больше, но он называл парней, любящих киски, лжецами и любителями тунца.

Я сажусь, и нахмурившись смотрю на Дениэла.

— Что? — спрашивает он.

— Тебе понравилось?

Мужчина сужает глаза и хмурится, будто не совсем понимает вопрос.

— Понравилось ли мне есть твою киску? А разве не очевидно?

— Просто ответь на вопрос.

— Я мог бы часами вылизывать твою киску и не устать от её вкуса, — говорит мне Дениэл, скользя пальцами по моей спине. — Мне нравится ощущать твой нектар на языке. Нравится, как ты дрожишь, когда я прикасаюсь к твоему клитору. Да. Да, чёрт возьми, мне понравилось!

Немного дрожу под его яростным взглядом.

— Прости. Думаю, это был глупый вопрос.

— Не глупый, — говорит он.

— Майк никогда... не...

— Можем мы не говорить о Майке, когда ты лежишь на мне? — Дениэл перестает гладить мою спину, и по замкнутому взгляду я понимаю, что причинила ему боль.

Мне нужно исправить ошибку, поэтому я сворачиваюсь на нем калачиком и кладу щеку ему на грудь.

— Прости. Просто с Майком был мой единственный реальный опыт. И теперь я начинаю понимать, что он был не очень хорош.

Дениэл отрывается от моей спины.

— Хорошо.

— У тебя когда-нибудь был плохой секс? — спрашиваю я его.

Я прекрасно чувствую себя, лежа на его груди, а его сосок всего в дюйме или двух от моего лица. Подняв палец, я начинаю обводить круги вокруг его соска. У Дениэла темные соски, и всего несколько волосков на груди, но мне это нравится. Моей щеке тепло и уютно.

— Да, чёрт возьми. У кого его не было?

Он снова начинает гладить пальцами мой позвоночник и через мгновение говорит:

— Однажды я ударил девушку – искательницу секса с героями. Она все время называла меня именем моего сержанта. Мы были слишком пьяны, чтобы придавать этому значения. Но это порядком повлияло на мой член. Никогда больше не прикасался к такому дерьму.

Бедный Дениэл.

— Потому что были задеты твои чувства?

— Нет, потому что сержант был чертовски отвратителен. Мужу было около семидесяти, и от него несло луком, а его зубные протезы делали его дыхание зловонным. Она оскорбила меня тем, что приняла меня за него.

Я хихикаю, представляя девушку, которая могла оскорбить этого потрясающе великолепного мужчину. Это кажется абсурдным.

— Возможно, она действительно была очень пьяна.

— Чёрт, надеюсь на это. У него ведь ещё брови были, как гусеницы, готовые сползти с лица вниз.

Теперь я смеюсь. Напряжение прошло. Кажется, он действительно возмущен.

Дениэл смеется подо мной, явно довольный моей реакцией.

— Чёрт, Рэйган, у тебя самый красивый смех. Думаю, мне нужно чаще его слышать, — и начинает ласкать пальцами мою щеку.

Вот, так просто. Мой смех утихает, и чувствую себя расслабленно и хорошо. А ещё я откровенно осознаю, что его член упирается в меня. Мужчина игнорирует этот факт, но очевидно хочет меня. Вдруг понимаю, что тоже его хочу. Мне хочется посмотреть, смогу

ли я заняться сексом с этим человеком без страха? Оральный секс с ним был потрясающим, но теперь я хочу большего. Насколько был бы хорош обычный секс с ним? Моя внезапно появившаяся смелость подсказывает мне, что безопаснее будет оседлать Дениэла, ведь так легче сбежать.

Но... меня волнует, какого было бы, если Дениэл был бы главным? Смогу ли я потерять свой холод, когда он схватит меня? Да и какая разница, если я буду слишком занята, получая лучшие в жизни оргазмы?

Хочу ли я попробовать? Я отрываю пальцы от его соска и передвигаю их к его губам, касаясь их кончиками.

Он резко выдыхает и тянется языком к моим пальцам. У него вырывается низкий стон изнутри.

— Я всё ещё могу чувствовать твой вкус на пальцах.

— Он тебе нравится? — мягко спрашиваю я.

— Он делает мой член тверже, чем камень.

Я отодвигаю бедра и раскачиваюсь над его эрекцией.

— Могу я спросить? — мой голос дрожит от волнения. — У тебя есть презервативы?

— Да.

Никаких пылких речей и никаких вопросов, уверена ли я. Просто информация. Он держит себя в руках. Почему-то это заставляет меня улыбаться. Дениэл всегда держит себя в руках. С ним и мне сложнее вырваться из-под контроля. Он получил меня. И мне это нравится.

Поэтому я сажусь и немного двигаюсь к нему, пока не добираюсь до его губ. Я целую его, потому что мне нравится целовать этого человека. Находясь сверху, я играю с ним своим ртом, он нежный и полностью под моим контролем. Я нависаю над ним, и Дениэл щёлкает языком по моему. Чувствовать это невероятно хорошо. Настолько хорошо, что мне хочется большего.

Я отстраняюсь от него и передвигаю руки к его плечам, стараясь вытащить его на меня. Но Дениэл сидит и смотрит на меня с осторожностью.

— Рэйган, ты уверена?

Я киваю.

— Продолжай целовать меня, хорошо? Я дам знать, если станет страшно.

— Хорошо, — мужчина переносит свой вес и прижимается грудью к моей груди, снова накрывая мой рот своим.

Чувствую мерцание старого страха в глубине моего сознания. У меня возникает желание начать пересчитывать фильмы ужасов. Но когда Дениэл прикасается к моему языку своим, удовольствие возвращается. Я издаю легкий протестующий стон, когда он отрывает свой рот от меня, но лишь переходит к легким поцелуям моего подбородка. И всё в порядке. Эти прикосновения такие нежные и любящие, что нет ничего похожего на те ужасные переживания, которые были у меня в прошлом.

— Ты так красива, Рэйган. Так чертовски красива, что это сводит меня с ума.

Он скользит руками по моему телу, лаская меня, и пытается коленом раздвинуть мои ноги. Его движения медленные и легкие, четко продуманные, чтобы не напугать меня, и я ценю эту вдумчивость. Похоже, он знает, для меня это очень важный момент, и отсюда есть два пути. Либо секс испугает меня навсегда, либо я излечусь от своей травмы.

Я хочу двигаться дальше. Хочу двигаться с ним. Откинув голову, я обнажаю шею, чтобы он мог переместить туда свои губы. Дениэл царапает зубами участки моей чувствительной кожи. Я задыхаюсь, когда он защелкивает рот на мочке моего уха, а затем слегка посасывает её. Из моего горла вырывается стон. Соски болят, а уши очень чувствительные.

— Тебе нравится? — бормочет он, когда я цепляюсь за него. — Хочешь, чтобы мой язык скользил по твоему милому ушку, как только что по твоей киске?

У Дениэла грязный язык, и это настолько безумно, насколько же и эротично. Почему-то то, как он рассказывает, что хочет сделать со мной, имеет почти такой же возбуждающий эффект, как и сами его действия. Я цепляюсь за него, зарываясь руками в его волосы, когда мужчина проделывает с мочкой моего уха те же трюки, что и с клитором. Это сводит меня с ума, как и его.

— Могу я прикоснуться к твоей груди, Рэйган?

Он скользит одной рукой по моей спине, пока продолжает играть с мочкой моего уха.

— Я не буду, если ты не хочешь меня.

Но я хочу его. Достаточно того, что он спросил. Достаточно, что он продолжает кусать и сосать мочку моего уха, напоминая, что делаю себе хорошо, а не предаю себя. Я прикладываю его свободную руку к своей груди, молча поддерживая его.

От удовольствия он стонет мне в ухо:

— У тебя самые сладкие сосиски, Рэйган. Держу пари, они хорошо будут смотреться у меня во рту. Бьюсь об заклад эти сосиски такие же сочные, как и твоя киска. Так ведь?

Я хныкаю и киваю, постанывая в ответ. Неожиданные ласки Дениэла напомнили мне времена, когда мы с Майком только начали встречаться, тогда прелюдия была забавной и долгой. А потом она уже превратилась в тридцать секунд зажиманий, пока Майк решит, что хочет секса. Тогда было так.

А сейчас мне нравится это. Мне нравится, как Дениэл скользит ртом к моему соску, а я кричу его имя:

— О, Боже, Дениэл.

— Правильно, девочка-боец, — бормочет он у моей груди. — Это всё делает Дениэл. Дениэл любит твоё тело. Я хочу его всё поглотить.

Он покусывает мои соски, словно дразнит меня.

— Ты хочешь этого?

— Да, — стону я, хватаясь за него.

Дениэл возвращает свое внимание к моей шее и уху. Это почти так же хорошо, как когда он совал язык в мою киску. Он щедро одаривает меня ласками, глядя пальцами мою кожу, и дразнит меня, кусая мой разгоряченный сосок жадными зубами. Когда я уже думаю, что больше не могу это выносить, мужчина передвигается ко второй моей груди, где продолжает игру со вторым изнывающим соском.

К тому времени, как он возвращается, чтобы снова поцеловать меня, я задыхаюсь от желания с его именем на губах и раскачиваю бёдрами взад-вперед.

— Презерватив, — шепчу я.

— Сейчас вернусь.

Но перед этим Дениэл целует меня так долго и сильно, что я уже готова забыть о презервативе и позволить ему проникнуть в меня так. Но мужчина вскакивает с кровати и бежит по комнате к своим штанам. Я приподнимаюсь на локтях, наблюдая, как он вынимает кошелек и вытаскивает из него презерватив, проверяя его срок годности.

— Уф, успели.

Почему-то мне кажется забавным то, что такой сексуальный и опасный человек, как Дениэл, носит в кошельке презерватив с истекающим сроком годности. Я подавляю смех, но он всё равно его слышит.

— Это не то, что хочет услышать парень в такой момент, милая, — говорит Дениэл, вскрывая упаковку.

— Прости, — говорю я, безуспешно пытаюсь заглушить смех.

Уж Дениэл-то точно не страдает от низкой самооценки.

Он разглаживает презерватив по всей длине, осторожно возвращаясь к кровати медленными, но настойчивыми движениями, снова наклоняется и целует меня.

Я горячо отвечаю на поцелуй, и вскоре мы так увлекаемся, что почти забываем про секс. За исключением ощущения его горячего члена на моем бедре и боли внутри меня.

Через мгновение Дениэл разворачивает меня, расставляя мои ноги, будто в знак приветствия. Придавливая меня своим весом, он целует меня и прижимается к моим бедрам. Он целует и целует меня, но всё в порядке, несмотря ни на что.

— Ты можешь отступить, девочка-боец, — бормочет он в мои губы.

— Нет, всё хорошо, я обещаю.

Я хочу этого.

Дениэл дарит мне легкий поцелуй, а затем его член давит на вход моего лона. Дениэл вытягивается, а я выдыхаю. Куча воспоминаний и неприятные лица выплескиваются на первый план. Вот, дерьмо. Дерьмо.

Но затем он наклоняется и снова целует меня, гладя руками мои волосы. Он шепчет мне на ухо нежные и грязные вещи, что я понимаю, это Дениэл. Мое тело расслабляется под ним, что я начинаю медленно и нерешительно отвечать на поцелуи.

Чувствую, как дрожит его тело от самоконтроля, как напряжены его мускулы от того, что он нависает надо мной. Он ничего не сделает, пока не станет ясно, что со мной всё в порядке. Я глажу пальцами его щеку, плечо, руку, сообщая, что всё хорошо. Я в порядке.

— Всё в порядке, Дениэл, — шепчу я, когда мужчина все еще не шевелится.

Но он только наклоняется к моей шее, снова целуя и посасывая мочку уха, и выделяет все эти восхитительные вещи на таком маленьком пространстве. Я снова начинаю стонать и извиваться под ним. На его коже выступает пот, а мой нос заполняет его восхитительный запах. Это Дениэл. Везде Дениэл.

Он слегка прикусывает мочку моего уха, и я постанываю, чувствуя пульсирующее желание моего лона. Он немного передвигается, а его член движется внутри меня. И это тоже было хорошо. Я приподнимаю бедра, показывая ему, что хочу большего.

И он дает мне больше. Мужчина медленно и настойчиво раскачивает бедрами, даря мне блаженство. А я обнимаю его за шею, пока он продолжает лизать и сосать мочку моего уха. Вскоре я уже постанываю под его натиском, отчаянно цепляясь за Дениэла. У меня всё тело пульсирует, а груди болят от желания, но толчки Дениэла похожи на метроном - медленные, устойчивые, ровные. Если бы он ускорился, я была бы ближе к оргазму.

Но он не меняется. Даже когда я умоляю и дико трясусь под ним от возрастающей потребности во мне. И всё же Дениэл продолжает медленные настойчивые толчки внутри меня, целуя мое ухо и нашепывая в него все грязные вещи, которые он хочет сделать со мной.

— У тебя когда-нибудь был оргазм с членом внутри, Рэйган? Доводил ли тебя кто-нибудь до такого состояния, что ты практически засасывала член внутрь себя?

Он шепчет мне на ухо, касаясь его кончиком языка.

Я дрожу от желания, а в ответ вырывается лишь стон, смешанный с его именем.

— Думаю, нет, — бормочет он. — И думаю, что это позор. Я доведу тебя до такого состояния, когда ты сожмешь мой член внутри так сильно, что я увижу звезды, моя девочка-боец.

Он что готов кончить? Это намек, чтобы я поторопилась и получила оргазм? Я могла предугадывать Майка, но Дениэл мне неизвестен. Тем не менее, я покорно сдерживаю дыхание и сжимаю мышцы внутри себя, разыгрывая представление, чтобы он мог кончить.

— Ох-ох, — говорит он, — мне нужна настоящая реакция.

Мое удовольствие внезапно пропадает.

— Дениэл, я не знаю...

— Я знаю, — говорит мужчина, двигая бедрами из стороны в сторону.

Он находит пальцами мой клитор, кладет свой большой палец на него и не убирает, продолжая двигаться.

Мое тело с силой сжимается, и я поражаюсь удовольствию, накрывшему меня. Я задыхаюсь, а глаза широко распахиваются. Чувства, которые он вызывает во мне сейчас, настолько сильны, что почти пугают меня.

— Дениэл...

— Тихо, девочка-боец, — бормочет он, начиная медленные настойчивые движения, и подыгрывает пальцем на клиторе каждому толчку.

Я больше не могу сидеть, сложа руки, и просто наслаждаться поездкой. Схожу с ума под ним. Я двигаю бедрами, чтобы усилить каждый его толчок и удар по клитору. Наши тела с силой бьются друг о друга.

Я в неистовстве, и мягкие стоны выскальзывают из моего горла, когда приближаюсь к концу. Этого слишком много, но я не хочу, чтобы это заканчивалось. Схватившись за Дениэла, я задыхаюсь с его именем и ногтями царапаю его плечи.

— Именно так, Рэйган, дорогая. Сладкая, чёртова девочка-боец, куколка. Кончи для меня, — его голос — это рычание желания, а толчки становятся более грубыми, но мерный медленный темп не меняется.

Я пытаюсь оттолкнуть его руку от своего клитора, потому что ощущений становится слишком много, но он не позволяет мне сделать этого. Он знает, что я почти на грани, и когда кончу, это будет жёстко. Я немного боюсь этого. Мои стоны становятся пугающими.

— Тихо, Рэйган, ты моя, — говорит он, глубоко входя в меня. — Я здесь, и ты моя.

И с рыданиями я кончаю. Мой оргазм такой сильный, что я и правда вижу звезды. Кажется, каждая мышца в моем теле вытягивается в линию и взрывается. Мое дыхание прекращается с последним вскриком. Чувствую, как моя киска сжимается вокруг Дениэла, повторяя сокращения всех мышц, когда я продолжаю кончать и кончать. Дениэл что-то говорит мне на ухо, а его движения грубые, и я понимаю, что он тоже вот-вот кончит.

Он кончает, оставаясь внутри меня.

Когда я снова могу дышать, Дениэл падает на меня и подсакивает, будто обжегся. Через секунду он переворачивается, затаскивая мое ослабленное тело на себя, и снова гладит меня по спине.

— Прости. Я не хотел тебя напугать.

— Я... я в порядке, — говорю я, с ужасом понимая, что плачу.

Плачу. Не знаю, было ли это последствием моего освобождения благодаря Дениэлу, но я плачу и мне хорошо.

— В самом деле. Я не знаю, почему плачу.

Мужчина похлопывает меня по плечу.

— Потому что это было так плохо? Ты можешь сказать мне прямо. Я знаю, что немного заржавел.

Почему-то это заставляет меня захихикать сквозь слезы.

— Нет, это было отлично, — говорю я сквозь слезы. — Спасибо. Думаю, мне стало легче.

Я набираю воздуха в лёгкие.

Знаю, почему я плачу.

Я плачу, потому что влюбилась в Дениэла, чего абсолютно точно не должно быть.

Глава 19

Дениэл

После секса плачущая Рэйган так же хороша, как и палка в заднице. Я неловко глажу её одной рукой, а второй снимаю презерватив, завязываю и бросаю в урну. Восстановив в памяти картину произошедшего, пытаюсь понять, был ли момент, когда я заставил её продолжать. Кажется, ей понравилось. Её киска так сильно сжала мой член, что думал, он сломается, но был чертовски счастлив. Ради собственного здравомыслия я соглашаюсь, что её слезы — это облегчение. Погладив её спину, я наслаждаюсь ощущением её мягкого тела, распластанного на мне. Электрические разряды всё ещё облизывают мой позвоночник. Одного раза мне явно недостаточно. Я хочу трахать её, пока в наших телах не останется никаких эмоций, чувств и жидкостей. Хочу, чтобы мы трахались так долго и сильно, и всё, что мы могли делать после — это таять в постели, как два бесформенных существа, истощенных сексом. Окружающий мир может хоть в ад попасть, пока я буду лежать здесь внутри неё.

Месяцами я носился, заглядывая в каждую дыру в Европе, Азии и Америке. Но всё, чего я хотел сейчас — это обнимать Рэйган. Ну, хорошо, обнимать и трахать, но с большим смыслом. Мне будет трудно отпустить её, ведь за то короткое время, которое мы провели вместе, я понимаю, она подходит мне лучше, чем кто бы то ни было. Её не возмущает моя хитрожопость, даже более того, мы друг другу равны. Она всё сильнее, но не замедляет меня. Плюс, она горяча, как солнце в пустыне.

— Тебе нужно переехать в Техас, — ляпаю я, потому что моим ртом все еще управляет маленькая головка между ног.

Внезапно, и мне хочется пролить несколько слез. Как же я не додумался купить несколько презервативов в аптеке? Черт, а можно заклеить мой член медицинским клеем? Нет, конечно, я бы разбил его, как грецкий орех, своей спермой.

— Да? — спрашивает девушка, вытирая влагу на щеках.

— Да, — продолжаю я, раз уж озвучил эту идею.

Я легко могу представить Рэйган на ранчо в одной из моих старых рубашек с подвернутыми рукавами и завязанную узлом под грудью, как у болельщиц Далласских Ковбоев. Её гладкий обнаженный живот ласкает солнце, а узкие джинсы плотно сидят на бедрах. Мы выехали бы в поле и наблюдали, как солнце опускается все ниже за горизонт,

пока звезды и глубокая ночь не захватят нас. А затем я расстелил бы огромное одеяло, и мы стали бы любоваться шалфеем, растущим в поле.

— Ты могла бы научиться ездить верхом, а моя мама готовит сладкий чай и тушеное мясо в горшочках. После обеда мы спустились бы к пруду и слушали, как сверчки рассказывают другу другу секреты. А потом ночью я отвел бы тебя в каюту старого мастера и доставлял бы удовольствие, пока солнце не встанет.

— Звучит прекрасно, — и она прижимает голову к моему подбородку. — Возможно, ты мог бы переехать в Миннеаполис. Там холодно, как в Арктике, но нет миленьких пингвинов.

— Звучит неотразимо.

«Но там есть ты», — думаю я. А это всё, что мне нужно.

— Твой член пытается пробиться в неправильное место, — Рэйган поглаживает себя по попе, будто ей это не очень нравится.

— Ничем не могу помочь. Ты голая лежишь на мне. У нас был умопомрачительный секс, а мой член ни резиновый. Он знает, что для него есть узкое горячее мокрое место.

Я слегка двигаю членом по её мокрой промежности, и мы оба стонем.

— Просто игнорируй это.

Двумя руками я обхватываю её задницу и раздвигаю большими пальцами половые губы, чтобы её сочная киска скользила по жесткому гребню моего члена.

— Игнорировать что? — выдыхает Рэйган, но в её глазах нет слез, а только растущая дымка похоти.

— Ничего, боец. Это не мой член трется об твою киску прямо сейчас так, что через минутку ты намокнешь. И это не я держу твою сладкую, как яблочко, попку в руках.

Упираясь пятками в матрац, я наклоняю бедра так, чтобы головка моего члена скользила по её киске.

— О, дорогая, — постанываю я, впиваясь пальцами в её плоть ещё сильнее и открывая ещё больше.

Знаю, как это неправильно, но я не в состоянии остановиться и аккуратно вхожу в неё. И каждый раз мой член погружается всё глубже в её горячее лоно.

— Ты играла в «Я никогда»? — спрашиваю я. — Потому что я никогда не чувствовал себя так хорошо, как в твоей узкой маленькой киске.

Рэйган тяжело дышит.

— Это невероятно. Клянусь, я чувствую каждую жилку и выступ на твоём члене. Ты кажешься огромным.

Её слова заставляют раздуться мой член ещё сильнее, чем когда бы то ни было.

— У меня нет чёртова презерватива, — проклинаю я себя.

Девушка не поднимается, и я не могу заставить себя сдвинуться. Более того, она с силой сжимает меня, из-за чего мой член кажется переполненным грузовиком со спермой.

— Знаю, это звучит глупо, но клянусь, что здоров. Нас регулярно проверяли в армии.

И после проверки в клинике мы знаем, что она чиста.

Рэйган кивает, сжимая меня снова, вдыхает и сексуально выдыхает:

— Да.

Одним толчком пронзаю Рэйган, и она издает низкий стон, разворачиваясь ко мне лицом, а я трахаю её языком и членом. Девушка жадно отвечает мне. На этот раз наши движения безумны, как у сумасшедших. Тела бьются друг о друга, будто в гонке, кто кого первый сведет с ума. Она впивается руками в мои плечи, и эта боль — сигнал того, как сильно я нуждаюсь в ней.

Я влетаю в неё длинными жесткими ударами и немного приподнимаю.

— Сильнее, трахни меня сильнее, Дениэл, — стонет она мне в рот.

Эта мысль или мольба прорывается сквозь туман моего мозга. Перевернув её на спину, я расставляю ноги так, чтобы её задница была повыше. В следующие движения я вкладываю всего себя и долблю её, пока она пятками стучит в мои плечи, а её ногти впиваются в мои бедра. Она помечает меня, и это пугает мое подсознание, но нравится мне.

— Ты сейчас так сексуальна и красива, — говорю я ей. — Твоя киска поглощает меня, словно голодный цветок.

Напряжение перед оргазмом собирается у моего позвоночника, и я готов излиться в неё.

— Ты кончишь со мной, Рэйган? — рычу я на неё. — Кончай со мной.

Я перекидываю руку через её ногу, чтобы дотянуться до клитора. Мне нужно, чтобы она поделила со мной этот момент. Я ловлю пальцами её клитор, дразня и поглаживая его, совместно с быстрыми и жесткими толчками. Сейчас девушка явно плачет от удовольствия, покачивая головой взад-вперёд на кровати, пока оргазм не догоняет её, заставляя выгнуться на постели. Эта кульминация сжимает мой член в её киске сверхчеловеческой хваткой. Я вытаскиваю из неё член, и струи спермы вылетают на её живот и грудь. Мне кажется, прошли часы, прежде чем красный горячий туман желания отпустил мой разум. Понимаю, она покрыта мной, и полосы молочно-белой

спермы на её раскрасневшейся плоти, как абстрактная живопись. Чувствую себя художником намного круче, чем Пикассо.

Я не могу перестать размазывать сперму по её бедрам, груди и животу.

— Ты хорошо выглядишь с моей спермой на тебе.

Рэйган едва хватает сил, чтобы показать мне язык, и она фыркает. Повернув лицо к матрасу, девушка пытается отдышаться. Я падаю рядом с ней и всё ещё растираю то, что попало на её кожу.

— Ты животное, — шепчет она, но это не оскорбление, а правдивое наблюдение.

— Несомненно, боец, — и приближаю её к себе.

Этот поцелуй вялый, а не яростная встреча губ, зубов и языка. Её губы мягкие, как лепестки, а вкус похож на дом, слаще, чем чай и жаркое моей мамы. Я мог бы жить только ради этого вкуса.

Стук в дверь прерывает наше занятие.

— Игнорируй, — говорю я, ведь я больше заинтересован в том, чтобы язык Рэйган был в моем рту, чем еда оказалась в моем животе.

Скорее всего, это обслуживание в номер, хотя я не помню, чтобы что-то заказывал. Внезапно появляется мысль, и я резко сажусь. Никто не должен знать, что мы здесь. Вскочив с постели, я хватаю пистолет с тумбочки.

— Слезай с кровати, — приказываю я тихим голосом.

Рэйган кивает и сползает с кровати, сначала схватив второй пистолет.

— Не стреляй в меня, — говорю я с усмешкой, пытаюсь смягчить ситуацию.

Я встаю рядом с дверью спиной к стене и кричу настойчивому посетителю:

— Нам не нужна помощь.

— Открой дверь, — командует низкий голос по-русски.

Ох, черт. Василий Петрович. Только этого мне сейчас не хватало.

— Придержи коней.

Понятия не имею, переводится ли эта западная идиома, но думаю, он понял мое сообщение.

Я прохожу сквозь комнату и присаживаюсь рядом с Рэйган, которая стоит на коленях возле кровати, сжимая пистолет обеими руками.

— На каком языке вы разговаривали? — девушка смотрит на меня с подозрением.

Я кладу руку на её щеку и ищу правильные слова, чтобы всё объяснить. Но прежде чем я успеваю что-то сказать, дверь выбивается ногой.

Подняв пистолет, Рэйган снимает предохранитель и дважды стреляет.

— Ублюдок! — кричит Петрович, ныряя в сторону.

Я выбиваю из рук Рэйган пистолет и вдруг понимаю, что мы голые, а она, скорее всего, ещё и липкая моими стараниями.

— Чёрт!

Подхватываю Рэйган с пола и толкаю в ванную. В душе я включаю горячую воду и сажусь на унитаз. Её тело дрожит, не от желания, а от страха. Но она не плачет.

— Тот мужчина...

Дрожащей рукой она указывает в сторону Петровича, чьи стоны, наконец, прекращаются.

— Должно быть, ты его подстрелила, боец.

Я пытаюсь затащить её в душ, но она упирается всеми конечностями. Это как бороться с осьминогом. Я толкаю её в кабину, а она высовывается обратно.

— У нас нет времени на душ, — кричит она на меня. — Мы должны уходить прямо сейчас.

Затем её накрывает понимание.

Не знаю, слезы или капли воды на ней, но выражение её лица меня убивает.

— Ты его знаешь, — говорит она мертвым голосом без интонаций.

— Дай мне объяснить.

Рэйган отступает назад, пока не ударяется о кафельную плитку на стене, и трясёт головой из стороны в сторону, будто сможет усилием воли выкинуть это знание из головы.

— Нет. Нет, ты один из них.

Её тело натянуто, как стрела, похоже, она собирается что-то предпринять.

— Я позволила тебе прикоснуться ко мне. Я тебе доверяла.

Последние слова она выкрикивает в меня. Но не от громкости я вздрагиваю, а от тонко перемолотой боли, лежащей в основе каждого звука.

— Рэйган, пожалуйста, — я встаю на колени, не обращая внимания на льющуюся через дверь воду. — Я знаком с ним, потому что он был моим руководителем. Он послал меня к тебе. Чтобы спасти. Честно.

— Откуда мне знать, что ты не часть этой цепи? Ты тоже продашь меня?

— Нет!

Я подхожу ближе, но она вытягивает руки, будто я — дьявол, пытающийся украсть ее душу.

— Я Дениэл Хейз. Бывший солдат из Техаса. Мою сестру похитители. Я не врал тебе. Ни разу, клянусь, — и поднимаю руки в воздух.

Следующие её слова убивают меня:

— Он продал меня.

Моё сердце останавливается. Я наклоняюсь и целую её ноги.

— Прости, боец. Мне очень жаль.

Я прикасаюсь лицом холодной кафельной плитки и обхватываю руками её ноги, ожидая, когда она простит меня. Мне нужно, чтобы она простила меня.

— Где второй парень? — её так сильно трясет от ярости, что она не может стоять, а медленно скользит по стене, пока не садится.

У неё низкий и суровый голос:

— Он изнасиловал меня, прежде чем передал им.

— Я убил его. Сломал ему шею и оставил лежать за бензоколонкой. Но должен был сделать это более болезненно, когда знаю это.

Я подползаю к ней. Горячая вода из душа, достигая наших ног, становится почти прохладной. Девушка слегка расслабляется, когда слышит, что Юрий мертв. Этот ужасный хрупкий взгляд в воду разбивает моё сердце.

Глядя в сторону нашей комнаты, она с недоверием спрашивает:

— Ты действительно дружишь с ним?

— С кем? С Ником?

— Нет, с продавцом рабынь.

— Я знаю его. Познакомился с ним несколько месяцев назад. Хотя знал о нем намного дольше, — и я всё ей рассказываю. — Я искал свою сестру, поэтому связывался с ребятами, которые зарабатывают деньги тем, что убивают плохих парней.

— Наёмные убийцы?

— Киллеры. Наемники. Мне нужно было найти Наоми. Я начал следить за людьми. Старался с ними общаться, если чувствовал, что могу им доверять. Ник был одним из таких парней. Он был очень внимателен к работе, которую выполнял. Изучал цели и был хорош в этом, поэтому, наверное, я к нему потянулся. Когда вас с Дэйзи похитили, я понял, что этой мой шанс укрепить наши отношения.

Она меня слушает, что кажется хорошим знаком.

— Банда Петровича – мощная мафиозная организация, но руководитель зарывал её в землю. Тогда Василий Петрович обратился ко мне. Сказал, поможет нам, если мы убьем главу мафии так, чтобы это убийство никто не связал с ним. Ник, Дэйзи и я позаботились

о Сергее Петровиче. Василий дал мне информацию, что в Рио часто ввозят блондинок из России. Я подумал, может и Наоми тоже здесь. Остальное ты знаешь.

Я потираю голову рукой.

— Что он здесь делает?

— У него здесь есть свой интерес,— мне и самому страшно от этого, но думаю, Рэйган достаточно откровенный.

— Я не хочу быть рядом с ним, — в её эмоциях страх сменяется неизбежностью.

— Хорошо. Я отведу его на пляж и выясню, чего он хочет.

Она кивает.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

В ответ ничего, кроме тишины, а затем Рэйган скользит рукой по моей:

— Я не могу вернуться обратно.

Я встаю на колени:

— Клянусь жизнью моей сестры, тебе больше никто не причинит вред. Даже, если мне придется расстрелять весь южный берег, чтобы ты была в безопасности. Ты никогда не вернешься обратно.

Нижняя губа Рэйган дрожит. Она прикусывает её от эмоций, повторяет мою позу и обвивает меня своими маленькими ручками вокруг шеи:

— Я верю тебе, Дениэл.

Мне хочется поцеловать её, но понимаю, как это будет глупо с моей стороны в этот момент, а вместо этого сжимаю её руку. Поднимаюсь на ноги и предлагаю ей принять душ:

— Я принесу тебе одежду.

Обернув полотенце вокруг талии, я оставляю Рэйган помыться.

В комнате я обнаруживаю Василия, который сидит на диване и оборачивает кусок белой ткани вокруг своей руки.

— Она в порядке?

Мужчина кивает подбородком в сторону душа. Я подхожу к сумкам за одеждой.

— Нет, благодаря тебе.

Я не осознавал, что Василий был непосредственно вовлечен в её продажу, хотя и знал, что он её похитил. Ему приходилось поддерживать схему продажи в угоду своему дяде. Его цели оправдывают средства, хоть и заставляют меня желать выстрелить ему в лицо. Встряхнувшись, я возвращаюсь в ванную. Рэйган вытирается, а я стараюсь не

смотреть на неё. Но ванная слишком мала, чтобы не замечать деталей её безупречного тела. Мое же тело предсказуемо реагирует на это, и полотенце приподнимается.

— Прости, — бормочу я.

— Я восприму это, как комплимент, — вздыхает она. — Мой измеритель оскорблений устал. Я устала.

Мы поспешно одеваемся, игнорируя то, что я испытываю.

Рэйган выводит нас из ванной, но не перестает часто дышать. Василий снимает рубашку и ремень, кладет их на кровать и встает на колени с руками за головой.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Возмездие, — Василий даже не оборачивается и почти не шевелится.

— Он хочет, чтобы ты ударила его ремнем, — прихожу я на помощь.

— Он думает, что избив его, я наверстаю упущенное? — кричит она.

— Моя догадка.

Рэйган обходит кровать и берет ремень. Мы ждем. Она пропускает ремень через пальцы и играет концом пряжки в руке, возможно, проверяя её силу.

— Обмотай маленький конец вокруг своей руки и бей, — объясняет Василий.

Это нереально. Василий дает указания Рэйган о том, как лучше избить его. Оглянувшись, я замечаю диван и направляюсь к нему. Вся эта сцена, будто из дурной драмы. Рэйган выполняет его инструкции, наматывая мягкий конец на свою руку, и несколько раз поднимает ремень в воздух. Кажется, я вздрагиваю, а Василий нет. Она откидывает руку назад и выгибает вперед. Слышим свист ремня, летящего по воздуху. Василий не двигается ни на дюйм, а пряжка не достигает своей цели. Рэйган бросает ремень на кровать.

— Живи с этим, — выплевывает она. — Я не освобожу тебя от вины.

— Тебя не должны были продавать, — говорит Василий. — Ты должна была сидеть в безопасности, пока Дениэл не придет за тобой, но... — он делает паузу. — Что-то пошло не так. Кто-то, кому я доверял, предал меня.

Услышать это было слишком для Рэйган. Она падает на диван рядом со мной.

Глава 20

Рэйган

Я снова вернулась из чистейшего счастья в полнейший ад. Дениэл, замечательный удивительный Дениэл, мой спаситель из борделя, в которого я почти влюбилась, работает с одним из тех, кто меня продал.

Дениэл велел доверять ему. Я доверяю. Но это тяжело. Каждый раз, увидев нового мужчину, я вижу свою квартиру, вспоминаю, как меня связывают и вставляют кляп, чтобы я не могла кричать. Вижу лицо Юрия, когда он хрюкает и потеет надо мной.

Но Дениэл убил Юрия. Хотя бы так.

А теперь, вот это.

Я смотрю в лицо большому блондину. Он ждет. Все еще стоит на коленях и смотрит прямо на меня. Похоже, он ждет, что я передумаю и скажу «да» его избиению. Будто я возьму ремень, и внезапно мастерски расправлюсь с ним.

Ждет, что я опущусь до их уровня.

Но я не сделаю этого.

— Значит, меня не должны были продать? — мой голос кажется монотонным даже мне. — Это просто чертова ошибка, не так ли?

Дениэл проводит рукой по моей щеке.

— Ты в порядке?

Инстинкты подсказывают мне оттолкнуть его руку, чтобы защитить себя. Но впервые за долгое время я игнорирую их и наклоняюсь к нему. Если я не могу доверять Дениэлу, то у меня вообще ничего нет.

— Я в порядке.

— Тебе необходима компенсация, — говорит блондин, прерывая нас.

Я смотрю на него, но он не двигается. Выражение его лица жестче и тверже, чем я когда-либо видела у Дениэла, оно бесстрастно. Он все еще ждет.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Меня зовут Василий Петрович из банды Петровича, — хрипит он.

Его голос самый глубокий из всех, который я когда-либо слышала. А акцент хоть и слабый, но такой знакомый и такой ненавистный.

— Ну, Василий...

Я раздумываю мгновение и смотрю на Дениэла. Ему неудобно наблюдать эту сцену.

— Я прощаю тебя.

Огромный русский каменеет:

— Ты не можешь простить меня без возмездия.

— Могу, — говорю я в протест его желаниям. — Я прощаю тебя. Проехали.

Конечно, на самом деле, я не прощаю, но для него это будет большим уроком, чем избиение ремнем. Думаю, боль значит для него больше, чем милосердие. Но не в этом случае. Я задумываюсь об этом, но не чувствую себя виноватой.

Василий не двигается.

Поднявшись со своего места, я становлюсь перед огромным пугающим русским, все еще стоящим на коленях в ожидании побоев, которых никогда не дождется, и касаюсь рукой его лица:

— Встряхнись? Мы можем начать новую жизнь.

Мужчина отшатывается от моей руки, удивляя меня.

Дениэл подходит и отталкивает меня. Возможно, он догадывается о моей игре и не одобряет. Я не виню его. Это всё равно, что дразнить раненного медведя.

— Василий не подлиза, — говорит он мне. — Он не любит, когда его трогают.

— Ох, — я принимаю этот факт. — Хорошо, — послушно говорю я, но не забуду этой ценной, как самородок, информации.

Дениэл подходит к кровати и берет пистолет, проверив магазин, и вооружается снова. Он бросает быстрый взгляд на Василия, который не двигается, и раздражение отражается на его лице.

— Вставай, мужик, — говорит он Василию. — Ты выводишь меня из себя. Рэйган не хочет тебя бить.

Василий выглядит недовольным, что доставляет мне радость. Он медленно поднимается, набирая свою высоту. Дениэл высокий, но этот человек просто гигант. Я забыла, какой он большой и страшный. И он хотел, чтобы я его била? Станный человек. Я приближаюсь к Дениэлу, чтобы взять свое оружие, но Дениэл уводит его из зоны досягаемости, прежде чем я успеваю его схватить. Он только приподнимает бровь, словно спрашивая, в кого я намерена стрелять.

Закатив глаза, я хватаю его за руку и вытаскиваю пистолет.

— Я больше не буду стрелять, — бормочу я, поправляя предохранитель и засовывая пистолет за пояс.

Глушитель, прикрепленный к стволу, прилипает к моему бедру, но мне всё равно.

Василий смотрит на меня и берет ремень. Он расправляет его и начинает медленно просовывать в петли.

— Грёбанный урод, — говорит ему Дениэл, но его голос легкий и почти ласковый.

— Надевай свою чёртову рубашку и расскажи мне, как ты нас нашел.

— За тобой был хвост, как только я узнал, что ты не сдал девушку в посольство, — говорит Василий.

Пока он продевает ремень в петли, его плечи крутятся, и я понимаю то, что должна была увидеть давно. Вся спина Василия эта череда длинных шрамов.

Мои удары не были бы его первым избиением, и, судя по всему, не были бы последними. Теперь понятно.

— Хвост? Ну, спасибо, блин, за доверие.

— Сейчас я никому не доверяю, — говорит Василий по-английски с глубоким акцентом. — Моя собственная банда прогнила изнутри. Лучший наемник, которого я знаю, теперь живет в штатах с женщиной. Мне пришлось убить дядю, потому что ему нельзя было доверять. Так что товарищ, в данный момент я никому не доверяю.

Дениэл фыркает и меняет магазин в одном из своих пистолетов.

— Принято. Вот именно сейчас надо было появиться? — он выглядит недовольным. — Мы с Рэйган были заняты.

— Это очевидно, — говорит Василий своим холодным глубоким голосом, а затем он лает что-то по-русски, чего я не понимаю.

— Черт, — говорит Дениэл, напрягаясь под моими руками. — И говори по-английски. Это чертовски грубо.

Глаза Василия леденеют. Он переводит взгляд на меня и возвращается к Дениэлу, как будто я не существую.

— Ты должен отправить её обратно Нику.

— Не должен.

— Мой план не подразумевает таскаться с женщиной.

— Измени его.

Василий становится настолько зловещим, что я начинаю волноваться.

— Ты подвергнешь её опасности из-за простого траха, товарищ?

Теперь он ударяет ниже пояса. Дениэл практически вибрирует от напряжения. Я догадываюсь, Василий намеренно ведет себя, как козел, чтобы попытаться пробить

Дениэла. Или он действительно козел. В любом случае, это болезненное место Дениэла. Я жду, пока он выговорит мне, что сама не иду в посольство, чтобы возложить вину на меня.

— Она остается, так что придумай что-то.

Он садится на край кровати и тащит меня к себе.

Я наклоняюсь и прижимаюсь лицом к груди Дениэла. Обнимая его, чувствую себя сильной и самодовольной, а не исключенной. Он на моей стороне. Возможно, он мог бы продать меня Василию, которого, видимо, знает, и с которым работал какое-то время. Но он защищает мои секреты.

От этого мне хочется накинуться на него и трахать снова и снова. Забавно, что такой верный защитник, еще и афродизиак.

Василий смотрит на меня с таким отвращением, что я снова чувствую себя грязной. Он что думает, я не достаточно хороша для Дениэла? Потому что я грязная шлюха?

Я жду, что он что-то скажет, но мужчина натягивает майку через голову. Его огромные мышцы прячутся. Он берет свою рубашку и аккуратно застегивает.

— И что же такое важное не могло подождать пару часов? — интересуется Дениэл.

— Я поручил кое-кому поехать в Рио и взять хакера Хадсона. Он согласился. А теперь вижу, девчонка Ника спасена, а моего хакера нигде нет.

Лицо Василия похоже на камень.

— И ты удивляешься, почему я не доверяю.

— Отцепись, мужик. Я работаю над этим. Последние пару дней мы были заняты, в нас стреляли. С Рэйган случилось то, чего мы не планировали. За ней идет охота, а моего информатора кто-то убил у меня на глазах. Мы делаем всё, чтобы спасти наши задницы.

— А мне кажется, ты делаешь всё возможное, чтобы трахнуть её в задницу, — говорит Василий.

Он снова смотрит на меня, а затем на Дениэла.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы она знала все наши планы. Она может быть наживкой.

— Она не наживка.

— Тогда сладкая ловушка. Отправлена, чтобы соблазнить тебя и сбить с толку.

— Я ведь здесь, ты же знаешь, — указываю я. — И слышу всё, что вы говорите.

Дениэл снова напрягается в моих объятиях. Могу сказать, что его раздражают слова Василия.

— Да она не чертова ловушка.

— Тебе стоит надеяться на это, товарищ, потому что ты явно попал под её чары.

Теперь мне точно хочется выстрелить в него. Василий мудака с большой буквы М. Василий поправляет манжеты своей рубашки и смотрит на Дениэла.

— Ты точно в этом уверен?

— Да, несмотря ни на что, я разберусь со всеми трудностями, — сухо говорит Дениэл. — И Рэйган можно доверять. Не хочу, чтобы ты говорил о ней гадости, хорошо? Она боец. Она со мной и не покинет меня.

Боже, как мне нравится это слышать. Он абсолютно точно получит минет за это, как только я до него доберусь.

— Так ты хочешь взять её в соединение Хадсона? — фыркает Василий. — Это, как говорят американцы, твои похороны.

— Ты знаешь, где Хадсон? — Дениэл выглядит удивленным. — Как ты это сделал?

— Пока ты трахался, я тянул за ниточки и давал на лапу.

Выражение лица Василия совершенно бесстрастное. Он еще раз стреляет в меня взглядом.

— Не трудно найти людей, видевших белоснежного мужчину с фетишем к блондинкам из Северной Америки и десятком вооруженных охранников.

Я хмурюсь от этих слов:

— Ты... ты сказал белоснежный?

Василий переводит на меня взгляд, сузив глаза:

— Да.

Мое сердце начинает быстро биться в груди. Чувствую, как по коже растекается знакомый страх. Я облизываю губы и спрашиваю:

— Короткие белые волосы? Бледные глаза? Бледная кожа? Где-то такого роста? — я поднимаю руку на пару дюймов над своей головой. — Носит светлые костюмы и солнцезащитные очки, даже в помещении?

— Ты знаешь этого мужчину?

— Это мистер Фриз, — шепчу я онемевшими губами. — Тот, кто хочет, чтобы я вернулась, чтобы сломать меня. Он наблюдал за посольством, ожидая, когда меня отпустят.

Заметив мой испуг, Дениэл крепче сжимает рукой мою талию.

— Он не получит тебя. Я обещаю.

— Итак, — говорит Василий, — мы оставим её здесь и заплатим Хадсону за визит. Получим хакера и больше информации о твоей сестре. Все счастливы.

— Подожди, нет, — кричу я, цепляясь за Дениэла, чуть не разбив лицо о его грудь, но мне плевать. — Ты не можешь оставить меня здесь. Ты должен взять меня с собой.

Голос Дениэла приглушен.

— Девочка-боец, ты же знаешь, я бы не просил тебя остаться, если бы это было небезопасно, но...

— Нет! Ты не оставишь меня.

— Рэйган...

— Я пойду с тобой.

Василий, который находится здесь, вызывает у меня раздражение. Я хватаюсь за Дениэла сильнее, чем когда бы то ни было. Даже мысль о том, что Дениэл покинет комнату, хотя бы на пять минут, оставив меня наедине с Василием, заставляет меня покрыться мурашками.

Дениэл вздыхает:

— Я знаю, знаю. Мы что-нибудь придумаем. Черт. Это опасно, понимаешь?

— А когда было не опасно? — спрашиваю я его.

Василий фыркает.

— Я пойду с тобой, — упрямо говорю я.

— Тебя не приглашали, — встречает Василий.

— Если вы оставите меня здесь, я последую за вами, — говорю я, борясь с паникой, которая нарастает.

Дениэл не может оставить меня. Не после всего этого. Он не может. Если он это сделает, я знаю, что поверну за угол и увижу мистера Фриза, прячущегося за ним в ожидании меня.

— Ты слышал девушку, — говорит Дениэл. — Она идет.

Василий выплевывает ещё одну фразу по-русски, а Дениэл показывает ему кукиш. Они глядят друг на друга, готовые к удару. Однако после секундного напряжения Василий поднимает руки и уступает.

Дениэл смотрит в прицел винтовки, рассматривая соединение внизу.

— Этот тридцать первый, — говорит он. — Значит, внутри их будет больше.

Мы втроем сидим в одной из лачуг на Обезьяньем Холме. Мы были у Луиса, где забрали наши документы и отправились в трущобы. Ну, то есть мы это сделали после того, как мужчины пытались меня отговорить.

Я настоящая. Я не оставлю Дениэла. Не буду чувствовать себя в безопасности, пока он не вернет меня на порог моего дома в Миннеаполисе. Тогда разве так уж важно, что мы направляемся в опасное место? Везде опасно.

В трущобах Дениэл платит кому-то, чтобы мы могли использовать его помещение несколько часов. Василий охраняет дверь, высоко придерживая огромный пистолет и просматривая коридор. Я сижу рядом с Дениэлом и отмечаю крестиком на плане соединения места, где Дениэл видел солдата.

Бумага усеяна крестиками.

— Тридцать два, — бормочет Дениэл. — Один скрывается на лестничной клетке. Черт, у этого человека рядом целая армия. Параноидальный сукин сын.

Я делаю пометку на бумаге и смотрю на Дениэла. Он щурится в винтовку и наблюдает.

— Так, и что это значит?

— Это значит, что мы никуда не пойдем.

Я хмурюсь и выглядываю в окно, разглядывая то место. Оно совсем некрасивое и незаметное. Стены сделаны из огромных бетонных блоков, а двойные ворота открыты для грузовиков. Сверху на стенах забора мотки колючей проволоки. А Дениэл сказал, что у них снайпер на крыше.

— А почему бы нам не начать стрелять? Уберем столько солдат, сколько сможем, а затем ворвемся и уберем остальных.

Позади Василий бормочет что-то насмешливое по-русски. Я почти уверена, что он назвал меня глупой.

— Нет, боец, — говорит Дениэл.

Наконец, он опускает винтовку и оглядывается на меня:

— Я могу убрать одного или двух, прежде чем они заметят. Но когда они выяснят, откуда мы, нападут на этот холм роем. Это слишком опасно.

— А почему бы нам не проникнуть ночью? Мы могли бы связать одеяла и перекинуть их через забор на колючую проволоку, чтобы перелезть. Я видела такое в кино.

— Если у него тридцать человек снаружи, значит тридцать и внутри, — каркает Василий. — Он нас ждет и готов. Нам нужен новый план.

Дениэл поглаживает лицо и выглядит таким расстроенным, какой я себя чувствую. Мне хочется пойти туда и застрелить мистера Фриза прямо в его уродливое бледное лицо,

чтобы он не смог снова прийти за мной. Но если двое убийц говорят, что это опасно, возможно, они правы.

— Так что мы будем делать? — спрашиваю я.

— Слезы Бога, — говорит Василий.

— Черт. Ни за что, — возражает Дениэл. — Я не отдам Рэйган.

— Что такое Слезы Бога? — спрашиваю я, и мой взгляд мечется между Василием и Дениэлом. — Что?

— Помнишь, я рассказывал тебе о фавеле, которую контролируют наемники? Те, с которыми никто не трахается?

— Это Слезы Бога?

— Они мне обязаны, — коротко говорит Василий. — Так можно вернуть долг.

— Черт возьми, Василий, нет.

— Почему? — снова спрашиваю я.

Даниэль бросает на меня темный взгляд, и он выглядит довольно расстроенным:

— Никто не пройдет в Слезы Бога без предварительной проверки. Они забирают оружие и одежду, обыскивая вас. Всех. Я не попрошу об этом. Черт. Мы придумаем что-то еще.

Василий лает что-то суровое Дениэлу.

Я сглатываю, пытаюсь представить, как его окружает куча наемников. Как он идет в то место внизу, будто голый и уязвимый. Но там соединяются два человека: сестра Дениэла и хакер. Дениэл сказал, что там, где мы найдем хакера, будет и Наоми. Не могу перестать думать об этом. Возможно, она страдает от того же, что пережила я. Хадсон любит их ломать. Я пытаюсь представить почти такую же девушку, как Дениэл, но сломленную. И вдруг приходит спокойствие.

— Я смогу это сделать.

— Нет, боец.

— Нет, Дениэл. Я сказала, что пойду с тобой. Я должна с этим справиться. Не буду стоять в стороне, обещаю.

Он сжимает челюсть. Могу сказать, что ему это не нравится. Мы будем уязвимы. И если что-то случится, нам останется только надеяться на их милосердие. Но если они попытаются избавиться от нас, нам конец.

Но я доверяю Дениэлу, поэтому вымучиваю дрожащую улыбку.

— Сделаем это.

Глава 21

Дениэл

— Там нет входа.

Тревога Рэйган повторяет мое внутреннее состояние разочарования. Это знак. Если вы верите в знаки, предупреждения и символы, то отсутствие очевидного входа в Слезы Бога, явный знак. Я провожу рукой по бетонным стенам и гофрированным металлическим ограждениям, которые стоят именно там, куда упирается асфальтированная дорога, а значит, должен быть вход.

— Что ты вообще знаешь об этой группе?

Я поворачиваюсь к Петровичу.

Он стоит немного обособленно, уперев руки в бока, и смотрит вверх, будто статуя Христа-Искупителя сойдет со своего холма и разведет для нас это металлическое море.

— Они люди своего слова, — отвечает он, указывая на надпись на португальском языке над воротами.

— Что это значит? — спрашивает Рэйган.

— Откровение 21:4 — это писание, — и я читаю вслух. — И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни не будет, ибо прежнее прошло.

— Звучит неплохо. Могло быть и лучше, если бы не кинжал, прорывающий конец, — криво усмехается Рэйган.

Я тоже усмехаюсь. Это моя девочка. Вытащив пистолет, я указываю на кинжал.

— Что ты делаешь? — шипит Рэйган.

— Пытаюсь хоть как-то привлечь их внимание.

И прежде чем успеваю выстрелить, в стене появляется дверь, а в ней большая неуклюжая фигура. У него неопределенная национальность, что вероятно, делает его истинным бразильцем. Коренные бразильцы — это сплав различных национальностей: американской, африканской и азиатской в восхитительном сочетании. Единственное, что можно точно сказать о нем — это его размер, он огромный. И ещё оружие. На его груди, как подтяжки, перекинуты пулеметные ленты. На руках кожаные наручники с выдвижными ножами. Автомат перекинут на спину, а на поясе полная амуниция боеприпасов и ножей.

В утопии четко соблюдается военное законодательство.

Но это означает только одно: этот парень первая ласточка. Я засовываю пистолет обратно, небрежно пытаюсь спрятать Рэйган за спину, и поднимаю руки вверх.

— Мы здесь, чтобы увидеть Лезвие Ножа.

— Выкладывай свое дело.

Он скрещивает руки на груди, поправляя ножи в мою сторону. Я быстро просчитываю в уме, что смогу вытащить нож и прижать к его груди примерно за десять секунд, то есть клинок достаточно длинный. Чувствую, как позади меня приближается маленькая фигура Рэйган.

— Мы здесь, чтобы совершить сделку.

— Мы не торгуем плотью, — рычит он.

Меня озаряет. Он думает, что мы здесь для того, чтобы продать Рэйган или обменять её. Я тяну её в сторону.

— Нет, она со мной. Мой русский приятель покажет деньги в обмен на информацию и кое-какие услуги.

Мне не хочется, чтобы охранник нервничал, когда Петрович полезет в карман своего костюма.

Петрович вручает охраннику деньги, который их даже не считая, взвешивает, будто сможет понять, сколько там денег на вес. Может, нам следовало принести золото. Не говоря ни слова, он исчезает внутри и закрывает дверь.

— Хорошие у тебя друзья, Петрович, — фыркнул я.

— Я же общаюсь с тобой, не так ли? — возражает он.

Рэйган задыхается в полуистерическом хихиканье.

Прошло минута. А может, и пять. Я перехожу улицу и сажусь на обочину. Мы не уйдем, пока не переговорим с главным. Петрович стоит у двери, как солдат, ожидающий приказа.

— Он очень странный, — замечает Рэйган.

— Ага.

— Он будто и правда хотел, чтобы я его избила.

— Ага.

— А все твои друзья такие долбанутые?

— Ага.

Девушка молчит некоторое время.

— Наверное, я понимаю, почему тебе нравлюсь.

Это заставляет меня улыбнуться.

— Боец, ты не так испорчена, как те люди, которых я знаю. Ты, как образец контроля в полном сумасшествии мире.

— Ты не всегда был частью этого мира, — она указывает на фавелы.

Опираясь на локти, я поднимаю лицо к небу. Солнце здесь теплее и жарче. Его лучи прикасаются к тебе, как рука. Если бы не похищение моей сестры и угрюмый русский человек, стоящий в пяти метрах от меня, я мог бы притвориться, что лежу на пляже и потягиваю фруктовый коктейль с зонтиком рядом с Рэйган, одетой в бикини и обмазанной маслом.

— Ты знаешь, почему плохие парни всегда выигрывают?

— Нет.

Её голос такой же унылый, как мой вид при наблюдении за соединением Хадсона.

— Потому что они живут в этих грёбаных соединениях. Когда я здесь закончу, то куплю собственный чёртов остров. Где я, ты и моя сестра будем жить, и попивать фруктовые коктейли с маленькими зонтиками. Я пожарю несколько стейков, а потом мы пойдем в дом и будем заниматься любовью под серенады Марвина Гая.

— Мне нравится, что ты много думал об этом.

Перед тем, как я решаюсь вытащить пистолет и палить во все стены передо мной, охранник выходит и жестом приглашает нас. Дверь открывается в маленькую комнату с одним столом. Окон нет, помещение тёмное и прохладное, освещается лишь парой голых лампочек. Перед единственным выходом стоят два других охранника. Мило. И у меня машинально дёргается рука к пистолету. Первый охранник возвращает пачку денег Петровичу.

— Раздевайтесь.

Приподняв бровь, я смотрю на Рэйган, а она посылает мне улыбку.

Когда она начинает задирать блузку, охранник выкрикивает:

— Стоп.

Мы замираем.

— Не ты, — он машет рукой на Рэйган. — Стой там, — приказывает он, но Рэйган не двигается, а цепляется пальцами за пояс моих брюк.

— Я не оставлю Дениэла, — говорит она.

— Извини, — и я пожимаю плечами. — Мы идем вместе.

Он щелкает пальцами, и один из мужчин, стоящих у заднего выхода, исчезает. Через несколько минут появляется женщина со сложенной тканью в руках. Она подходит к нам.

— Если ты пойдешь со мной, то переоденешься в это. Я обещаю, что верну тебя.

Рэйган не хочет идти, но лучше уж разделится, чем раздеваться перед этими тремя.

— Я не уйду без тебя. Обещаю, — говорю я ей.

Девушка неохотно отпускает меня.

Когда Рэйган уходит, мы с Петровичем быстро раздеваемся. К нам подходит охранник и хлопает у нас между ног. Не уверен, что многие могут там спрятать свое оружие, и не хочу даже знать этого. Охранники здесь более агрессивные, чем в администрации транспортной безопасности НАСА. Надеюсь, у Рэйган не такой жесткий досмотр.

— Какой-то перебор, не?

Петрович – хороший стрелок, а в этой комнате много оружия, хотя мы и голые. Парень, который стоит передо мной на коленях, легко смог бы порезать мне ногу.

Надеюсь, до этого не дойдет. Нам выдают свободные робы из голубой ткани, похожие на мешки для крупы, и выводят из комнаты на улицу, но перед этим связывают руки за спиной стяжками, похожими на те, которые мы используем в армии. Теперь видно, главная дорога в фавелу заблокирована рядом из трёх домов. Они служат защитными воротами. Тот, кто здесь заправляет, параноик. Он обустроил это место, как крепость, готовую к эпической осаде. Рэйган ждет нас в такой же свободной мешке длиной чуть ниже колена. Длина этого мешка такова, чтобы не допустить лишних движений. Юбку придется поднимать, если надо бежать или перепрыгивать через препятствия.

Люди выглядывают из окон и дверных проемов, пока мы поднимаемся по крутой извилистой дороге. Мы похожи на бледную имитацию карнавала. Без платформ, только почти голые иностранцы, окруженные вооруженными охранниками. Я сдерживаю желание помахать. На вершине холма дома кончаются, открывая большое пространство, обсыпанное гравием со следами черной обожженной земли. Огромная гранитная плита выступает, как жертвенный алтарь между этими ожогами. Ходят слухи, что в этой фавеле врагов сжигают на костре. Прямо сейчас мне хочется схватить Петровича за яйца за то, что он привел нас сюда и подверг Рэйган опасности.

Выходит просто одетый мужчина в хлопчатобумажную рубашку с закатанными руками для того, чтобы показать татуировки на обеих руках. На нем так же свободные хлопковые брюки и совершенно нет оружия. Солнечные лучи скрывают его лицо, пока он не приближается.

— Иисус Христос! Рейф Мендоза? Какого черта? — я столбенею, глядя на одного из членов моего подразделения дельта, стоящего передо мной.

Мендоза, очевидно, тоже шокирован, так как он ничего не говорит, а затем протягивает руку, чтобы пожать мою. Когда же понимает, что я связан, как индейка в честь дня благодарения, он неловко ударяет меня по спине.

— Хейз, какого черта ты делаешь на моей маленькой вотчине?

Я указываю плечом на Петровича, который молчаливо наблюдает за нашим разговором:

— Я с шоу уродцев. Он говорит, ты ему обязан.

Мендоза изучает русского:

— Я не знаю его.

— Не тебе, лейтенант. Я оказал помощь в Дубае во время битвы шесть месяцев назад, — поясняет Петрович.

Он кивает и поворачивается к мальчику, судя по размерам, едва вышедшему из возраста полового созревания:

— Узнай у Фетлера.

Мальчик убегает, и Мендоза поворачивается ко мне.

— А девушка? — спрашивает Мендоза.

— Она со мной, — отвечаю я.

— У тебя веселая группа, — шутит он.

— Каждой банде нужен хотя бы один русский и одна адская кошечка.

Я потягиваюсь, чтобы снять напряжение в спине. Сегодня мы не умрем. Нам нет необходимости продолжать светскую беседу, так как мальчик возвращается и шепчет что-то на ухо Мендозе.

— Фетлер поручился за тебя, — говорит он Петровичу, — это значит, что я кастрирую его, если ты причинишь вред моим людям.

Петрович строго кивает:

— От моих рук твои люди не пострадают.

Мы следуем за Мендозой по открытому обожженному полю до последнего здания на холме, заросшего в диких деревьях и листве джунглей. Снаружи он выглядит приземистым, но я вижу, что внутри он намного больше, чем я предполагал. Там около дюжины человек. В одной комнате, кажется, складывают и набивают конверты. В другой, куча компьютеров.

Мендоза ведет нас в заднюю комнату, которая, похоже, своего рода офис. Там несколько деревянных стульев вокруг прямоугольного стола и рабочий стол в конце помещения.

— Освободи их, — приказывает он охраннику, следившему за нами от самых первых ворот.

Пути с наших рук разрезаны, а Мендоза жестом приглашает нас сесть.

— Что привело тебя в наш прекрасный город? — спрашивает он.

Я рассказываю ему всю историю. Когда я добираюсь до той части, где забираю Рэйган из борделя Гомеса, Мендоза останавливает меня.

— Сильва, иди и приведи сюда Гомеса.

Он жестом предлагает мне продолжить рассказ.

— Да нечего больше рассказывать. Гомес работает на Хадсона, у которого около шестидесяти человек, постоянно охраняющих его. Там же хакер Петровича.

Но я не говорю того, что должно быть правдой, так как не хочу признавать того момента, как Рэйган читала сообщения с телефона стукача на Холме Обезьян. Наоми, должно быть и, есть Император, хакер, которого Петрович так отчаянно пытается заполучить. И он, вероятно, тоже под контролем Хадсона. Не хочу, чтобы Петрович знал, что хакер — это женщина и моя сестра. Эта битва случится позже. Мне просто нужно вытащить её оттуда.

— У нас нет столько людей, чтобы вести перестрелку с государственным подрядчиком США, который оказывает посольству услуги по охране, — мрачно признает Мендоза. — Я потерял там одного своего человека. И мы отправили туда людей, чтобы найти потерянного голубка, но они вернулись ни с чем. Я не знаю, где содержатся девочки. Мы не начинали активных действий из-за его армейских связей, но...

— Настало время разобраться с ним, — заявляю я.

Мендоза коротко кивает. Это вопрос его власти. Хадсон должен уйти.

— Возможно, нам потребуется больше людей, — предполагает Василий. — Нам просто нужно попасть внутрь, Дениэлу и мне. А уже оттуда мы сможем вытащить одну женщину и мужчину.

— Василий прав. Найти Наоми наша основная задача. Мы сможем расчистить себе путь.

— Что вы знаете о Хадсоне? — спрашивает Мендоза.

— Он богатый подрядчик военных США, имеющий виды на североамериканских блондинок. Вероятно, он контролирует Императора.

И тут Мендоза спросил:

— Императора? Или Императорский Дворец?

Петрович жестко кивает:

— Он мой.

Я стараюсь его не ударить. Наоми принадлежит самой себе. И семье Хейзов, а не какому-то русскому сумасшедшему.

Мендоза присвистывает:

— Должно быть, он зарабатывает целое состояние всеми незаконными операциями, которые проворачивает в этой сети.

— Меня не интересуют деньги, — говорит Петрович. — Мне нужен опыт.

— Нам нужно больше информации, — вставляю я, мне неприятно, когда о Наоми говорят, как о мужчине, который нужен Петровичу. — И у нас нет времени.

Кивнув, Мендоза берет телефон и встает из-за стола. Он слишком далеко, чтобы можно было расслышать, о чём говорит. Хотя я стараюсь. Мы все стараемся.

— Что он говорит? — спрашивает Рэйган.

Его португальский слишком быстрый и тихий, чтобы я разобрался.

— Не уверен, но он упомянул консульство.

Мендоза возвращается к нам и говорит:

— Я хочу пригласить человека, чтобы получить представление изнутри. А пока давайте поедим что-нибудь.

Свежие фрукты, мясо и сыры сервируются в виде шведского стола в соседней комнате с видом на гравийное поле с выжженными отметинами.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я Мендозу, стоя перед большими окнами.

— Охрана, Дениэл.

— Слышал, ты стал фрилансером после того, как ушел из армии.

— Я слышал то же о тебе.

— Мою сестру похитили. Я должен был найти её, а зарабатывать при этом и убивать плохих парней оказалось приятным бонусом.

— А мне нужны были деньги, чтобы основать здесь свою маленькую армию.

Он захлопывает окно. Толпа маленьких детей поднимается на вершину холма по гальке к травянистому полю, которое я сначала не заметил.

— Эти люди — моя семья. Знаешь ли ты, что Римская Империя была настолько сильна, что её граждане могли беспрепятственно ходить по всей земле? Известно, что её граждане были настолько ценны, что если один из них пострадал, на голову виновного

спускали всех собак. Я хочу такого же для своих людей. Хочу, чтобы они могли свободно прогуливаться по улицам Бразилии, Африки или Соединенных Штатов. И чтобы люди знали, что если один из моих пострадает, весь гнев Бога прольётся на их семьи. Хадсон — это пятно на моей земле и прекрасная возможность показать силу, поэтому я помогу тебе, а потом ты вернешь мне услугу.

— Нет проблем.

Безумцы и их соединения. Мне нужно взять одного из них.

Снаружи доносится шарканье у передних дверей. Футбольная игра останавливается, и дети встают в линию, когда на поле выводят человека. Его привязывают к гранитной плите. Многие дети исчезают, но кто постарше остается.

— Рэйган, — зовет Мендоза. — Нам необходима идентификация.

Мы выходим на солнце к гранитному камню. Достигнув его, мы видим распластанного, как орла, на нем мужчину. Он полностью голый, лишь на его члене поводок, тянущий его к низу.

— Это Гомес, — задыхаясь, говорит Рэйган.

Мендоза кивает одному из своих солдат, который держит в руке предмет, похожий на хлыст:

— Идентификация пройдена успешно.

По кивку хлыст поднимается в воздух и приземляется у ног Гомеса. По нашим с Петровичем лицам пробегает гримаса, а все остальные стоят, будто это обычное субботнее дело. Крики Гомеса разносятся по округе, пугая птиц и мелких животных. Оглядываясь назад, я замечаю оставшихся на футбольном поле около пяти детей, которые стоят неподвижно, будто в классе, где обучают управлению империей наемников.

— Задавайте свои вопросы, — приказывает Мендоза.

Рэйган и Петрович смотрят на меня. Почесав голову, я наклоняюсь к нему не слишком близко, потому что не хочу быть случайно задет хлыстом.

— Гомес, кажется тебе не очень удобно.

Он хныкает, а слезы и сопли текут по его лицу. Он так уродлив.

— Отпусти меня, — умоляет мужчина. — Я ничего не знаю.

— Дело в том, что мы знаем, что ты врешь.

Я киваю Мендозе, который отправляет молчаливый приказ человеку с хлыстом. Хлыст взмывается вверх, и теперь я вижу небольшой гранитный шарик на его конце. Раздается стук гранита, и лишь небольшой кусочек плоти смягчает этот удар. Несмотря на

то, что жду удара, я все равно съёживаюсь. Хотя, возможно, это от высокого крика, который вырывается изо рта Гомеса.

Очень садистское наказание, но если вы верите в принцип «око за око», как и Мендоза, то справедливое. Гомес заливается слюнями.

— Почему Рэйган? — спрашиваю я.

Он слегка поворачивается, и его взгляд фокусируется на боли.

— Хадсон любит блондинок. Они напоминают ему жену. Но эта была напыщенной. Хадсон отправил её мне для обучения.

— И что потом?

Открыв рот, он закрывает его.

— Плохой выбор, — консультирую я, глядя на Мендозу.

Хлыст снова опускается, но на этот раз я готов. А Гомес, думаю, нет. Мы ждем, пока боль и крики утихнут, и я снова спрашиваю:

— Что происходит, когда девочек обучают?

— Они возвращаются в его соединение и служат ему компаньонками, пока...

Гомес замолкает, но мы можем вынести ему приговор.

Мендоза машет рукой, и мужчины исчезают, а дети возвращаются к футбольному мячу.

— Вот, твой путь внутрь, — говорит он, глядя в упор на Рэйган.

— Нет, — трясусь я головой. — Ни за что. Мы придумаем что-нибудь ещё.

— Другого пути нет, — утверждает Петрович.

Я смотрю на Рэйган, ведь прямо сейчас она единственная, кто имеет значение. Мне не хочется оставлять свою сестру в руках Хадсона, но я не могу отправить Рэйган на изнасилование. И не буду. Есть другой способ. Мне нужно найти его.

Глава 22

Рэйган

У Дениэла ужасное выражение лица. Это отчаяние человека, загнанного в угол.

Он может отправить меня в ад к Хадсону в надежде вернуть сестру или забыть о ней навсегда. В любом случае, он будет несчастен. Он снова качает головой Мендозе:

— Чёрт, мужик, забудь. Я только что забрал Рэйган, и ни в коем случае не отправлю её обратно к этому садисту.

Огромный русский Василий смотрит на меня, как будто ждет, что я вмешаюсь. Очевидно, для него я – пешка, которую полезно оставить позади. Хотя он и прав. Я та, кто портит всё. Та, кто замедляет Дениэла. Если бы у него меня не было, он бы уже спас сестру?

— Как долго? — спрашиваю я.

— Рэйган, нет, — голос Дениэла шипит яростью. — Я не отправлю тебя обратно к насильнику.

Я подхожу к нему и глажу по руке в попытке успокоить. Он щетинится от моего предложения. Я знаю, он ненавидит это.

— Мы так далеко зашли не для того, чтобы вернуться ни с чем. Я могу сделать это.

В конце концов, это же всего лишь ещё одно изнасилование? Я не говорю этого вслух, зная, если скажу это, Дениэл полностью закроется. Я хочу сделать это для него. Для него и его сестры, которая застряла в аду, где я пробыла так долго. Не могу позволить ей остаться там и позволить Дениэлу сдаться.

— Нет, боец, — тихо говорит Дениэл, прикасаясь к моей щеке и не обращая внимания на выпученные глаза Василия. — Ты не должна.

— Я знаю, — мягко говорю я, прикусывая кончик его большого пальца, который оказывается на моих губах. — Но ты ведь придешь за мной, верно?

— Да я лучше умру, чем оставлю тебя там, — говорит Дениэл, и тепло в его взгляде говорит мне, что это правда.

— Тогда мы сделаем это, — говорю я, поворачиваясь к Мендозе.

Я удивлена, увидев человека, управляющего этим странным военным контингентом. Он окружен семьей и детьми, молод и красив, и легко мог бы оказаться на обложке «GQ». Ну, может быть, на обложке журнала «Оружие и боеприпасы», ведь он такой хорошенький. У него плотные загорелые мускулы, темные волосы покрывают его

голову, а глаза такого увлекательного янтарного оттенка, который я видела только у моделей.

Моя подруга Бекка съела бы его целиком.

Чёрт, опять эта Бекка.

Мендоза долго изучает меня, ожидая, что я растеряю свою смелость. Но я возвращаю ему спокойный и легкий взгляд, а он кивает:

— День самое большое.

— День? — взрывается Дениэл. — Целый день? Нет, точно нет.

— Какой план? — прерывает нас Петрович своим густым спокойным акцентом. —

Отправить её с ядом?

Я с трудом сглатываю. Мне придется кого-то убить?

— Я не знаю, смогу ли сделать это.

Мендоза прерывает его, разрезая рукой воздух.

— Мы можем установить на неё GPS и отправить внутрь. Даже если она будет обездвижена, мы найдем её местонахождение в ходе зачистки. Я обнаружил помещения для питания, ремонта техники и жилые комнаты, но не обнаружил безопасных мест. Полагаю, они внизу, но мы не смогли туда попасть. У нас есть технология, позволяющая сделать карту на основе передвижений Рэйган.

Мендоза улыбается мне, и я возвращаю ему слабую улыбку.

— Я давно хотел его взять, но выжидал подходящее время. Мы войдем туда, спасем девушек и человека, которого ты хочешь получить, выйдем и уничтожим все наши следы.

Я киваю:

— Мне надо войти туда, пройти по такому количеству мест, куда мне позволят, найти американку блондинку по имени Наоми и хакера, а затем красиво сидеть и ждать. Я могу это сделать.

Я смотрю на Дениэла, но выражение его лицо леденеет. Он не доволен, но понимает, что мы застряли.

— Но если вы пошлете меня туда с Гомесом, откуда мы узнаем, что он не предупредит их о ловушке?

— У него есть машина, не так ли? — говорит Мендоза. — Мы отправим тебя в его машине с запиской. Гомес сказал, что у Хадсона завтра день рождения. Мы отправим тебя в подарок.

Я вздрагиваю от этой мысли:

— Отлично.

— Когда мы это сделаем? — спрашивает Василий. — С каждым часом промедления он может узнать о наших планах и ускользнуть.

— Мы начнем утром, — говорит Дениэл. — Чем скорее мы сделаем это, тем быстрее я верну Рэйган обратно.

Кивнув, я скрываю дрожь в руках. Я в ужасе, но это риск, на который придется пойти.

— Давайте сделаем это.

Дениэл

План прост, но ненадежен. Столько всего может произойти не так, но если мы её упустим... должен быть другой путь. Но раз люди Мендозы не раз пытались обойти убежище, то отправка Рэйган с GPS станет нашим единственным шансом.

Я зря стараюсь не заниматься с ней любовью в эту последнюю ночь. Вспоминаю, как провожу рукой по изгибу её талии, попке и скрытой складочке между её ног. Этот путь красив и эротичен, у каждого должно быть такое эротическое воспоминание. Закрыв глаза, я пытаюсь запечатлеть, как кусаю её нежную кожу груди, а она захватывает мои волосы и выдыхает моё имя, как благословение. Звуки её возбуждения и крики её приближающегося оргазма стали саундтреком моей жизни.

— Дениэл, Дениэл, Дениэл, — повторяет она в ответ на каждое движение между ног, где я медленно и методично вылизываю её.

Так хорошо. Её вкус на моем языке, как мощнейший афродизиак. Мой член становится тяжелее, набухает сильнее, ведь каждая капелька её возбуждения попадает в мой рот.

Я зарываюсь носом в её влагище и глубоко дышу. Это единственный аромат, который я хочу вдыхать. Там внутри вся её сущность, и я вылизываю всё вокруг, пожирая её. Я растягиваю пальцами её широкое отверстие, открывая каждый дюйм её плоти моему аппетиту. Мой язык, губы и зубы работают над её киской и клитором, пока не пропитаются её возбуждением насквозь.

— Прими весь мой язык, — рыкнул я.

У неё дрожат бёдра от силы приближающегося оргазма, когда она подчиняется, а я выжимаю её влагу. Мой член мокрый от небольшого всплеска предэкуляционной жидкости. Я вытягиваю ладони к её лицу.

— Оближи их.

Но она делает больше. Она поочередно облизывает каждый палец и проводит языком по всей плоскости ладони. Я задыхаюсь от стонов, пока её чертов язык заставляет меня накинуться на неё. С огромным трудом я отворачиваюсь, чтобы вынуть два пальца и размазать её влагу по своему напряженному органу.

— Я хочу тебя всю, — шепчу я.

Одной рукой я направляю свою головку к её отверстию, а другой щелкаю по её маленькому клитору, пока её горячее тело дрожит от желания. Я медленно скольжу, стиснув зубы, и наслаждаюсь каждым импульсом от прикосновения её влагалищных стенок к моему члену. Сухожилия на её шее резко выделяются, когда она отклоняет голову в ответ на мой первый толчок. Я почти полностью выхожу из неё и медленно трусь у входа, чтобы она обнимала только головку. Это дразнит нас обоих, но я хочу, чтобы эта ночь продолжалась вечно.

— Боже, Дениэл, — всхлипывает она, полу смеясь, и приподнимается на локтях, чтобы убить меня взглядом. — Чёрт возьми, перестань меня мучить.

Я кладу ладонь на верхнюю поверхность её бедра и врываюсь в неё одним быстрым движением, пока не проникаю в неё полностью. Она взрывается от крика.

— Так, ты этого хочешь? — мой голос настолько тяжелый и грубый, что я едва узнаю его.

— Да, — рычит она. — Я хочу сильнее и быстрее. Хочу больше.

Я стучу по ней бёдрами с такой силой, что она скользит по матрацу, упираясь в него руками, будто ищет способ отступить. Схватив её за бедра, я притягиваю к себе. Мне хочется быть мягче, но мое самообладание покидает меня, и из этого водоворота есть только один выход. Она защелкивает руки на моих запястьях. Я двигаюсь, как отбойный молоток, а по позвоночнику проходит ток вожделения. Я оставляю пальцами на её коже синяки, но девушка так цепляется за меня, что понимаю, она со мной до конца.

— Я близко. Та-а-а-к близко, — кричит она.

Я поддерживаю жесткий, быстрый и настойчивый ритм, пока она не взрывается, затем наклоняюсь к ней и одной рукой держу за голову, а ноги на моих плечах, и неистово врезаюсь в её мокрую тугую щелку, пока у меня не наступает оргазм.

— У меня есть ты, — кричу я. — Отпусти.

Когда меня отпускает, я падаю рядом с ней, обнимая её. Мы гладим друг друга по спине и целуем доступные нам места.

— Я люблю тебя, — шепчет она между ласками.

Независимо от того, что будет завтра, у нас будет это. Я прижимаю её ближе к себе, чтобы слышать её сердцебиение.

Рэйган

Казалось, я неплохо могу обманывать себя.

Выйдя из борделя, я сказала себе, что больше никогда не захочу, чтобы другой человек прикасался ко мне. Враньё.

Я обещала себе, что больше не буду уязвимой. Враньё. Я слабею каждый раз, когда Дениэл смотрит на меня с этой дьявольской улыбкой, а сердце скачет в ответ.

Говорила себе, что никогда не вернусь в бордель. И вот, я добровольно отправляюсь в дом Фриза, потому что мне нужно вытащить оттуда Наоми. Знаю, Дениэл не осудил бы, если бы я струсил. Он не хотел, чтобы я шла туда. Но мне нужно пойти. Это не только из-за Наоми, а за всех похищенных и пропавших за этими стенами девушек. Это не только ради Дениэла.

И вот, я продолжаю обманывать себя.

Я глажу руками его спину, наслаждаясь ощущением прикосновений наших потных тел. В объятиях Дениэла я целая. В его руках мир в безопасности.

А завтра я ускользну из этих рук в объятия врага. Я дрожу и зарываюсь лицом в его шею, вдыхая запах пота.

— Ты в порядке? — спрашивает Дениэл, проводя по моей руке.

— Если завтра что-то пойдет не так, — мягко спрашиваю я, — ты придешь за мной, да? Чего бы это ни стоило?

Приподнявшись на локтях, он изучает меня. Расслабление уходит из тела, и мужчина вибрирует от напряжения.

— Всё будет хорошо, Рэйган.

— Просто... — с силой сглатываю я. — У Хадсона не в порядке с головой. Не думаю, что протяну с ним. Я прожила два месяца в борделе, но думаю, с ним не смогу сделать это. Если ты не сможешь прийти за мной, мне придется...

— Придется что? — голос Дениэла становится суровым.

— Заставить их застрелить меня, — говорю я, но мой голос стихает перед лицом его гнева.

— Нет, — рычит он, хватая меня рукой за подбородок, и заставляет посмотреть на него, когда я отвожу глаза. — Ты думаешь, я не приду за тобой? Думаешь, пока я дышу,

позволю этому ублюдку прикоснуться к тебе хоть пальцем? Тебе не придется делать больше того, что заложено в наш план. Рэйган, я клянусь, чёрт возьми, что приду и спасу тебя, как чёртов рыцарь в сияющих доспехах. И ты должна в это верить, пока мое мертвое тело не положат к твоим ногам. Я не могу отпустить тебя с мыслью о суициде, который ты совершишь потому, что больше нет надежды в этом чёртовом месте.

— Хорошо, — говорю я, — хорошо.

— Нет, это не хорошо.

В его взгляде жадная собственность, и он притягивает меня к себе, покрывая поцелуями, приговаривает:

— Ты моя, Рэйган Портер. Ты не лишишь себя жизни. Потому что если ты это сделаешь, то уничтожишь и меня.

— Это было всего лишь предположение, — говорю я, проводя по его растрепанным волосам. — Я ничего такого не имела в виду.

И снова я обманываю себя.

Глава 23

Рэйган

Утром меня переодевают в ту, которой я должна быть. Одна из дам в фавеле отводит меня в сторонку и выдает мне белую практически прозрачную одежду. Под низ я надеваю белые кружевные трусики и бюстгальтер. Не знаю, как они достают все эти вещи так быстро, но люди Мендозы очень эффективны. После этого женщина причесывает мне волосы и наносит макияж. GPS трекер размером с жемчужину зашивает в шов моего бюстгальтера. Он почти невидим, но я чувствую его, и это беспокоит меня. Жаль, у меня не будет с собой пистолета, это запрещено. Мне не позволена даже обувь.

Несколько вооруженных до зубов человек Мендозы, включая Василия Петровича, ждут, когда я сяду в машину. Дениэл сидит на корточках, перебирая волосы рукой, но при виде меня поднимается на ноги, выражение его лица мрачнеет.

— Как я выгляжу? — стараюсь говорить легким голосом, чтобы он не понял, как я напугана.

— Как боец, — мрачно говорит Дениэл, сжимая мою руку, но он продолжает оглядывать меня, будто убеждаясь, что всё в порядке.

Я выдавливаю из себя улыбку:

— Я не это имела в виду. Я должна выглядеть сексуально.

— Рэйган, — говорит он, хватая меня за шею, и притягивает к себе.

Моя грудь упирается в его бронежилет, усеянный оружием. Пока я собиралась, он тоже подготовился.

— Слушай, ты не должна делать всё, чего захочет этот садистский ублюдок, только потому, что мы отправляем тебя туда, хорошо? Ты сразишься с ним, если он прикоснется к тебе.

Я качаю головой:

— Дениэл, ты же знаешь, что я не смогу. Меня послали к Гомесу, чтобы сделать послушной. И если я его ослушаюсь, он не будет меня там держать.

— Мне плевать, — выдает Дениэл, его голос хрипит с едва сдерживаемой яростью, и он прижимается ко мне лбом.

— Я не пошлю тебя туда, чтобы тебе причинили боль. Я не могу так...

Я затыкаю его поцелуем, стирая блеск со своих губ. Поцелуй короткий, но мне нравится ощущение губ Дениэла на своих.

— Я знаю, — выдыхаю я ему в рот, и слегка отклоняюсь. — Дениэл, я люблю тебя и доверяю тебе. Ты придешь и забереешь меня. Знаю, что придешь.

Он измученно смотрит на меня:

— Рэйган...

— А когда всё закончится, — шепчу я в его рот, желая успеть поцеловать, — мы отправимся на поиски острова, где ты сможешь втирать в меня масло. Обещаю.

— Чёрт, боец. Не заводи меня сейчас.

Я хихикаю.

— Пора идти, — говорит Василий ровным голосом позади нас.

На мгновение мой дерзкий смех становится похожим на дьявольский. Дениэл выглядит убитым. Он отпускает меня и быстро целует в лоб.

Впереди появляется автомобиль Гомеса — это потрясающий красный лоурайдер. Гомес сидит спереди, потея от ужаса.

— Мы можем ему доверять.

Мендоза раскрывает рыки, показывая маленький флакон:

— Мы отравили его, противоядие есть только у меня. За ним будут наблюдать. Любой сигнал о предательстве, и он сдохнет.

— Изобретательно, — бормочу я.

Ещё одна капелька пота катится вниз по носу Гомеса, пока я наблюдаю за ним.

Василий вручает мне что-то. Это поздравительная открытка. Фыркнув, я прижимаю к себе конверт.

— Должна ли я, ну знаешь, сделать что-нибудь, если всё покатится к чертям. Нужен ли мне запасной план?

— Нет, — категорически заявляет Дениэл. — Это не важно, я приду за тобой в любом случае.

Я улыбаюсь на это.

— Идёт.

Мы проверяем, работает ли трекер. Больше нет времени. Глубоко вздохнув, я сажусь на заднее сиденье машины, и Гомес выезжает из лагеря.

Пока мы пробираемся через фавелы, я сжимаю конверт дрожащими пальцами и наблюдаю за улицами, проносящимися за окном и Гомесом. Он потеет, как сумасшедший. И я переживаю, не выдаст ли он нас. Нет, всё должно сработать. Он должен.

Слишком быстро знакомое соединение поднимается вдаль, и я подавляю панику, поднимающуюся у меня внутри. Я смогу это сделать. Смогу это сделать. Я думаю о

Наоми. Наоми и хакере. Нам нужны оба. По-настоящему я переживаю только о Наоми, но если Хадсон силой держит ещё кого-то, я хочу спасти и этого человека.

Гомес паркуется у массивных ворот. К нам приближаются двое солдат с оружием.

— Время уходить, — голос Гомеса дрожит.

— Я иду, — тихо говорю я, открывая дверь.

Один из солдат перекидывает в руке пистолет, а второй подходит ко мне. У меня останавливается сердце и дрожит рука, когда я подаю поздравительную открытку, ничего не говоря.

Мужчина берет открытку и смотрит на Гомеса, затем кивает и смотрит на меня. Он что-то говорит мне по-португальски, кажется, вопрос.

Я в панике.

— Я... я не знаю, — говорю я тонким голосом, съеживаясь, когда он снова повторяет свой вопрос.

Перед этими людьми не стыдно испугаться. Я в ужасе.

Он снова что-то говорит, а затем начинает грубо похлопывать по заднице и груди. Я съеживаюсь с закрытыми глазами и переносу его прикосновения. В голове снова мелькают ужасные воспоминания. Я смогу это сделать. Смогу это сделать.

«Наоми», — повторяю я себе. — «Спаси Наоми».

Мужчина шлепает меня по заднице и смеется, когда я подпрыгиваю, а затем вручает мне открытку. Он жестом отдает приказ, и ворота открываются. Только теперь я понимаю, что слышу музыку с вечеринки.

Точно. Вечеринка в честь дня рождения.

Меня ведет охранник, и я изумленно наблюдаю, какие люди нас окружают. Вокруг куча воздушных шаров, людей в костюмах и девушек в бикини. И оружия. Повсюду куча оружия и вооруженных людей. Очень резкий контраст — мужчина с огромной винтовкой стоит рядом с чашей для пунша.

За столом под зонтиком возле бассейна сидит мистер Фриз. Он выглядит, как кусок льда среди синего моря. При взгляде на него я чувствую, как испуганно сжимается мой желудок.

Охранник подводит меня прямо к нему, и все поворачиваются на нас.

О, Боже! Так не комфортно находится под таким вниманием. А если они заметят трекер? О, Боже. О, Боже.

Хадсон поднимается на ноги, и его бледные волосы блестят на солнце. Его светло-голубой бледный костюм одного тона с галстуком, что кажется, почти белым.

Единственный всплеск цвета на его лице – солнцезащитные очки. Он что-то говорит охраннику, но я не понимаю что, а затем они смотрят прямо на меня.

Склонив голову, я протягиваю поздравительную открытку дрожащими руками.

Хадсон берет открытку, читает и отбрасывает в сторону. Он подходит ближе и гладит рукой мою щеку. Даже его пальцы холодны, как лед. Я не должна отклоняться, хотя очень хочется, и продолжаю смотреть вниз.

— Ну, что, маленькая кусака, — говорит он мне. — Теперь ты готова быть моей?

— Да, хозяин, — говорю я.

Ненавижу эти слова. Ненавижу его. Он мне не хозяин.

Он прижимает палец к моему подбородку, отклоняя мою голову, и осматривает мое лицо. У меня дрожат ресницы, но позволяю себе дрожать, глядя на него, чтобы он знал, что я боюсь.

Через секунду он одобряюще хрюкает:

— Ты выучила игры, которые мне нравятся?

Игры?

Меня пробивает паника. Игры? Какие игры? Гомес должен был научить меня играм? Какие чертовы игры могут понравиться такому больному человеку?

Должно быть, ответ читается на моем лице. Задав вопрос, он отворачивается к столу, говоря что-то шутливым голосом, и машет охраннику:

— Отведи её в мою комнату и подготовь.

Охранник хватает меня за локоть, и прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, меня затаскивают в дом. Я оказываюсь в особняке, заполненном растениями в горшках на кафельных полах, и тащат вверх по лестнице. Пропустив несколько дверей, толкают в спальню.

Охранник проходит сквозь спальню и открывает дверь в задней части комнаты.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, заикаясь. — Эй?

Охранник не отвечает. Вместо этого он открывает дверь шкафа.

Ожидаемо, это оказывается не шкаф. Это ещё одна комната. Там сидит охранник, курит и смотрит журнал. Он встает при виде меня, и оба охранника начинают разговор. Новый непристойно смотрит на меня, когда я иду мимо него.

Мы проходим через другую дверь и спускаемся по узкой холодной лестнице. Дом Хадсона – это лабиринт. Мне кажется, что меня захватили и ведут в секретный туннель. Надеюсь, Дениэл узнает, как меня найти, но с каждой минутой становится всё страшнее.

Новый охранник проводит меня ещё через несколько дверей, а затем открывает дверь с надписью «PRIVADO».

Эта комната... это секс-комната. Там есть кресло с наручниками, деревянная лошадь и всевозможные атрибуты для секса. Мой испуганный вздох заставляет охранника засмеяться.

— Раздевайся.

— Я... что? — и хватаюсь за одежду, которая на мне.

— Ты раздевайся, — говорит он, указывая на меня пистолетом.

О, Боже, GPS. Узнает ли Дениэл куда идти?

— Раздеваться? — повторяю я, затягивая время.

— Ты раздевайся.

Когда он начинает подходить, чтобы самому раздеть меня, я отмахиваюсь и снимаю одежду. Я смотрю на охранника, но он не обращает на меня внимания. Вообще отходит в дальнюю часть комнаты, пока я раздеваюсь.

Я всё снимаю и складываю одежду, трусики и бюстгальтер в платье, чтобы не нашли GPS, и смотрю на дверь. Я могла бы сбежать до того, как он выстрелит. Но что тогда? Тогда Наоми пропадет навсегда. Втянув в себя воздух, я прижимаю к себе комок одежды.

Через мгновение охранник возвращается с наручниками, забирает одежду из моих рук и к одной из них пристегивает наручники. Другой конец наручников он цепляет к металлическому столбу в центре комнаты. На вершине столба несколько железных колец.

— Стой, — говорит он мне. — Хорошая собака, — и смеется мне в лицо.

Уходя, он продолжает смеяться. Я голая в наручниках, пристегнутых к столбу, в окружении извращенных игрушек, созданных для наслаждения только одной стороны, и явно не меня. Там есть шипы, кнуты и вещи, о которых я не имею понятия, но выглядит это всё нехорошо.

Я голая. И в ловушке. У меня нет даже GPS трекера. И никаких следов Наоми. Никого нет. Я застряла в этой комнате пыток совсем одна.

Моя храбрость предает меня, и я начинаю всхлипывать.

Время идёт, и я плачу до хрипа, пока рыдания, вырывающиеся из груди, не становятся уродливыми и болезненными. Кажется, я не могу остановиться. Будто давление, скопившееся внутри меня, взрывается, и не остается ничего, кроме слез.

Я всё испортила. Я должна была найти сестру Дениэла и хакера, но вместо этого, я голая в наручниках в подвале садиста.

Поэтому я плачу. И плачу.

И плачу.

Слышу стук в дверь, который осушает мои слезы, и снова впадаю в ужас. Я выпрямляюсь, насколько помогает шест, и ударяю себя мокрым запястьем в наручнике по голове.

Дверь открывается, и входит женщина в потертой бейсбольной кепке. Она хмурится в мою сторону, закрывает дверь и подходит ко мне.

— Должно быть тихо, пока я работаю. Это правило.

Я испуганно моргаю:

— Что?

— Тишина. Я сказала Хадсону, что, если он хочет, чтобы я была его Императором, мне нужна тишина. Тишина делает атомы счастливыми. Если атомы счастливы, мой мозг функционирует на более высоком уровне.

Она скрещивает руки на груди и разглядывает меня:

— Ты делаешь мои атомы не очень счастливыми.

— Э... извини.

Я кручусь в наручниках. Эта девушка очень странная. Слишком странная, но она одинакового со мной возраста. И у меня рождается подозрение.

— Ты Наоми?

— Я сказала ему, — говорит она, проводя руками по краям потрепанной кепки снова и снова, — если он хочет, чтобы Император работал, должна быть тишина, и все продукты должны быть коричневыми и зелеными. Но не вместе. Это правила. Он сказал, всё в порядке, а теперь ты здесь и шумишь.

Она взволновано трет пальцами край кепки и не встречается с моим любопытным взглядом:

— И я не могу думать.

Я тяжело вздыхаю:

— Я перестану плакать, если ты меня освободишь.

— Правда? — её взгляд быстро упирается мне в лицо и так же быстро уходит.

— Да, правда.

Она рассматривает надетые на мне наручники, снова скользя пальцами по краю кепки, пока думает, и говорит:

— Мне нужно связать тебя где-то в другом месте. Это правила.

— Хорошо, — я быстро соглашаюсь, ведь лучше быть, где угодно, чем здесь в наручниках. — Если ты свяжешь меня в другом месте и дашь мне что-то из одежды, я перестану плакать. Обещаю.

— Хорошо, хорошо, — кивает она, снова перебирая пальцами края кепки. — Я вернусь.

— Нет, подожди, — говорю я, но она уходит также быстро, как появляется.

Борясь с желанием снова закричать, ужас накатывает на меня, как приливная волна, и я задыхаюсь в рыданиях, кажется, уже целую вечность.

Она возвращается, а в руках у неё футболка для сна:

— Вот, — говорит она, протягивая её мне.

Я дергаю наручники над головой:

— Можем мы как-то избавиться от этого.

— Да, конечно.

Она отдает мне футболку, идет к дальней стене и снимает с крюка ключ с такой ловкостью, что я задумываюсь, сколько других женщин она видела в этой комнате. Вернувшись, девушка берет один из странных стульев для секса, поднимается на него и отщелкивает наручники.

— Теперь ты будешь молчать, чтобы я могла работать?

Я прижимаю освободившиеся запястья к груди. Мне снова хочется плакать, но в этом не будет пользы.

— Я буду вести себя тихо. Ты Наоми?

Она моргает, глядя на меня, спускается с табурета и пожимает плечами:

— Большую часть времени, а иногда я Император.

Натянув футболку, я поднимаю руки над головой. На ней изображен Микки Маус. Я стараюсь не удивляться чему-то чистому и детскому в таком странном месте. Приятно что-то носить на себе.

— Император? Это разве не хакер? Ты хакер?

— Я хакер, — соглашается она, снова перемещая взгляд на дверь, будто ей не нравится смотреть на меня. — Но ничего не смогу взломать, если не будет тишины.

— Прости, — говорю я, заламывая руки, чувствую себя такой слабой и разбитой, но и взволнованной одновременно. — Дениэл прислал меня, — тихо бормочу я. — Он здесь, чтобы спасти тебя.

— О, нет, — говорит девушка, снова сминая края кепки, и у неё на лице выражается тревога. — О, нет. Это нехорошо. Он не должен быть здесь.

— Погоди, почему он не должен быть здесь? Ты хочешь быть здесь? — я в шоке.

Наоми смотрит на меня, качая головой, и снова оглядывается.

— Не будь смешной. Конечно, я хочу уйти, но его здесь быть не должно. Это опасно.

Я прикусываю губу:

— Я не смогу передать ему, чтобы он не приходил. У меня был GPS трекер, но его забрали вместе с моей одеждой.

Рассеянно кивнув, она дергает меня за рукав:

— Мы что-нибудь придумаем. Пойдем со мной.

Глава 24

Дениэл

Разрешить Рэйган вернуться обратно к Хадсону – это самое худшее, что мне приходилось делать. Петрович и Мендоза буквально сидят на мне, чтобы я не сорвался и не избил Гомеса до кровавого мяса. Будто я нахожусь у них между штанов.

— Пора, — Петрович всучивает мне дешевые чёрные брюки, белую рубашку и майку.

Это наша униформа. GPS-трекер Рэйган покажет нам её местонахождение. Надеюсь, он подскажет, где моя сестра. Петрович пытается узнать, где его хакер. ОН думает в подвале. Я на это не ставлю.

— Я могу приспособить свой пистолет ко дну подноса?

— Никакого оружия, — напоминает мне Мендоза.

Только тщательно подобранным охранникам Хадсона разрешено носить оружие. Даже те, кто находятся на кухне, отделены экраном, потому что работают с ножами и тяжелыми предметами. Но думаю, это не касается официантов. В какой-то момент нам с Петровичем придется разоружить двух охранников, забрать их оружие и найти Рэйган.

Довольно смешно посещать соединение Хадсона, как персонал без оружия. Мендоза делал это раньше, но тогда он не собирался спасать свою девушку. Догадываюсь, он проходил всё это, но сейчас мы на краю ножа и очень рискуем.

— Ты ел это дерьмо? — спрашивает Петрович, нюхая кубики сырого тунца, проколотого зубочисткой.

— Не все питаются только борщом, — издеваюсь я, поднимая поднос. — Давай сделаем один круг и встретимся здесь, чтобы выбрать цели.

Мужчина кивает, ещё раз с отвращением нюхая тунца, и уходит.

Петрович и я одеваемся в костюмы официантов – дурацкий спектакль с переодеванием. Уже вижу, как люди Хадсона смотрят на нас с подозрением. Если бы только я, то ещё ладно, возможно, сошёл бы. Но Петрович – человек-медведь с суровым лицом, вроде Ника. Невесёлый.

Внутри я насчитываю восемь людей Хадсона, расположенных по углам комнаты, и по двое на каждом входе. Оружия у них не видно, но бдительный взгляд и напряженные позы выдают в них не гостей вечеринки. Охранники в задней части комнаты наименее внимательны, их блуждающие взгляды рассматривают почти раздетые тела женской

аудитории. В понимании Хадсона вечеринка – это сочетание один к одному, каждому мужчине по проститутке. Думаю, некоторые из гостей и впрямь бизнесмены, хотя вижу и знакомые военные стрижки. Деньги, выпивка и беспорядочные половые связи – так заканчивается карьера многих.

— Парни сзади, — сообщаю я Петровичу, когда мы встречаемся в комнате ожидания, куда с кухни вывозят подносы с едой.

Он кивает:

— На улице четверо. Сначала вытащи двоих у французских дверей. Я отвлеку внимание.

Забрав поднос, я подхожу к задней части комнаты, где проходит вечеринка. Французские двери открыты, так как люди постоянно выходят, направляясь к бассейну. Женщины раздеваются и сбиваются в стайки. Достаточно легко я убираю охранника справа. Ещё проще выходит с левым: ему приходится удар коктейльной вилки в шею, которую я подобрал у центрального стола. Он падает, но это остается незамеченным, потому что в этот момент слышится громкий голос Петровича:

— Бомба. Там самодельная бомба.

Гости начинают кричать, разбегаясь в разные стороны, и никто не понимает, где именно заложена бомба. Скрутив охраннику шею, я позволяю ему рухнуть на пол. Через секунду его жилет оказывается на моих плечах, и ощущаю знакомое полуавтоматическое оружие в руке. Я вырубаю ещё одного охранника, ударив его локтем в нос. Два есть, еще миллион впереди. За рукопашным боем я наблюдаю, как Петрович отключает еще одного охранника на полу. У меня есть оружие и боеприпасы для двоих. Достаточно. Рывком головы я показываю, что направляюсь в частные комнаты дома Хадсона. Вытащив из кармана телефон, я включаю GPS-трекер. Как сказал Мендоза, он хорошо работает в пяти метрах.

Сигнал показывает, что она где-то северо-западнее моего положения, но на северо-западе я вижу только хорошо подстриженный газон. Там нет построек, и дом кончается террасой у бассейна с французскими дверями. Значит, подвал. Чёрт. Жаль, что у меня нет плана этого места. Трекер не показывает глубину, только место. Рэйган приводят на север и возвращают обратно. Частная половина дома закрыта от меня. Мне нужно найти другой способ туда попасть. На кухне творится хаос. Люди бегают и кричат, сбивая друг друга. Я хватаю за воротник прохожего, пробегающего мимо меня.

— Где подвал? — спрашиваю я по-португальски.

Пожав плечами, он извивается, как червяк на крючке. Хреново.

— Где этот чёртов подвал? — кричу я, но никто не отвечает сумасшедшему техасцу.

Я начинаю методично открывать двери. Шкаф, кладовая, лестница в подвал. Бинго. Я спускаюсь мимо деревянных полов с сыром и бочонков с вином. Здесь пахнет прохладой и свежестью, будто тут постоянно циркулирует воздух. Толстые кирпичные стены скрывают лестницу, и я слышу только шум воды и звук электричества.

Зайдя глубже, понимаю, что подвал по размерам намного больше дома. Около тридцати футов, комната в комнате. На стенах ничего, кроме продуктов и бутылок с вином.

Но свежесть и качество воздуха не укладываются в тридцатифутовую комнату. Подняв голову, я вижу воздуховод и коммуникационные трубы, которые не заканчиваются у кирпичной стены, а продолжают дальше. Я начинаю стучать в поисках отверстия. Между двумя бочками вина и какими-то ящиками нахожу вертикальный шов в кирпиче. Я прикладываю ногу к углублению и нажимаю вниз. Затаив дыхание, я жду, и наконец, слышу звук разблокировки механизма сцепления. Небольшой толчок, и скрытая дверь толкается внутрь на хорошо смазанных петлях. Шум электричества становится громче. Интересно, здесь ли держат хакера? Это объясняет трубопровод, хорошо циркулирующий воздух и шум.

Держа оружие наготове, я медленно иду по коридору, будто приклеенный одним плечом к кирпичной стене.

— Я голодна, — слышатся женские голоса, голос приглушенный, но похож на Рэйган.

— Чего ты хочешь?

— Порцию корневого пива. Для меня и моего нового друга. Думаю, она выглядит так, будто ей необходимо корневое пиво.

— Хадсону не понравится, что ты привела её сюда.

— Меня беспокоил её плач. Разве тебя нет? Как я должна работать, если она постоянно плачет?

Боже, этот голос. Я знаю этот голос.

— Ты будешь той, кто плачет, если он посадит тебя в шкафчик. В прошлый раз он сделал это, когда ты плакала несколько дней, — отзывается мужской голос.

— И он потерял несколько сотен миллионов долларов, поэтому думаю, в ближайшее время я в шкафчик не вернусь. В этом нет смысла.

Ох, Иисусе. Я сползаю на задницу. Это Наоми. Облегчение, которое я испытываю, слыша её голос, вымывает всю мою энергию. Мне хочется лечь на бетон и заплакать, как ребенок.

— Считать, что Хадсон принимает рациональные решения, это твоя первая ошибка.

Наступает пауза, и слышу, как он говорит:

— Император хочет корневого пива. Давай два.

Ещё одна пауза.

— Чёрт возьми, что там происходит?

Я подбираюсь поближе к двери, теперь голоса отчетливо слышны, и убираю пистолет в карман. Моя сестра в этой комнате, а может быть, даже и Рэйган. Не могу рисковать, чтобы они попали под перекрестный огонь.

— Хорошо, — он кажется раздраженным. — Я сейчас подойду, — какие-то шуршащие звуки. — Что-то происходит наверху. Оставайся на месте.

— А куда мне еще идти? — в вопросе нет сарказма, Наоми действительно не знает.

— Не шатайся тут, даже если кто-то заплачет, — голос и шаги человека приближаются ко мне.

Не знаю, кто ещё в комнате, поэтому присаживаюсь на корточки. Резко поднявшись, я бью мужчину кулаком в нос. Звук хрустящего хряща в черепе крайне удовлетворяет. Он спотыкается, и я толкаю его, садясь сверху. Одной рукой хватаю его за горло, а левое колено ставлю на его яйца. Вытащив пистолет, я быстро осматриваю комнату. На стуле со связанными руками и ногами с заклеенным ртом сидит Рэйган. Её глаза широко раскрыты от испуга и злости. Это раздражает меня. За компьютером сидит моя сестра Наоми, которая кажется чуть старше, чем была восемнадцать месяцев назад. У неё бледная кожа и светлые глаза, будто никогда не видевшие солнечного света.

Больше никого.

— Отвернитесь, — кричу я девушкам, но в ответ, ничего. — Чёрт, — говорю я.

Дважды надавив на горло сбитого охранника, я выпускаю из него весь кислород. Я не оставлю его на волю случая. Вытащив его в коридор, я простреливаю ему в голову и грудь.

— Он был из Массачусетса, — говорит моя сестра.

— Даже не знаю, почему, это совсем неважно.

Не дождавшись её ответа, я сгребаю её в объятия.

— И не хочу слышать, как тебе не нравится, когда тебя трогают. Сегодня это не пройдет.

В моих объятиях она стоит, словно аршин проглотила, но мне всё равно. Облегчение, скорбь, радость — всё стерто ливнем эмоций. Я справляюсь с этим и заставляю её терпеть, потому что благодарен тому, что вижу её живой. Я крепко сжимаю её и направляюсь к Рэйган. Её глаза сверкают. Если бы не было моей сестры и мертвого тела в коридоре, я бы сделал намного больше, но лишь утыкаюсь в её мокрую шею, поблагодарив всех богов за такую милость.

— Это поможет?

Повернувшись от толчка в плечо, я вижу Наоми с длинным ножом в руках. Полагаю, она взяла его у мертвеца. Я коротко киваю и срезаю путы Рэйган. Когда она освобождается и оказывается в моих руках, у неё катятся слезы. И почти уверен, что некоторые из них мои.

Рэйган

Это была идея Наоми — связать меня, но держать рядом. Думаю, охранники привыкли к её странному поведению. Она просто протанцевала вместе со мной в свое рабочее помещение, усадила и связала сложными узлами, проверяя каждый снова и снова, бормоча что-то про себя. Но она не крепко меня связывала, и, судя по её взглядам, это была игра.

А потом дверь распахнулась, и вошел Дениэл. Я почти не замечаю, как без особых усилий он убрал мужчину за несколько секунд. Самое главное, что он здесь, он пришел за мной. К своему стыду, я снова заплакала, но говорю себе, что должна быть сильной, бойцом, которым Дениэл меня считает.

Но я продолжаю плакать. Я была так напугана, а видеть его снова — это самое главное сейчас.

Я кручусь в веревках, пока Дениэл обнимает сестру. Вижу облегчение и счастье в выражении его лица, когда он прижимает её. Я знаю этот взгляд. Он достиг цели и нашел давно пропавшую сестру. Теперь он может вернуться домой.

Странно, но меня это пугает. Если Дениэл закончил свои дела, что это означает для меня? Собирается ли он отпустить меня домой, похлопав по плечу, как воспоминание?

Однако сейчас нет времени думать об этом. Так же быстро, как обнимает сестру, он подходит ко мне и разрезает узлы Наоми за считанные секунды, затем обнимает меня,

зарываясь лицом в мою шею. Чувствую, как он дрожит, и с удивлением понимаю, он боится за меня так же, как за сестру.

И слезу текут с новой силой.

— Прости, — говорю я, прижавшись к Дениэлу. — Я пыталась быть бойцом, но они забрали всю мою одежду и приковали меня в той комнате, а я не могла...

Обрывками всхлипов заканчивается моя речь.

— Ш-ш-ш, — он гладит меня по волосам. — Ты самая смелая девушка, которую я знаю. Не за что извиняться.

Я цепляюсь за него и начинаю покрывать поцелуями его лицо, шею и всё, до чего могу дотянуться. Я так рада снова видеть его. Знала, он вернется за мной. Но знать и видеть – это разные вещи. В те долгие минуты, пока была в ловушке голой в подвальной тюрьме Хадсона, я переживала, что моя удача ушла и отмеренное мне счастье кончилось.

Наоми издает недовольные звуки, поэтому Дениэл неохотно отрывается от меня и ставит на ноги рядом с собой. Он сжимает мою руку в своей, и я так рада. Затем отпустив мою руку, он отдает мне пистолет, что делает меня ещё счастливее.

Обернувшись к Наоми, он рассматривает её. Девушка съёживается, сморщив нос, когда он снова обнимает её и касается в поисках синяков.

— Ты в порядке, Наоми? Тебе не больно?

Она поднимает палец:

— У меня порез от бумаги.

Он смеётся, и на мгновение кажется таким беззаботным, что мне тоже хочется смеяться.

— Нет, я имею в виду, эти козлы причинили тебе боль? Они прикасались к тебе?

— Не знаю, почему ты недооцениваешь мой бумажный порез, — недовольно говорит Наоми. — Он довольно глубокий.

Дениэл наклоняется и целует её в щеку:

— Я люблю тебя, дурочка. Ты ведь это знаешь, да?

— Я в порядке, — говорит она, смягчившись. — То, о чем ты спрашиваешь. Никто не причинил мне вреда.

Выскользнув из его рук, она начинает поправлять воротник Дениэла и разглаживать складки на рукавах.

— Слава Богу, — на мгновение он расслабляется, глядя меня. — Пойдем, — говорит он. — Нам нужно убраться отсюда. Нужно найти еще одного парня, и мы покинем эту индюшачью ферму.

— Это не индюшачья ферма, — говорит Наоми, взволновано разглаживая лоб.

Она снова теревит края кепки пальцами. Видимо, это нервная реакция.

— Это экстремистское соединение. И если они узнают, что я сбежала, они убьют маму и папу. Я не могу уйти.

— Они никого не убьют, Наоми. Я обещаю, — в словах Дениэла столько уверенности, что даже я верю. — А сейчас пойдем. Нам нужно убираться отсюда.

Но Наоми колеблется и качает головой. Развернувшись к столу, она начинает поправлять предметы на нем, будто порядок остановит тревогу, растущую в ней.

— Я не могу уйти. Не могу. Если я уйду, пострадают все.

Дениэл с раздражением смотрит на сестру, когда она садится за стол. Он подходит ко мне:

— Ты в порядке, боец?

Я киваю, потому что не способна на другую реакцию.

— Хорошо. Ладно. Оставайтесь здесь и стреляйте в любого, кто пройдет через эту дверь, если это не я или Петрович. Чёрт, стреляйте и в Петровича. Мне плевать. Оберегай себя и Наоми, не беспокойся о Петровиче. Всё, о чем он думает, где найти хакера.

— Здесь, — подает из-за стола голос Наоми, поднимая руку, как в классе за партой.

Прежде чем Дениэл успевает что-то сказать, массивная фигура заполняет дверной проем. Мы поворачиваемся к нему с вытянутыми пистолетами.

Это Петрович, и мгновение мой палец чешется на курке. У него лицо забрызгано кровью, и на нем такая же смешная униформа официанта, как у Дениэла. Учитывая его огромное тело, форма так плотно облегает его, будто её набили им изнутри. В его руках пистолет, и дикий взгляд.

— Нам нужно уходить прямо сейчас, — говорит он зловещим глубоким голосом.

— До свидания, — печально говорит Наоми со своего рабочего места.

— Вы нашли хакера? — спрашивает Василий.

— Здесь, — снова повторяет Наоми, поднимая руку.

Она не смотрит ни на кого в комнате, а просто возвращается к набору текста.

— Наоми – Император, — шепчу я Дениэлу, ближе придвигаясь к нему, пока Петрович заходит в комнату. — Она и есть хакер. Она — тот человек.

— Я знаю, — выдыхает Дениэл.

— Тогда она моя, — удовлетворенно говорит Василий нам, и обращается к Наоми: — Ты пойдешь со мной.

— Подожди минуту, — начинает Дениэл.

Поднявшись, Наоми смотрит на Петровича своим странным «я-не-смотрю-в-глаза» взглядом, а затем протягивает руку и поправляет его воротник.

— Я не пойду с тобой.

Дениэл

— Может, мы обсудим это позже?

Нет, моя младшая сестра не пойдет с этим хреновым Петровичем. Я сам убью его, если понадобится. Но сейчас мне нужны его мышцы, чтобы выбраться отсюда.

— Там стоит грузовик с доставкой еды, они отказались от него. Идем, — приказывает Петрович.

— Идем, — жестом я подсказываю девушкам.

И через секунду мы идем за Петровичем в коридор, пробегая по подвальному помещению под кухней. Петрович поднимается по лестнице и делает два выстрела, затем чертыхается, когда его магазин падает по ступенькам. Я понимаю, что у него кончились патроны.

— Отдай ему свой пистолет, — приказываю я Рэйган.

— Что? — она сжимает черный ствол обеими руками. — Нет!

— Отдай мне чёртов пистолет, глупая женщина, — Петрович хватается за оружие, но Рэйган сопротивляется.

— Не называй её глупой, ничтожество.

Я поднимаюсь на лестницу мимо Наоми, отодвигая Рэйган, и вручаю ему свой пистолет:

— Вот, возьми мой. Раз ты такой глупый дебил, что у тебя кончились патроны.

Рэйган вытирает нос и неохотно передает мне свой пистолет.

— Спасибо, боец, — и я быстро целую её в губы.

Я подталкиваю Рэйган к Петровичу, используя его, как щит. Какое мне дело, если тело медведя обстреляют пулями? Хочу, чтобы мои девушки вышли из этого гадкого места.

Двое людей Хадсона баррикадируются за кухонным островом и стреляют сериями, когда показывается голова Петровича.

— Ёбанный пидарас, — ревет он по-русски, быстро нагибаясь, и выпускает пять пуль.

Слышу ответный огонь и обнимаю сзади Рэйган. Позади меня слышится суровое дыхание Наоми, её беспокойство растёт.

— Чёртов ублюдок, — переводит она без нужды, или возможно, для Рэйган, а затем начинает раскачиваться на пятках. — Слишком громко, — повторяет она, закрывая уши руками.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Последнее ругательство я выкрикиваю вслух. Я должен вытащить их. Рэйган плачет, но успокаивающе кладет руку на плечо Наоми. У меня нет времени объяснять Рэйган, что Наоми не переносит чужих касаний, и Наоми пронзительно кричит.

— О, чёрт. Прости, Наоми, — говорит Рэйган, немедленно убирая руку.

Моя сестра раскачивается взад-вперед с руками на ушах.

Петрович смотрит на нас, как на цирковую труппу. Кажется, он хочет нас пристрелить, чтобы избавить от страданий.

Чёртово дерьмо.

— Оставайтесь здесь, — приказываю я, присаживаясь рядом с Петровичем.

Выстрелы слышны чаще, и я чувствую жар в боку. Чёрт, я разорвал заклеенную рану. Армия стекается к задней части дома, слышны шаги по плитке и штукатурка сыплется нам на головы.

— Всё бы отдал сейчас за С4, — шучу я с Петровичем, но он просто хрюкает в ответ.

— У тебя есть план? — спрашиваю я.

— Стреляем. Убиваем. Убегаем, — отвечает Петрович.

— Отличный план. На два? — я показываю наверх.

Он понимающе кивает.

— Раз. Два.

Мы поднимаемся и заходим за остров. Люди Хадсона оглядываются по сторонам, но слишком поздно. Я стреляю одному в голову, Петрович другому. На мгновение воцаряется тишина, лишь от выстрелов.

— Сейчас, — я жестом руки с пистолетом зову девушек, но Наоми не двигается, а Рэйган не знает, как следовать моему приказу и оставить Наоми.

Если бы я не полюбил её раньше, то сделал бы это сейчас, видя какую заботу о Наоми проявляет Рэйган. Да, Рэйган никогда от меня не избавится.

Мой бок обжигает сильнейшей болью, но я бегу к Наоми, и только Петрович опережает меня. Он поднимает её и перекидывает через плечо, как мешок с рисом.

— Идем.

Мне не нужно еще одно приглашение. Я хватаю Рэйган за руку и выбегаю наружу. Там стоит фургон с открытыми дверями и металлическим сайдингом, пронизанный пулями. Я бросаю Рэйган внутрь, и Петрович делает то же самое с Наоми. Мы закрываем двери, и Петрович идет к капоту. Он совершает какие-то манипуляции, прежде чем перейти на сторону водителя.

— Заглушка на зажигании? — спросил я.

Кивнув, он включает передачу и трогается. Девушки летят по салону.

— Держитесь, — кричу я.

Рэйган поднимает Наоми, когда я выхожу, чтобы убрать охранников у ворот.

— Не останавливай эту чёртову машину.

Петрович хрюкает, но не замедляется. У меня осталось шесть пуль. Там три охранника. Фургон раскачивается, как пьяный, который идет по железнодорожным путям. Подняв пистолет, я замечаю первого охранника в полуприсяде, простреливая ему коленную чашечку, и он падает. Фургон наклоняется в сторону Петровича.

Затем охранник у ворот. На него требуется два выстрела. Один в лоб. Пуф. Другой в грудь. Для гарантии. Третий охранник находится со стороны Петровича. Мне приходится вытащить свою задницу в окно фургона и стрелять через крышу. Ответный выстрел прилетает мне в плечо, поэтому я промахиваюсь с первого раза. Но тут же исправляюсь, и следующими двумя сбиваю охранника с ног, когда Петрович врывается в закрытые ворота. Силой удара меня выбрасывает вперед, и я мог бы выпасть из фургона, но Петрович и Рэйган затаскивают меня обратно.

— Спасибо, боец.

Рэйган посылает мне слабую улыбку. Обернувшись, я вижу, что Наоми лежит на полу, свернувшись калачиком. Главное, что она жива. Святые угодники. Мы все в порядке. Петрович несется, как сумасшедший к фавеле Слезы Бога, но кажется, мы едем слишком долго.

— Кажется, я разорвал склеенную рану на боку, — говорю я Рэйган.

Она взволновано смотрит на меня:

— Дай мне посмотреть.

— Нет, там ничего страшного, — хотя я чувствую небольшое головокружение, возможно, из-за того, что чуть ли не выпал из фургона. — Хочу, чтобы ты знала, ты была там чертовски изумительна.

— Точно, — фыркает она. — Я бежала, кричала и не отдала пистолет Петровичу.

— Ты пыталась позаботиться о моей сестре во всем этом дерьме. Спасибо, — говорю я ей. — А теперь поцелуй меня, будто я герой.

Она широко улыбается и садится ко мне на колени. Я игнорирую болезненное жжение в боку и плече, ведь какая разница? У меня на коленях теплое тело Рэйган Портер. Боец. Выжившая. Надравшая задницы.

— Я говорил, что люблю тебя?

— Ещё нет.

— Я люблю тебя, малышка, — ворчу я.

Я тяну её вниз, прикасаясь к ней губами и скользя в ней своим языком, что посылает электрические разряды вниз к моему паху. Она прижимается ко мне, и я наслаждаюсь ощущением легкого прикосновения её груди к моей. У меня в мыслях пробегают воспоминания о нашей жаркой ночи. Я скольжу руками ещё ниже, чтобы погладить её попку и притянуть к себе ближе.

— Ох, — выдыхаю я, когда она прижимается рукой к моему плечу.

Рэйган убирает руку, но я возвращаю её. Не могу насытиться ей. Мне хочется поднять её футболку и коснуться кончиком языка её соска, а затем взять в рот всю её грудь.

— Ух, — снова вздыхаю я, когда острая боль обжигает плечо.

Немного сдвинувшись в сторону, мне удастся сместить её руку. Облегчение приходит немедленно. Но я не могу перестать целовать её. Мне всё равно, что Петрович в паре метров от нас.

Моя единственная мысль — стать ещё ближе с ней. Девушка обнимает меня своими мягкими руками и ласкает мое лицо. Я пытаюсь открыть глаза, чтобы посмотреть на неё, и увидеть её похотливый взгляд, разглядывающий меня. Но какой-то туман застилает всё. Прикосновение её губ слабеет, и она зовет меня по имени. Я изо всех сил пытаюсь ей ответить и открываю рот, но из него не исходит ни звука. Рэйган. Я зову её. Рэйган. Рэйган. Рэйган. Но ответа нет. Ни звука. Только гул в ушах. А потом... ничего.

Глава 25

Рэйган

В мире нет ничего хуже, чем целовать мужчину и почувствовать, как он абсолютно деревенеет под тобой.

Сначала я не понимаю, что происходит с Дениэлом. Мы целовались, и усилившийся адреналин от побега из соединения Хадсона сочится из его тела в моё. Но затем его тело замирает, а я смущаюсь. Я сижу и понимаю, что искры из его глаз пропадают.

— Дениэл?

Когда он закатывает глаза, я кричу:

— Дениэл? — повторяю я его имя снова и снова, шлепая его по щекам. — Дениэл? Дениэл!

Без ответа. Я откидываюсь от него и задыхаюсь от увиденного. Его рубашка пропитана кровью на плече.

— Боже мой, он же ранен!

— Слишком громко, слишком громко, — стонет позади фургона Наоми с прижатыми руками к ушам, свернувшись в калачик. — Слишком громко.

— Заткнитесь все, чёрт возьми, — кричит на нас Василий. — Я же за рулем!

Я хочу успокоить Наоми, но мне так страшно за Дениэла. У него такое бледное лицо. Я разрываю окровавленную рубашку, чтобы взглянуть на рану. Из его плеча идет кровь, но та, что на боку выглядит хуже. Похоже, в него попали второй раз, и отовсюду хлещет кровь. Мне хочется задушить в себе всхлипы, и я разрываю рубашку, чтобы прижать к ранам и остановить кровь. Я вся в крови. Я бы и свою футболку разорвала, но на мне ничего больше нет.

Я немного раздумываю, оголиться ли. Чёрт. Да все равно. Десятки людей видели меня и касались моего тела. Всё, что имеет значение, лишь бы Дениэл выжил.

— Слишком громко, — снова скулит Наоми.

Василий бормочет проклятия и смотрит в зеркало заднего вида, когда раздается выстрел.

— Нас преследуют.

— Конечно, нас преследуют, — кричу я.

Я передвигаю руки по телу Дениэла в попытке остановить кровотечение. Оно слишком сильное, и во мне поднимается паника.

— Ты прямо у него из-под носа увел его Императора. Вряд ли он опустит руки и скажет: «Ну, и ладно».

Огромный русский бросает на меня гневный взгляд:

— Разбуди его. Он нужен мне, чтобы отстреливаться.

— Хрен тебе, — отвечаю я. — Он ранен.

— Мы тут все будем ранены, если кто-то не приведет его в норму, — рычит он на меня.

Я смотрю на Наоми, но она не в себе. Не знаю, что делать. Отпустить Дениэла и надеяться, что он не истечет кровью? Или держать его и надеяться, что нас не подстрелят?

— Мы можем вернуться обратно в Слезы Бога?

— Если мы не начнем отстреливаться, они пробьют нам шины. Тогда мы уже никуда не доедем, — кричит Василий, протягивая мне пистолет.

— Хорошо! Хорошо, чёрт возьми! — и я выхватываю у него пистолет. — Наоми, — ору я, хотя голос готов сорваться. — Немедленно приложи руки к ранам Дениэла.

— Грязно, — вздыхает она, держа руки на ушах.

— Чем скорее ты сделаешь то, что я говорю, тем скорее мы окажемся в безопасном и спокойном месте, — говорю я ей, снимая пистолет с предохранителя по пути в заднюю часть фургона.

Я замираю, когда заднее окно разбивается. Василий снова разливается в проклятьях, а Наоми кричит, но двигается в сторону Дениэла.

Это хорошо. Я игнорирую разбитое стекло на полу и ползу вперед. Потом разберусь с этими ранами. Липкими кровавыми руками сложно удержать пистолет, но я поднимаю его даже тогда, когда фургон поворачивает, и стреляю. Два раза.

Пули не достигают цели, но радует, что машина Хадсона притормаживает. Если я смогу удержать их на расстоянии, то хотя бы выиграю нам время.

— Чёрт, давай веди быстрее, — кричу я Василию.

Он вдавливая педаль газа, и меня отшвыривает к стене фургона. Ну, хотя бы я получала желаемое. Я вздрагиваю, когда к моим ногам еще сыплются осколки стекла, но снова поднимаю пистолет. Если бы я смогла попасть в лобовое стекло.

Прикусив губу, я держу пистолет двумя руками и начинаю стрелять. Каждый выстрел безумно громкий и с сильной отдачей. И каждый раз я промахиваюсь. Каждый

проклятый раз. Затем к моему удивлению, удачный выстрел пробивает лобовое стекло машины, и оно трескается. Машина Хадсона резко уходит в сторону.

— Продолжай стрельбу, — говорит мне Василий, будто я и без него не знаю.

Я стреляю еще, целясь на уровне глаз, но снова промахиваюсь, и решаю поменять тактику.

Есть! На этот раз лобовое стекло разбивается, и я наблюдаю, как машину заносит.

— Да! — кричу я.

— Громко! — вопит на меня Наоми.

— Прости, — бормочу я, снова прицеливаясь.

Они все еще преследуют нас, но не так близко, петляя на узкой дороге.

Я нажимаю курок, но слышен лишь щелчок. Чёрт.

— Патроны кончились, — кричу я Василию.

— Мы почти приехали, — орёт он в ответ. — Держись. Будет жарко!

Даже не успеваю спросить, что это значит, когда мы ускоряемся так резко, что меня бросает в противоположную стену. Я врезаюсь в ящик, который гремит, будто там миллион серебряных шуток. Это подсказывает мне идею. Отбросив пистолет, я рывком открываю запертый шкаф и начинаю вытаскивать из него столовые приборы, выкидывая их в окно. Возможно, это даст нам время и поможет сдержать машину на расстоянии, если удастся попасть по машине Хадсона.

Они снова открывают огонь, но их безумно ведет на дороге, как и нас. Я снова ударяюсь в стену и вижу звезды, когда удар о дверь фургона приходится по моей голове. На следующий день я почувствую эту боль, а сейчас адреналин носится по венам так, что даже не останавливаюсь. От каждой горстки вилок автомобилю Хадсона нужно уворачиваться.

Слышу, как Василий бьет по тормозам, и меня снова бросает в стену фургона. Господи. Я стану чёрно-синей к концу этого бегства.

— Мы приехали, — кричит Василий.

В ужасе смотрю, как фургон останавливается, и Хадсон едет за нами.

— Он по-прежнему сзади, — кричу я. — Василий!

— Хорошо, — говорит он самым жестоким голосом, который я когда-либо слышала.

Хадсон приближается к нам, и прежде чем я успеваю потребовать от Василия уехать, раздаются выстрелы. Оставшиеся окна в машине Хадсона разлетаются вдребезги, и кто-то кричит что-то по-португальски. Я вижу поднятые вверх руки.

Хадсон окружен.

Взрыв облегчения окатывает меня, и я ползу в переднюю часть фургона к Дениэлу. Наоми прижимает руки его ранам. Он всё ещё дышит, но выглядит таким бледным.

— Нам нужен доктор, Василий, — говорю я, но он не выходит со своего водительского места.

Я оглядываюсь, и замечаю вооруженных людей, роющихся в машине Хадсона. Это Мендоза и его люди.

О, Слава Богу. Открыв пассажирскую дверь, я практически вываливаюсь на бетон голая, вся в крови и слезах.

— Мендоза, — кричу я. — Дениэлу нужен врач. Его подстрелили.

Он бросается ко мне, отдавая приказы своим людям. Кто-то вручает мне рубашку. Я пытаюсь встать, но боль подкашивает меня. Упав на землю, я разглядываю подошвы своих стоп, из которых сверкают осколки стекла, и не могу стоять.

— Дениэл, — говорю я, когда кто-то пытается мне помочь. — Помогите Дениэлу!

Мужчины вытаскивают кого-то из фургона, указывая на него. Надеюсь, это доктор. Мендоза натягивает рубашку на мое обнаженное тело, и я притягиваю к себе одну из пронизанных стеклом ног.

— Пойдем, — говорит Мендоза. — Поправь рубашку. Отведу вас обоих, тебя и Дениэла в лазарет.

Я киваю, просовываю руки в рукава рубашки и застегиваю её. Мендоза поднимает меня на руки. Мне хочется закричать, чтобы он не трогал меня, но я не могу ходить. Больше всего на свете я хочу Дениэла. Подняв голову, я вижу, что несколько людей ведут его внутрь. Вдалеке Хадсон, окруженный десятками вооруженных людей, стоит с поднятыми руками над головой. Это хорошо.

Как только мы проходим в ворота соединения, слышу звук заведенного двигателя. Вздвигнув, я поворачиваюсь в ту же секунду, что и Мендоза. Мы смотрим, как фургон, развозящий еду, выезжает, несмотря на количество людей во дворе.

Я оглядываюсь. Наоми ещё внутри.

Как и Василий.

Друг Дениэла снова похищает его сестру. О, нет. У меня сердце уходит в пятки.

— Нам нужно переливание крови, — кричит кто-то впереди, и я забываю обо всем, кроме Дениэла.

Я держусь за плечи Мендозы, пока наконец, не оказываюсь в больнице вместе с Дениэлом.

И всё, что мне остается – это наблюдать, как Мендоза и доктор работают над телом мужчины, которого я люблю.

Глава 26

Дениэл

— Сержант Хейз, Вам звонок из Красного Креста.

Я смотрю на столик для пикника, у меня есть десять и пять. Рубенс – один из штурмовиков моего отряда тычет мне картой в лицо. Там четверка. Я сражен или ещё в строю?

— Погоди, — говорю я. — Ты сказал Красный крест?

Младший капрал, доставляющий новости, жестко кивает головой. Звонок Красного Креста – это экстренный вызов на специальный номер, который соединяет семьи военных даже с солдатами на задании, независимо от того, где они находятся. За восемь лет у меня не было такого ни разу. Даже когда я был в театре, а у моего старика был сердечный приступ. Случай был не тяжелый, но узнал я о нем по электронной почте через четыре дня после того, как вернулся с задания в Бейруте, где помогал ливанцам в наступлении на ведущего челна «Аль-Каиды». Вооруженные силы США с удовольствием используют Ближний Восток и площадку в Афганистане для запуска всех миссий специальных сил.

— Добей меня, — говорю я снайперу-разведчику из моего отряда, и он кладет восьмерку.

— Чёрт.

— Облажался, — каркает Рубенс, вытаскивая сигареты, которые мы используем в качестве валюты.

Три из них ломаются, и табак сыплется на потрескавшуюся деревянную поверхность.

— Сержант?

Я дергаю головой. Ничего хорошего от звонка Красного Креста не будет, но я иду и поднимаю трубку телефона, будто она тяжелее, чем пятидесятисантиметровый пулемет.

— Твою сестру похитили. Тебе нужно вернуться домой и найти её, — голос моего отца хрипит, будто он всю ночь плакал, хотя скорее, кричал на людей.

Я пошатываюсь в поисках стула. И не найдя, сажусь на землю.

— Когда? — спрашиваю я.

Мне нужны детали, но в ответ только тишина. Наконец, отец выдыхает:

— Два дня назад.

— Два чёртовых дня, а ты звонишь мне только сейчас? — кричу я.

Мое сердце тяжело и быстро стучит, я боюсь, что оно выскочит из груди. Это моя ошибка. Всё моя чёртова ошибка. Я тот, кто уговорил её поехать в эту поездку на весенние каникулы и почти издевался над ней рассказами о том, что ей нужно проводить время с ровесниками.

— Тебе нужно вернуться домой, Дениэл, — голос моей мамы такой тихий, что я едва её слышу, она плачет, а её слезы похожи на слезы Наоми. — Дениэл, приезжай домой.

Ещё слезы. Много слез.

— Спаси меня, Дениэл.

Я видел эти слова на тысячах лиц. Охота за Наоми началась в Канкуне, но провела меня повсюду. От Филиппин до Дубая, России и Лондона. Девочек продают повсюду. Их красные рты округлены, а крошечные руки тянутся ко мне. Но прежде чем я успеваю дотянуться до них, какой-то стрелок убирает одну за одной. Я поворачиваюсь, чтобы остановить стрелка, но там никого нет. Что-то с тяжестью оттягивает мою руку, а затем я вижу в ней дымящийся пистолет и с криком бросаю его.

У меня на плече и талии полыхает пламя. Я горю. Думаю, это адское пламя. Я в аду, и горю за свой провал. За свои грехи.

— Дениэл, стоп.

Это Рэйган.

— Боец, жди меня, — говорю я ей. — Я приду за тобой.

Что-то влажное падает мне на лицо.

— Ты обещал не оставлять меня, — кричит она.

Её крики такие громкие. Я вижу Хадсона рядом с ней, в его руке хлыст, которым он снова бьет её. Схватив его, я оттаскиваю его подальше. Но там еще один мужчина, и я не могу дотянуться до неё.

— Рэйган, — кричу я. — Я иду. Подожди.

Чьи-то руки пытаются удержать меня, но я должен добраться до неё. Я не оставляю её. Я должен сдержать свое обещание.

— Не возвращайся домой, пока не найдешь её, — суровое лицо моего отца всплывает рядом со мной.

Моя мать лежит у его ног, и кто-то трясет меня за руку.

— Я иду, Рэйган, дождись меня.

Меня обездвигивают, но им меня не удержать.

— Я не уйду без тебя, — реву я.

Затем удар в лицо покрывает всё чернотой.

Глава 27

Рэйган

Часами я болтаюсь возле Дениэла, держа его за руку. Он спит из-за тяжелых наркотиков и не знает, что я рядом с ним. Но я всё равно держу его за руку. Ему сделали переливание крови и зашили раны, он стал нормального цвета, и они уверяют, что с ним всё будет в порядке. Но я не поверю им, пока он не проснется, не улыбнется и не назовет меня бойцом. Вот, тогда я поверю, что он в порядке.

Тогда я скажу ему, что его сестра снова пропала.

Василий исчез. Мендоза послал людей охотиться за ним, но Наоми и Василий бесследно исчезли. Мендоза думает, что Дениэл знает, где Василий спрятал Наоми. Я тоже надеюсь на это, и переживаю, он будет в ярости, что я недостаточно сделала, чтобы остановить Василия от похищения. И поэтому я беспокоюсь, что Дениэл будет ненавидеть меня за то, что я ещё здесь, а Наоми нет.

В основном, я сижу и беспокоюсь.

Один из врачей фавелы, раскачиваясь, проверяет Дениэла. У Дениэла появился новый синяк на лице, когда Мендоза схватил его за лицо, чтобы тот перестал кричать. Доктор улыбается мне. Думаю, он впечатлен тем, что я никогда не уйду. Он проверяет жизненные показатели Дениэла, меняет пакет с четвертой группой крови и собирается уйти.

— Он скоро очнется? — мягко спрашиваю я.

Доктор выглядит неуверенно:

— Скоро. Как твои ноги?

— Всё в порядке, — уверенно заявляю я.

Хотя ноги кровоточат из-за стекла, извлеченного из них, но это не важно. Дениэл — это всё, что имеет значение.

— Скоро — это когда?

Доктор пожимает плечами и поворачивается, чтобы уйти. Он выглядит таким беззаботным. Возможно, этот мужчина слишком часто зашивает пулевые ранения. Он кивает мне:

— Скоро.

И он снова уходит.

Я целую руку Дениэла. Он так неподвижно лежит на постели, но мне не хватает его активности. До сих пор я не осознавала, насколько живым был Дениэл, и как сильно мне хочется видеть эту дьявольскую улыбку на его лице.

Но вместо этого я сижу здесь и считаю каждый его вздох, надеясь, что он не последний.

— Ты обещал, что не оставишь меня, — бормочу я в его руку. — Ты обещал, Дениэл.

Он не отвечает. Конечно, нет. Раздумывая, я снова целую его руку и улыбаюсь.

— Знаешь, если бы это был фильм ужасов, мы были бы уже мертвы, — я прерываюсь, будто представляю его возмущенный ответ, а затем киваю. — Это правда. В фильмах ужасов есть куча стереотипов, и все эти стереотипы всегда снимаются. Во-первых, всегда есть распутная блондинка, которая лезет, куда ни попадя. Плохим парням всегда нравится хорошие распутные блондинки.

Представляю, как он смеётся, и глажу пальцами его кожу.

— Они обычно умирают в криках в каком-нибудь непроходимом лесу, потому что на них нелепые туфли на высоком каблуке. И, конечно, всегда есть надменный дерзкий стереотипный мудака. Они тоже умирают довольно быстро. Ты слишком профессионален, слишком хорош в том, что делаешь, и слишком отлично выглядишь. Думаю, кинорежиссеры делают всё возможное, чтобы уничтожить таких парней, как ты.

Я лениво сжимаю его пальцы.

— Это иронично, ведь мы оба знаем, что ты поджаришь любого, кто попытается пройти мимо. И сделаешь это с улыбкой.

— Кто выживет?

Я дергаю головой от этого мягко сформулированного вопроса, а сердце бешено стучит в груди.

Дениэл сужает глаза в щелки и улыбается мне, слегка сжимая мои пальцы:

— Эй, боец.

— Привет, — говорю я.

Мой взгляд размыкают слезы, текущие по щекам. Это такое облегчение. Хоть врач и говорил, что с ним всё будет в порядке, но я больше никому не верю. Я верю только Дениэлу.

Он — всё, во что я верю. И всё, что мне нужно.

— Привет, привет, — у него мягкий голос, и он пытается дотянуться до моей щеки.

— Почему ты плачешь, боец?

Я трясую головой, вытирая слезы:

— Просто перенервничала.

Он ошеломленно оглядывает комнату:

— Наоми?

На мгновение я каменею. Мне не хочется рассказывать ему, что случилось. Не сейчас. Знаю, он вылезет из кровати, отцепит капельницы и пойдет за ней. Но ему нужно ещё отдохнуть.

— Она ушла, — слышу я свой голос, надеясь, что он не будет слишком злиться.

Снова кивнув, мужчина расслабляется на постели и рассматривает меня сонными глазами:

— Ты выглядишь усталой, боец.

Я пожимаю плечами. «Устала, потому что не спала с тех пор, как Дениэла подстрелили», но это звучит жалко, и я сдерживаюсь.

— Всё будет хорошо.

— Как сильно меня ранили?

— Один раз в плечо, и та рана в боку. Говорят, тебе повезло, что не задеты внутренние органы, — мой голос дрожит, и слова вырываются с придыханием. — Через несколько дней всё должно быть хорошо. Ты потерял много крови.

— М-м-м, — он смыкает глаза, выглядя изможденным.

Я снова целую его руку:

— Спи, Дениэл. Я никуда не уйду.

Он вытаскивает руку из моих рук и похлопывает по кровати:

— Иди, приляг со мной. Рядом с твоим телом мне лучше спится.

Я не должна. Из него торчат трубки, но он так чертовски ослаблен, что не могу сопротивляться. Я ползу в постель со стороны, где нет ранения, надеясь, он не заметит мои перемотанные бинтами ноги в больших белых пушистых носках. Но его глаза закрыты. Я ближе придвигаюсь к нему, так как моя задница немного свисает с кровати, но Дениэл обнимает меня и утыкается носом в мою щеку.

— М-м-м, ты хорошо пахнешь, — говорит он мне.

— А ты собираешься спать, ищейка, — говорю я строгим голосом.

Он хихикает и замолкает. Я прижимаюсь к нему и слушаю его дыхание, это такие сладкие минуты спокойствия.

Через мгновение он сонно спрашивает:

— Кто выживет?

— Что?

— В фильме ужасов. Кто выживет?

— Ох, — я немного раздумываю. — Невинная девушка. Девственница.

Он фыркает, как будто это смешно:

— Я бы выбрал тебя, а не Дэйзи в фильме ужасов в любой день.

Улыбнувшись, я придвигаюсь ещё ближе:

— Спи.

И он засыпает, а я засыпаю рядом с ним.

Дениэл

Я почти ничего не помню о первом дне, потому что очень устал. Доктора Мендозы накачали меня наркотиками, которые маскируют боль. По крайней мере, боль в плече. А ещё сладкие поцелуи Рэйган и её медовые пальцы сводят меня с ума.

— Боец, мне нужно, чтобы ты немедленно забралась на меня. Боль в штанах убьет меня, если я не получу облегчения.

— Заткнись, у нас не будет секса.

— Как ты можешь так говорить? — скулю я. — Я ранен. Ты должна оказать мне первую помощь и отсосать мне.

— Я вполне уверена, что это поможет, — говорит Рэйган, но в уголках её рта появляется еле заметная улыбка, думаю, она хотела бы об этом поговорить.

— Мой член сейчас так набух, что, если ты не накроешь его своей киской, он сломается. Не думаю, что ты захочешь нести ответственность за такой ущерб.

Здоровой правой рукой я накрываю ладонью её сладкую грудь. Её соски твердеют под моими пальцами, и Рэйган прикусывает губу. Да, она убеждается. Я обнимаю её и притягиваю ближе. Сначала девушка сопротивляется, но твердым рывком я направляю её рот к своему.

— Притворюсь спящей красавицей, — шепчу я в её губы, и пока она смеется, я засовываю ей в рот язык.

Она сладко улыбается в ответ. Я двигаю языком у неё во рту так, будто трахаю её маленькую киску.

— Залезай на меня, боец.

Я хватаю её своей здоровой рукой за задницу и тяну вверх, но её одежда мешает мне всё хорошо прочувствовать.

К счастью, на ней свободная юбка, которую я разрываю. Звук при этом раздражающий, но мне всё равно. Тонкое одеяло, покрывающее нижнюю часть моего тела, слетает, и её горячая киска прижимается к моему твердому члену. Влага скользит между нами, а моё тело охвачено пламенем. Я сгораю от желания к ней.

— Боже, я хочу тебя на своем члене.

Я беру свой член в руку и сосредотачиваюсь на входе, а она медленно скользит вниз.

Не могу оторвать глаз от нашего соития.

Её горячая жаркая влага окутывает меня. Я откидываю голову, когда она опускает руки по бокам от моей головы. Рэйган приподнимает бедра, и я почти полностью выхожу из неё, а потом она медленно скользит вниз маленькими мучительными шажками. Похоже, что так она хочет убить меня. Но если мне суждено уйти так, то аллилуйя, чёрт возьми.

Я хватаю её одной рукой за талию, пытаюсь ускорить, но девушка не поддаётся.

— Спящая красавица, — шепчет она, — если хочешь, чтобы я спасла тебя от злодеев в твоих яйцах, позволь мне самой вести шоу.

— Да, мэм, — говорю я.

Ведь что ещё скажешь, когда любовь всей твоей жизни говорит, что будет трахать тебя до смерти, а потом снова оживит.

— Я чертовски люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает она, сжимая мышцы своей киски в подтверждение этих слов.

Я задыхаюсь от тех трюков, которые она выделяет на моем теле. Её гладкие чувствительные стеночки скользят по моему члену, убивая меня. Ощущаю каждую вену, каждую складочку её влагалища, и это чертовски приятно. И на небесах не будет так хорошо. Чёрт, это рай. Быть внутри узкого влагалища девушки, которую любишь больше, чем саму жизнь, по крайней мере, близко к этому. Никогда мне не было так хорошо, и я подозреваю, что и не будет. Я всегда буду пытаться проникнуть внутрь этой киски, даже когда мне будет восемьдесят.

Я упираюсь ногами в матрас, чтобы немного подтолкнуть её, и вознаграждаюсь шумным стоном.

— Прямо так, — стонет она.

Жаль, что я не могу перевернуть. Не в моем состоянии. Вместо этого я тянусь к ней рукой и нахожу её маленький ореол наслаждения. Я слегка зажимаю и толкаю его одновременно.

— Боже мой, Дениэл, — кричит Рэйган.

Я кручу клитор между пальцами и поднимаю бедра вверх. Хотел бы я сохранить это чувство навсегда, но на нас надвигается ураган удовольствия. Пренебрегая болью, левой рукой я тяну ее за голову к себе, чтобы мы могли трахать друг друга в рот, пока мой член врывается в неё.

Мы хлопаемся друг об друга, когда её поражает оргазм. Её стенки сжимаются и расслабляются вокруг меня, как набегающая волна. Её влагище, как горячая перчатка власти, а я полностью под её контролем. Пульсирующей хваткой она вытягивает мой собственный оргазм из основания спины.

— Я кончу через три секунды. Вытащи его из себя, чтобы куча моих пловцов не атаковала твои яйцеклетки, — только это предупреждение я смог выдавить из себя, но Рэйган прикусывает губу и смотрит мне прямо в глаза.

— Я хочу этого.

И я взрываюсь по её команде. Мое горячее семя влетает в неё. Девушка откидывает голову и снова зажимает меня своим влагищем. Наконец, мы перестаем накачивать друг друга. Она осторожно падает на локти, чтобы не коснутся моего травмированного плеча.

— Ты так хороша, Рэйган Портер, — бормочу я, перебирая пальцами облако её светлых волос. — Ты чертова рок-звезда, как есть.

Она хихикает мне в щеку.

— Нет, серьезно, ты такая, — я поворачиваю голову и неловко целую её в щеку. — Ты самая лучшая.

— Честно? — спрашивает она, и чувствую, вопрос не риторический.

— Нет, блин.

Я притягиваю её к себе, потому что ощущение её тела стоит какой угодно боли. Пулевое ранение на плече не разлучит нас. Ничто и никогда не разлучит нас.

— Мне понадобится ежедневная доза этого, чтобы я полностью выздоровел. Может быть, даже две дозы.

Несмотря на то, что я не возражаю против её тела на себе, Рэйган все равно выгибается, избегая обеих ран.

— Что будет дальше? — спрашивает она.

— Мы поедем домой. Ты, я и Наоми.

Она не отвечает, и это меня беспокоит.

— Или я мог бы поехать в Миннесоту вместе с тобой, — продолжаю я. — Ненавижу себя за то, что говорю это, но ты прилипла ко мне. Я пойду за тобой. Если ты не позовешь меня в свой дом, я сяду на крыльцо.

— Ха, я позволю тебе пролезть в дверцу для собак.

— Мне этого достаточно, — говорю я, обнимая ее одной рукой.

Так мы и засыпаем, или по крайней мере, я засыпаю. Когда я просыпаюсь, надо мной стоит Мендоза. Я быстро смотрю вниз, проверяя прикрыто ли тело Рэйган. Слава Богу, это так. Не думаю, что ей было бы комфортно, если бы Мендоза увидел её обнаженной.

— Что случилось? — шепчу я, стараясь не разбудить её.

— Суд состоялся, — мрачно отвечает он.

Кивнув, я выбираюсь из-под Рэйган. Она что-то бормочет, но не просыпается. Мендоза бросает мне брюки и рубашку.

— Нужна помощь, чтобы одеться?

— Нет, я справлюсь.

Он кивает мне и выходит. Требуются некоторые усилия, но я смог надеть штаны. У них эластичный пояс, поэтому я справляюсь. Пуговицы на рубашке оказываются большим препятствием, учитывая, что не могу поднять левую руку. Я решаю отказаться от застегивания, будто собираюсь поужинать на пляже, и отправляюсь на казнь. В дверях я останавливаюсь и оглядываюсь на Рэйган. У неё руки покоятся под щекой, как у школьницы, но она не школьница. Её невинность была потеряна. Я не уверен, что поступаю правильно, приглашая её туда, но другого пути для неё я не вижу.

— Рэйган, — я слегка трясую её за плечо.

Она моргает сонными глазками и улыбается мне самой сладкой улыбкой по эту сторону экватора.

— Эй, милый, — говорит она, протягивает руку к моему подбородку, чтобы притянуть меня ближе.

Я изворачиваюсь и целую её в руку. Мое мрачное выражение лица сообщает ей, что что-то происходит.

— Что-то не так?

Я кладу руку на её лоб и разглаживаю морщинки, но мне нельзя задерживаться. Мендоза ждет.

— Боец, на улице Мендоза. Он готов вершить правосудие над Хадсоном. Ты можешь остаться здесь, скоро всё закончится. А можешь выйти на улицу и посмотреть. Решать тебе.

Она опускает руку и отворачивает лицо. Снаружи слышно, как готовят крест. Скоро они пробьют его плоть.

— Ты можешь остаться внутри, если хочешь, — я кладу ладно на её уши. — Так будет меньше слышен шум снаружи. А можешь, спустится вниз к холму. Там есть дом, где довольно громко играет музыка.

Не все в раю Мендозы согласны с его методами, а может, и согласны, но не хотят в этом участвовать. Но я принимаю этот вызов. Мендоза дает мне возможность расстрелять Хадсона или подвергнуть тому, что Мендоза называет судом. Я выбираю суд из-за пыток Рэйган, из-за похищения моей сестры, из-за моей потери рассудка. Возможно, этот выбор должна сделать Рэйган, но Мендоза пришел ко мне и выбрал.

Она приподнимается на локтях:

— Это будет очень плохо?

— Да, — не жалею я её. — После этого у тебя будут ночные кошмары.

Она печально улыбается:

— Они уже у меня есть. Может, это не станет ночным кошмаром. Возможно, это сможет убить часть моего страха.

Я качаю головой.

— Я не психолог. Я солдат. Не знаю, умерит ли это твой страх или станет воспоминанием, которое не сотрешь. Некоторые вещи...

Остановившись, я вспоминаю миссии в Афганистане и глаза спасенных мной девушек.

— Некоторые вещи не могут быть невидимыми.

— Но ты пойдешь туда?

Я киваю:

— У меня тоже бывают ночные кошмары. Он один из них. Я без сожаления посмотрю на его смерть.

— Я тоже, — она кладет на меня руку, и я чувствую жар между нами. — Пойдем.

Глава 28

Рэйган

Дениэл предупреждал, что это будет плохо. Я должна была догадаться, что он пытается меня защитить, ведь мы прошли через действительно очень плохие вещи.

Я вижу крест во дворе соединения и вздрагиваю.

— Они собираются...

— Да, — быстро отвечает Дениэл.

— Ох.

Мой желудок сводит судорогой от этой мысли. Я наблюдаю, как люди укладывают дрова для розжига внизу под крестом. Собирается целая куча людей, повсюду люди. Толпа людей Мендозы с оружием в руках стоят, защищая кольцо, которое никто не пересечет.

Хадсон стоит неподалеку, прямой как жердь, глядя вдаль. Рядом с ним стоят два вооруженных человека, но он спокоен. У основания креста стоит на коленях ещё один мужчина. Его руки связаны, а голова опущена. Кажется, он плачет, ведь его плечи трясутся.

Мендоза стоит над ним, пламя позади них освещает эту жуткую сцену.

— Зачитайте его преступления, — он выдает инструкции человеку на земле.

— Карл Хадсон совершил, — он наполовину говорит, наполовину шепчет, слова перемежаются со всхлипами.

— Громче, — приказывает Мендоза.

Связанный мужчина начинает говорить громче:

— Карл Хадсон совершил развратные действия, за которые будет наказан. Он похитил тридцать четыре женщины, насиловал их и передавал своим помощникам до тех пор, пока те были живы. Две из этих женщин принадлежали Слезам Бога. Они принадлежали Рафаэлю и Мендосе, и были под их защитой. Прикосновение к любому из людей Мендозы означает смерть. Но для остальных тридцати двух женщин требуется больше, чем казнь. Мендоза и Слезы Бога требуют суда.

Мендоза поднимает руки к своим людям:

— Согласны ли вы, что Карл Хадсон должен умереть за свои грехи, и осужден Христом Искупителем на своем последнем пути.

— Согласны, — раздаются в ответ крики.

Я ненавижу этого мужчину, но не уверена, что хочу видеть, как его пригвоздят к кресту и сожгут. Сглатывая, я тяну руку к Дениэлу.

Он притягивает меня к себе, прижимаясь к моему телу, и шепчет мне в щеку:

— Ты не всегда должна быть сильной, боец.

Кивнув, я вдыхаю его запах, цепляюсь за него и обнимаю за шею. Я остаюсь здесь, потому что не хочу быть где-то ещё.

Когда звучит удар молотка, Хадсон начинает кричать. Удары молотка слышны снова и снова, а крик становится всё громче, и огонь трещит. Дым заполняет воздух. Я вдыхаю запах Дениэла, пытаюсь заглушить запах горящей плоти, и прячусь в него, чтобы устоять на земле.

Через какое-то время крики стихают. Дениэл касается моей щеки:

— Это конец. Пойдем внутрь, боец.

Я не оглядываюсь назад. Мне не нужно видеть мои будущие кошмары.

Мы заходим внутрь и возвращаемся в палату Дениэла в лазарете. Дениэл садится на кровать, а Мендоза приходит за нами. Я сижу на стуле рядом с кроватью Дениэла, но меня напрягает эта отдаленность. Последнее, что ему нужно — это висящая на нем подружка, пока он говорит со своим старым другом. Но я хочу схватиться за него. Хочу зарыться в его плечо, чтобы он обнимал меня, пока я не справлюсь с этим.

Хадсон больше нас не беспокоит. Он не придет ко мне и не захочет проверить мои зубы. Не будет ждать, когда я сломаюсь. Больше ни одна девушка не исчезнет в том подземелье. Сделав это, мы спасли многих, и справедливость восторжествовала, что гораздо важнее.

И я должна была бы чувствовать облегчение от всего этого, но на ум приходят только его крики, когда его прибивали к кресту. Мне плохо. Я могу попытаться быть нестигаемым бойцом, но не знаю, стану ли такой же жесткой, как Дениэл, если мы с ним останемся вместе.

Эта мысль беспокоит меня, пока Мендоза поправляет пояс, набитый оружием. Для него нормально ходить вооруженным до зубов, жить в фавеле, где люди и глазом не моргнут, когда их врага прибывают к кресту и сжигают заживо.

Для них это кажется безопасностью. Для меня это, как садистское порно.

— Как твои ранения? — спрашивает Мендоза, похлопывая Дениэла по боку, и замечает, как тот морщится.

— Ну, они не исцелились волшебным образом, — говорит Дениэл.

— Возможно, потому что ты слишком энергичен в своей больничной койке, не?

Он улыбается Дениэлу, а у меня вспыхивает лицо.

— Она целовала мои бо-бо, — легко отвечает Дениэл, — не будь таким злым от того, что вторая половина твоей постели холодна.

— О, да, чёрт возьми, — говорит Мендоза, и я снова смущаюсь.

Скрутив ноги под стулом, я пытаюсь претвориться, что Мендоза и другие люди не видели меня голой. Они не как Дениэл, они опасны и беспокоят меня, даже если они хорошие.

— Итак, — небрежно говорит Дениэл, глядя на Мендозу, а затем на меня. — Когда кто-нибудь расскажет мне, что случилось с моей сестрой.

Я замираю на месте от охватившего меня беспокойства. Голос Дениэла спокойный и ровный, но он искал свою сестру два года. Что он почувствует, когда узнает, что я позволила Василию забрать её. Не знаю, что буду делать, если он станет смотреть на меня с холодным безразличием. Мне нужен Дениэл. Он нужен мне, как воздух. И мне плевать, что это не здорово.

Я судорожно провожу руками по волосам. Последние несколько дней я скрывала секрет о том, куда ушла Наоми. Каждый раз, когда Дениэл начинает оглядывать свою комнату и задавать вопросы, я отвлекала его поцелуями. Не то, чтобы я ненавидела эти поцелуи. Боже, да я обожаю эти поцелуи. Но я знаю, что не могу сейчас достать этот козырь из рукава.

Не хочешь, чтобы он тебя бросил? Удели внимание его члену.

Маловероятно и ошибочно думать, что я с этим справлюсь. Я в ужасе, ведь не знаю, что теперь будет. Я должна была оставаться с Дениэлом до тех пор, пока мы не получим документы и Наоми. Затем в этот список добавилось еще «удаление Хадсона».

Теперь у меня есть документы.

Но теперь Наоми снова пропала, хотя Хадсон и уничтожен.

У Дениэла нет причин держать меня при себе, кроме секса. И не важно, как сильно я его люблю, и как отчаянно хочу быть с ним. В моей голове всё перепуталось, но глубоко внутри я знаю, что если он отправит меня домой, я разобьюсь на сотни крошечных кусочков.

И хотя Дениэл говорит, что любит меня, и другие сладкие речи, но, в конце концов, разве я не просто киска для него? Что произойдет, когда ему снова придется отслеживать свою сестру, и что, если это станет опасным? Он киллер и убийца. Он работает с опасными людьми. Рядом с ним нет места для такой девушки, как я, ведь это большая ответственность.

Но если я буду хорошо трахаться, может, он оставит меня. Может быть.

Тем не менее, всё внутри обрывается, когда я смотрю на него, ожидающего ответа от меня или Мендозы. Слезы и всхлипы снова поднимаются в моем горле, и я вновь реву. Я не боец, каким хочет видеть меня Дениэл.

Я боюсь, что он оставит меня, ведь так сильно его люблю.

Дениэл

Мендоза выглядит напуганным, как и любой мужчина, столкнувшийся с женскими слезами. Он отстраняется от этого и выходит, словно Бог, извергающий молнии. Я принимаю Рэйган с рыданиями и всхлипами. По крайней мере, у меня есть она. Мы оба живы. Моя сестра в безопасности, и мы вернемся домой.

— Я должен сказать тебе, — признаюсь я вполголоса, пытаюсь рассмешить её. — Когда ты плачешь, я чувствую себя глупо. Не знаю, что это значит, но я справлюсь с этим.

Полагаю, это из-за стресса. Цыплята кричат безо всякой причины. В двенадцать лет я между утренней мастурбацией и завтраком подарил маме жуткую самодельную открытку на День Святого Валентина. Она всхлипнула, когда я отдавал её ей, и мне пришлось неловко погладить её по спине, пока отец не спас меня. Он отвел меня в сарай и попытался немного рассказать о женщинах. Или, по крайней мере, о моей маме.

— Будь счастлив, когда она плачет, — сказал он. — Тогда ты знаешь, что она ещё чувствует к тебе что-то. Когда она посмотрит на тебя с сухими глазами, ты её потерял.

Рэйган не прекращает плакать, и я тяну её к себе на колени, целую её слезы. Я лгал о постоянной эрекции. Она возникает почти сразу, когда её задница приземляется на мои бедра. Возможно, так действует близость её киски к моему члену. Или это просто потому, что я грязный сукин сын. Может быть, и то, и другое.

Девушка продолжает всхлипывать, пока я немного шевелю спиной, чтобы она не почувствовала мою эрекцию. Затем я обнимаю её, удивляясь, как мы всё это пережили. Она икает, что сигнализирует об окончании бури, я наклоняюсь и целую её. Так я посылаю ей тепло, которое не могу выразить словами. После попытки сердечно поцеловать меня Рэйган отстраняется и продолжает всхлипывать.

— Я должна сказать тебе кое-что, — шепчет она.

— Тихо, куколка, не могу представить, что настолько важнее, чем наш поцелуй, — шучу я, но страх ползет по моему позвоночнику, потому что Рэйган действительно что-то беспокоит.

— Я не хочу расставаться с тобой, — она подпрыгивает выше на моих коленях, опуская свою попу между ног.

От этого контакта мой член твердеет, но она не обращает на это никакого внимания, что вызывает у меня грусть и беспокойство.

— Мы не расстанемся, — уверяю я её. — Мой член бы сдох, если бы мне пришлось провести несколько часов вдали от тебя. Поверь, я буду держать тебя ближе, чем собственное дерьмо.

Из-за её сурового выражения лица я подавляю свое стремление вернуть еще одну ужасную шутку, что должна была бы позабавить её.

— Сладкие титьки, нет ничего, что ты могла бы сказать и расстроить меня. Если только ты не хочешь оставить меня. Я не приму это, а последую за тобой, как бродячая собака, которую однажды покормили, и она ждет очередной порции.

— Сладкие титьки? — переспрашивает Рэйган, а в выражении лица отражается оскорбление.

Наконец-то не слезы в ответ.

— Я старался задеть тебя словом, вместо того, чтобы дать тебе пощечину. Я справился?

— Да, но больше никогда не называй меня «сладкие титьки».

На мгновение думаю, что мы на пути в город счастья, но затем ее выражение лица снова омрачается.

Я нетерпеливо подталкиваю её:

— Рэйган, мы найдем Наоми и уберемся отсюда. Для начала я бы поел барбекю и выпил пару бутылок пива Шинер Бок. Как думаешь, в Миннеаполисе есть Шинер Бок? Потому что, если нет, то уже тебе придется обнимать меня, пока я плачу.

При упоминании имени Наоми её слезы снова накатывают. Дуновение страха, прокатившееся по моему позвоночнику, превращается в ураган.

— С Наоми ведь всё в порядке, верно?

— Я не видела, как это случилось, — рыдает она. — Пока я беспокоилась о тебе, Наоми и этот мудака Петрович исчезли. Мендоза говорит, что искал повсюду после перестрелки у ворот, а потом ты был при смерти, затем они распяли Хадсона, и я потеряла нить.

Её шумные всхлипы поглощают ещё какие-то неразборчивые слова. На мгновение я отвлекаюсь, удивляясь тому огромному количеству соленой воды, которое вытекает из неё. Скоро у неё будет обезвоживание. Но затем её слова доходят до меня. У этого

грязного уродского гада моя сестра. Я с ревом зову Мендозу. Поднявшись, мне приходится откинуть Рэйган, потому что она продолжает цепляться за меня, и выхожу за дверь.

Мендоза встречает меня у входа в палату, но дальше не двигается.

— Прости, — он поднимает руки. — Я столбенею от плачущих женщин. Мне хорошо удастся убивать людей и поражать в самое сердце многих, но утешать — это не моё.

— Чёрт, мужик, где моя сестра? — я хватаю его.

Он качает головой:

— Без понятия. Как и сказала твоя девушка, там был хаос. Меня больше интересовало убийство людей Хадсона, чем слежка за тем, чтобы русский не убежал с твоей сестрой.

Щелчком пальцев он подзывает маленького пацана в военной робе и поясом с оружием. Я закатываю глаза, и Мендоза пожимает плечами:

— Дети, — говорит он.

— Что ты можешь сделать?

Мальш вручает Мендозе поднос с едой, который он вносит в комнату.

— Ешь. У меня есть грузовой самолет, на котором вы доберетесь до Коста-Рики. Оттуда вы сможете вернуться домой. У вас есть документы?

Я киваю:

— Спасибо.

— Я сожалею о твоей сестре, — в дверном проеме он останавливается, и говорит тихим голосом: — Она у тебя хорошая. Держи её крепче.

Что ж королю нужна королева, чтобы составлять ему компанию в постели. Интересно. Но меня больше беспокоят другие проблемы, чем романтические перспективы Мендозы. На подносе стоит кувшин с водой, две чашки сытного рагу и несколько сырных рулетиков. Рэйган молчит весь наш разговор.

Я сажу её на кровать и придвигаю к ней стол.

— Rão de queijo, — говорю я ей, предлагая сырный хлеб. — Это сыр и хлеб. Поверь, эта одна из лучших вещей, когда-либо приготовленных здесь. Будто сам Христос Искупитель оставил рецепт первым поселенцам Рио.

Она посылает мне грустную улыбку и берет рулетик сыра. Эти рулеты настолько хороши, что даже трагичность Рэйган спадает, и она издает стон удовольствия.

— Видишь? — говорю я, поедая свой кусок рулета. — Хрустящая корочка снаружи и гребаная небесная радость внутри.

Я жду, пока она проглотит последний кусок своего рулета, прежде чем вручить ей стакан воды.

— Боец, мы вместе. Не твоя вина, что Василий сбежал с моей сестрой. Кроме того, я знаю, где он живет. Буквально. Поэтому мы сейчас поедим, а потом отправимся в Коста-Рику.

— Я хочу пойти с тобой, — говорит она, поднося ко рту вторую половину сырного хлеба.

— Конечно, — я наклоняюсь и быстро целую её. — Я бы не хотел вернуться в Миннеаполис и путаться в системе начисления заработной платы.

Наконец, она издает звук, похожий на смех.

— Ты действительно не разочарован во мне?

— Боже, нет!

Я кладу свою еду на поднос и удивленно смотрю на неё:

— Так вот, почему был весь этот поток слез? Что я буду злиться из-за Наоми?

Она слегка кивает.

— Послушай, ты не ответственна за Наоми. Это точно была моя ответственность, ведь меня же подстрелили. К тому же, я знаю, что Василий не причинит ей вреда.

По крайней мере, я на это надеюсь. Мой страх в том, что Наоми потерялась и исчезла на улицах Рио, вот, что было бы плохо. Она не в ладах с новыми местами, яркими огнями и беспорядочными толпами людей, наводняющими Рио.

— Я чувствую себя ужасно и думаю, что ты покончил со мной.

Поставив миску с рагу, я кладу руку на щеку Рэйган и отодвигаю столик с едой.

— Я никогда не закончу с тобой, боец. Что я тебе говорил? Тебе придется убить меня, чтобы отделаться от меня, — я останавливаюсь, а затем снова говорю: — В моей голове это звучало менее жутко.

Смеясь, Рэйган проводит пальцем вдоль шва моих брюк, выдающегося из-за эрекции. Тонкие льняные штаны не позволяют скрыть то, что происходит, особенно, когда я освобожден.

— Твои жуткие мысли позволяют мне чувствовать себя в безопасности, — её голос становится дразнящим, и на моих брюках рядом с её пальцем проступает влажное пятно.

— У меня там ещё есть, — я усаживаю её на себя, когда она облизывает рот.

Знаю, мне никогда не будет так хорошо, как с ней. Она дрожит под моими руками и стонет мне в рот.

— Ты можешь всегда носить юбки? — спрашиваю я, поднимая ткань, чтобы попасть в рай на земле.

Я касаюсь рукой у неё между ног, и член становится ещё толще, когда понимаю, что она мокрая и без трусиков.

— В Миннесоте холодно, — вздыхает она. — Бывает погода, когда невозможно носить юбки.

— Тогда нам придется переехать туда, где потеплее.

Я стягиваю штаны вниз, чтобы освободить свой член, и поворачиваю её в удобную позицию для входа в её горячую влажную плоть. Первый толчок всегда самый поразительный, потому что её влагище приветствует меня шелковистыми объятиями.

Хотел бы я целовать её с меньшей яростью, но в глубине души я вздрагиваю от синяков, которые остаются на ней. Я двигаюсь с большей силой, когда думаю о следах на теле Рэйган в знак моего владения ей. Надеюсь, она оставит такие же следы на моем теле. Держа её за щеку, я глубоко вхожу в неё.

— Я никогда не оставляю тебя, — говорю я ей резким голосом. — Ни на день, ни на час, ни на минуту. Я всегда буду с тобой.

Она обвивает меня руками.

— Я всегда буду сражаться на твоей стороне.

— Это больше, чем любой мужчина мог бы просить.

Затем я яростно врываюсь в её рот, трахая своим языком и членом, пока не чувствую, как судороги её возбуждения крепко обнимают меня. Мой призрачный контроль ломается, и моё тело начинает изливаться в неё. Её крики «О, боже» и «сильнее, Дениэл, жестче» сообщают мне, что она там вместе со мной. Я вытаскиваю из неё член в последнюю секунду, и он падает на складки её юбки, собравшейся на талии.

— Чёрт побери, — выдыхаю я, падая на спину. — Нам нужно достать презервативов или таблеток для тебя.

Она гладит мне щеку и грудь:

— Может быть, когда-нибудь?

Я крепко обнимаю её. Ребенок от Рэйган? После того, как мою сестру похитили, во мне больше не было жизни. У меня была только одна цель. И у меня была семья. Я и не думал устраивать свое будущее. Я даже не думал, что заслужил свое будущее. А теперь у меня есть Рэйган. Она схватила меня за яйца, и если поведет мой член за собой, я буду

счастлив следовать. Куда угодно. Если она хочет детей, то да, чёрт возьми. Я хочу создать семью с ней. Жизнь становится всё лучше и лучше.

— Да, мне это нравится.

Наконец, я вскакиваю на ноги, ведь нам нужно идти.

— Доедай свою еду, — говорю я, потянувшись к своей сумке.

Там одежда, в которой я смогу путешествовать. Пара хлопковых брюк, нижнее белье, рубашка на пуговицах, а на дне куча пушек, боеприпасов, ножей и телефон для экстренных вызовов. Всё это я оставляю Мендозе. На телефоне мигает уведомление, и я вижу сообщение.

Я беру телефон и ввожу код разблокировки, чтобы прослушать сообщение. Это от Наоми, потому что там нет приветствия. Приветствие — излишнее проявление эмоциональности, по мнению Наоми.

«Василий увез меня в Россию. Он говорит, в России есть места, где всё белое и совсем мало людей. Мне нравится это. Кроме того, он хочет, чтобы я что-то сделала для него, что поможет людям. Другим людям, хотя я думаю, что это поможет ему. Но он говорит, что это поможет мне, и это искупление за все плохие вещи, что я делала для Хадсона. Мой баланс плох, поэтому я иду с ним. Василий сказал, что я должна позвонить тебе, или ты будешь преследовать нас в России. Не надо. Мне это не понравится. Мне нравится, что с Василием тихо. Большую часть времени он ворчит, но я понимаю, что это значит».

Она делает паузу для вдоха.

«Я люблю тебя, Дениэл. Я украла крипто-валюту у всех, кто был в поддельном банке во Дворце Императора, и перевела её во франки. Затем разделила на пять счетов в США. Там было слишком много для одной учетной записи. Я выслала детали тебе по электронной почте. Мне пришлось часть денег отдать Василию, а то он не позволял мне пользоваться интернетом. Но я смогла кое-что сэкономить для тебя и Рэйган. И для мамы с папой, если они нуждаются. Это от плохих людей, поэтому не чувствуйте угрызений совести. Это как контрибуция. Или возмещение ущерба».

И всё. Наоми не попрощалась.

— Это была Наоми? — голос Рэйган полон надежды, и я рад, что могу сказать «да».

— Она передает «привет», и говорит, что превратила поддельные деньги в настоящие. Думает, ей понравится в России.

Чувствую себя немного шокированным.

— Подожди, — говорю я. — Мне нужно позвонить Петровичу.

Телефон издает только один гудок, как если бы Петрович ждет моего звонка. Я выдерживаю паузу, прежде чем могу произнести хоть слово:

— Итак, ты похитил мою сестру. Назови хоть одну причину, по которой я не должен прийти и убить тебя, как собаку. Или ещё лучше, я расскажу банде о твоей причастности к убийству твоего дяди.

Петрович хранит молчание, возможно, ожидая, что я продолжу набрасываться на него. Но к чёрту честь. Моя семья в опасности.

— Я клянусь могилой своей матери, что твоей сестре не причинят никакого вреда. Я буду защищать её, как если бы она была моей собственной сестрой из чрева моей матери. Каждый, кто причинит ей боль, оплатит вдвойне. Она не будет ни в чём нуждаться, и я верну её в лоно твоей семьи.

На заднем фоне слышен шум, и я слышу:

— Да, Наоми, я верну тебя.

Затем снова слышу его жесткий голос, обращенный ко мне:

— Я верну Наоми тогда, когда она этого захочет. Я обещал ей это.

И прежде чем я успеваю что-то сказать, он кладет трубку.

— Всё будет хорошо? — спрашивает Рэйган.

Кивнув, я глубоко вдыхаю несколько раз.

— Да, он поклялся своей умершей матерью. А ты же знаешь, это прочная клятва.

— Тогда почему телефон трещит в твоей руке?

Я смотрю вниз и вижу, что пластиковая крышка телефона треснула, а её края вонзаются в мою ладонь. Отбросив его в сторону, я обнимаю Рэйган, ведь она становится моей безопасной гаванью. Её шея пахнет теплом и спокойствием, и сердитый стук в моей голове, напоминающий о похищении Наоми Петровичем, немного утихает.

— Наверное, я должен ему доверять. У меня есть на него довольно серьезный компромат, чтобы сдержать его. Но я просто не смогу сражаться с одной из самых сильных российских преступных семей, поэтому я должен просто поверить его обещаниям. Петрович взял под контроль свою банду, помогая нам убить Сергея и его людей. Если бы люди из его организации узнали правду о том, что он сделал, его бы убили. Плюс, — я вытираю лоб, — он действительно верит в честь семьи, поэтому он и убил Сергея. Сергей разрушал семью Петровича, и Василию пришлось его остановить.

— Я еду в Россию с тобой, — заявляет Рэйган.

— Знаешь что, боец? Огромный дикий Дениэл устал, а ему нужно немного отдыха.

Мысль о поездке в Россию и встрече с Петровичем меня истощает. Знаю, Наоми в безопасности. И знаю, у неё есть план исправить ошибки в её новом проекте, а значит, мне придется бороться с ними, чтобы заставить её вернуться домой. А пока я чертовски устал от всего этого. Я хочу вытащить отсюда Рэйган и трахать её целыми днями, не беспокоясь ни о чем, кроме презервативов.

— Отдых – это хорошо, — говорит Рэйган, убирая прядь волос со лба привычным жестом. — Просто я хочу, чтобы ты знал, что я с тобой. Мы теперь команда, да?

Я крепко сжимаю её и целую в лоб:

— Мы команда.

— Так... и что сейчас будет делать команда?

С усилием поднявшись, я хватаю сумку и беру её за руку:

— Мы едем домой.

Глава 29

Рэйган

Когда мы выходим из такси у многоквартирного дома, похожего на свалку, я держу Дениэла за руку.

— Ты уверен, что это то место?

— Да, этот адрес послал мне Ник, — он снова проверяет адрес в телефоне, пожимая плечами. — Он украинец. Может, он думает, это большой загон для свиней.

Я морщусь нос, но на самом деле всё не так плохо. Здесь чисто, есть крыша, и на улице нет мусора. Что автоматически делает это место лучше фавел.

— Думала, это будет... не знаю. Я не могу представить Дэйзи в этом месте.

Милая прелестная маленькая Дэйзи с невинными голубыми глазами, которые так широко распахивались каждый раз, когда в нашей старой убогой квартире что-то ломалось.

— Он сказал, дому нужен ремонт, — говорит Дениэл, отпустив мою руку, чтобы перекинуть сумки через плечо.

Затем он снова берет меня за руку, потому что знает, я в нем нуждаюсь. Его прикосновения важны для меня.

Два дня назад мы уехали из Рио. Два дня в пути, остановка в отеле, и снова в путь. Я не совсем уверена, куда мы летели. Только знаю, что перелет был не прямой, чтобы избежать встречи не с теми людьми. Я не задавала вопросов. Дениэл лучше знает скользкую сторону закона, и я доверяю ему, значит, мы в безопасности. Тем не менее, меня всё ещё преследуют кошмары, будто уже мертвый Хадсон пытается украсть мои сны. Крепко обнимая, Дениэл говорит мне, это нормально после того, что я пережила, и никогда меня не отпускает.

Он именно то, что мне нужно, чтобы почувствовать себя целой.

Мы входим в жилой дом, и в фойе Дэйзи бежит ко мне по лестнице с вытянутыми руками.

— Рэйган! — визжит она на высоких частотах счастья, обнимая меня прежде, чем успеваю сказать о том, что мне не нравится, когда кто-то трогает меня, кроме Дениэла.

— Дэйзи, — начинает Дениэл, — не надо...

Но всё нормально. Это просто Дэйзи, маленькая хрупкая Дэйзи с васильковыми глазами, темными волосами и круглым невинным лицом. Она выглядит так, будто должна

петь в церковном хоре и читать молитвы перед едой. Дэйзи, которая влюбилась в киллера и заварила весь этот ужас. Я засовываю обиду подальше и обнимаю её. Она не виновата в том, что всё так произошло. И хоть я и не рада, что меня продали в рабство, теперь у меня есть Дениэл. Дениэл – это всё, что имеет значение.

Дениэл озабоченно разглядывает меня, проверяя в порядке ли я, после долгих объятий Дэйзи. Кивнув ему, я продолжаю её обнимать. Она пахнет чистотой, свежестью и здоровьем, как и всегда. Чувствую себя намного лучше, когда узнаю, что после всего Дэйзи осталась такой же невинной и прекрасной, как когда-то.

— Рада видеть тебя, — мягко говорю я ей.

Девушка отрывается от меня, и в её глазах стоят слёзы:

— Я так беспокоилась за тебя, но Ник сказал, что мы послали Дениэла, а Дениэл лучший, поэтому...

— Дениэл лучший, это точно, — соглашаюсь я, и шлепаю Дениэла, замечая боковым зрением его самодовольную улыбку.

— Пойдемте наверх, — взволновано говорит Дэйзи, что почти подпрыгивает, как щенок. — Ник готовит обед.

— О, чёрт, — с ухмылкой говорит Дениэл. — Я должен это увидеть.

Мы поднимаемся по главной лестнице жилого дома. Дэйзи говорит, что в данный момент лифт сломан. Выясняется, Ник пытался починить проводку, и когда его ударило током, разозлился, взял кувалду и отомстил ей. Дэйзи выглядит недовольной, и я замечаю, как Дениэл смеётся над ней.

— Он не очень хорош в ведении домашнего хозяйства, — говорит она мне, и у неё пылают щеки.

— И ты позволила ему приготовить ужин? — спрашиваю я, стараясь не смеяться.

Мне так хорошо. Дениэл идет позади, обнимая меня рукой, а Дэйзи идет впереди и болтает. Пятна, которые оставил на мне Рио, сходят, будто их никогда и не существовало.

— Он настаивал на том, что хочет помочь, — и беспомощно пожимает плечами. — Это так мило. Однажды я пришла домой с занятий, а он пытался приготовить макароны со вкусом гамбургера из упаковки. «Я не понял, как из этого сделать гамбургер, и выкинул её» — сказал он мне.

Она смеется, рассказывая эту историю.

Дэйзи быстро показывает нам дом. На верхнем этаже был потоп, поэтому большинство квартир еще не открыты. Они переделывают плитку на нижнем этаже. Она с Ником живут на втором этаже, там же квартира для её отца, если он когда-нибудь захочет

их навестить. Он не покидает свою ферму надолго, поясняет она, но тот факт, что он её вообще оставляет, уже делает её счастливой.

— А вот здесь квартира для тебя, — говорит она, отстегивая ключ от брелка, и протягивает мне.

— Меня? — удивляюсь я. — Почему?

— Мы потеряли нашу квартиру, — говорит она смущенным голосом. — Когда я вернулась, уже было уведомление о выселении. Всё, что мне оставалось сделать, это захватить целое здание.

— О, — говорю я более тихим голосом, чем мне хотелось бы.

Конечно, мы потеряли нашу квартиру. Мне еле хватало стипендии за аренду перед тем, как Дэйзи переехала ко мне, и мы разделили оплату. Но почему-то я думала, что моя квартира всегда будет ждать, когда я вернусь.

И то, что квартиры больше нет, огорошило меня. Мир продолжал существовать, пока меня не было. Будто меня и не существовало. Я вспоминаю о Майке и Бекке, и с силой сглатываю.

— Ты в порядке, сладкие титьки? — говорит мне Дениэл на ухо, согревая меня своим дыханием.

Дэйзи поворачивается, и в ужасе изучает нас:

— Как ты её назвал?

Почему-то я начинаю хихикать. Возможно, из-за ошеломленного лица Дэйзи или из-за того, что Дениэл настолько озорной, что назвал меня так при ней. Истеричный глупый смех вырывается из меня, и не в силах себя сдержать, продолжаю смеяться. Дениэл тоже смеётся, поглаживая пальцами мою щеку, а Дэйзи смотрит на меня, как на сумасшедшую.

Наконец, я беру себя в руки и вытираю слезы из глаз.

— Это наша шутка, — говорю я ей.

Девушка выглядит так, будто готова погрозить Дениэлу пальцем перед лицом за плохое поведение.

— Я... проверю, как ужин Ника, — говорит она, указывая пальцем на ключ. — Почему бы тебе не посмотреть свою квартиру? Можешь не торопиться.

У Дэйзи такое доброе и милое выражение лица, что мне снова хочется её обнять.

Но я не делаю этого, думая, она поймет, почему.

— Спасибо, Дэйзи.

— Мы в квартире 2А, — говорит она мне. — Приходи, как будешь готова.

И Дэйзи удаляется по коридору, оставляя нас с Дениэлом наедине. Я с мгновение смотрю на ключ и на Дениэла:

— Сладкие титьки? Опять? — у меня содрогаются губы от еле сдерживаемого смеха.

— Отличное начало разговора, разве нет? — тянет мужчина.

— Мне нужно свое начало для разговора, — бормочу я, вставляя ключ в дверь. — Например, сладкий член или свиной гуляш.

— А у меня есть право голоса? — спрашивает он. — Потому что я бы выбрал большой Джон или о-боже-Дениэл-такой-огромный-член.

Фыркнув, я толкаю дверь и стараюсь не хихикать.

Затем я замолкаю, осматривая новую квартиру.

Отдаю должное Дэйзи, она всё продумала. В новой квартире немного другая планировка и выше потолки, но обустроена так же, как и моя старая. Должно быть, она собрала все мои вещи и перевезла сюда, вплоть до отбитой банки с печеньем, стоявшей на столе, и моих плакатов с фильмами ужасов на стенах. Здесь даже старая тахта, которую я использовала вместо дивана, а все мои DVD-диски выстроились на знакомой полке.

Это похоже на сон.

— Все эти вещи мои. Все.

У меня слезы текут из глаз, когда я прохожу внутрь.

— Это очень мило со стороны Дэйзи, — говорит Дениэл осторожным голосом позади меня.

Он ставит сумки на тахту, засовывает пистолет в штаны и проходит по квартире, оглядывая её. А я стою в дверях и немею. Этот процесс стал частью нас, и обычно я не против, особенно после Рио, но в этом месте с моими старыми вещами мне кажется это странным.

— Всё чисто, — говорит он мне, и проходит мимо, чтобы закрыть и запереть дверь.

Я прохожу внутрь в оцепенении. На кофейном столике стоит старая фотография, где я и Майк на свадьбе нашего друга. Взяв её, я разглядываю его лицо. Как ни странно, я ничего не чувствую. Может быть, только небольшое раздражение к Бекке, но ни любви, ни печали нет.

Дениэл обнимает меня за талию и заглядывает мне через плечо:

— Очень плохо, если я скажу, что этот парень выглядит, как паршивый любовник.

Я снова смеюсь:

— Кажется, ты ревнуешь.

— Я ревную, — признается он, крепче сжимая мою талию. — Он должен был трахать тебя до сотрясения мозга, чтобы подарить тебе миллион оргазмов, а он думал только о себе.

Дениэл очень не доволен.

Отложив фотографию, я поворачиваюсь и обнимаю Дениэла за плечи.

— Не стоит ревновать. Он никогда не доводил меня до оргазма. Вчера вечером ты подарил мне больше оргазмов, чем он за всё время, что мы были вместе.

— Я очень классный, — дразнит он меня, заставляя согласиться.

— Очень классный, — соглашаюсь я, чувствуя себя игривой.

Думать, что такой великолепный, сексуальный и опасный парень, как Дениэл, ревнует меня к моему бывшему парню – это... приятно. Для меня Дениэл в тысячу раз лучше, чем Майк. Тут нечего сравнивать. И я хочу показать ему, насколько сексуальным я его нахожу.

— Тебе когда-нибудь делали минет на тахте под плакатом фильма «Атака помидоров-убийц»?

— «Атака помидоров-убийц»? Это настоящее кино?

— О, да, настоящее. У меня есть на DVD, и ещё есть продолжение.

— Ты меня разыгрываешь? Они сняли продолжение?

— Даже несколько, — говорю я, подталкивая его к тахте. — Так ты бы хотел посмотреть его больше, чем минет?

— Боже, нет, — говорит он мне. — Но разве ты не хочешь пойти к Дэйзи и Нику?

— Позже, — говорю я ему, добавляя в голос знойности. — Сейчас я хочу, чтобы твой член оказался у меня во рту.

Мужчина стонет, и я понимаю, что выиграла этот раунд. Я в восторге, когда он опускается на тахту, вытаскивает пистолет и бросает его на старый разбитый журнальный столик, который я приобрела на гаражной распродаже. Он смотрит на меня горячими жадными глазами.

— Я люблю тебя, — говорю я ему, опускаясь на колени, и раздвигаю его ноги.

— Я люблю тебя больше всего на свете, — говорит он мне, и по моему телу проходит дрожь, а затем посылаю ему игривый взгляд на его брюки.

— Очевидно, он тоже любит меня.

— Чёрт, он да, — говорит Дениэл мне. — Никак не может насытиться тобой.

— Ммм.

Он уже твердый. Я обнимаю его член руками, любуюсь им.

— Думаю, мне придется испортить аппетит перед ужином.

У него мерцает взгляд, наблюдая за тем, как я склоняюсь к его члену, убирает мои волосы с лица и говорит:

— Это лучший угол обзора за тем, как ты сосешь мне.

Не смотря на то, что мы всегда ведём грязные разговоры в постели, у меня вспыхивают воспоминания из борделя. Пистолет, приставленный к моей голове. Закрыв глаза, я с силой сглатываю. Эти воспоминания не прошли. И я не знаю, пройдут ли когда-нибудь.

А Дениэл с любовью гладит мою щеку.

— Боже, ты прекрасна.

И вот, так просто, я снова в порядке. Открыв глаза, я вижу перед собой красивое лицо Дениэла. Кожа его члена нагревается под моими руками, и я склоняюсь к головке, ощущая его восхитительный вкус на языке.

Я могу творить новые воспоминания и начну прямо сейчас. Облизнув его головку, я разглядываю его, пока он запутывается рукой в моих волосах.

— Ты пытаешься отвлечь меня, малыш?

— Чёрт возьми, нет, — раздражается он, поднимая руки в воздух, словно показывает мне, что больше не коснется меня.

Это последнее, чего я хочу.

Я снова беру головку в рот и хихикаю, и от моих вибраций на его члене он начинает дрожать. Одной рукой я вожу по его члену от основания вверх, другой играю с его яичками, а языком глажу головку.

Чувствую удовольствие, когда он опрокидывает голову на тахту. У него тело напряжено, а член заметно увеличивается в моих руках, и головка становится чертовски большой. Я облизываю её так быстро, как могу. Ему нравится это, а мне нравится делать это для него и выражение удовольствия на его лице.

— Я хочу облапать тебя прямо сейчас, — говорит Дениэл, когда я нагибаюсь и заглатываю его член полностью, осторожно следя за зубами. — Просто вытащи свои красивые титьки из блузки и поиграй с ними, пока сосешь мой член.

Но он ко мне не прикасается, просто лежит на спине и наблюдает, как я над ним работаю. Возможно, он понимает, что если схватит меня, то разбудит ужасные воспоминания в моей голове. Это заставляет меня любить его еще больше. И я показываю эту любовь, глубоко заглатывая его член и сильно втыкая его в щеку.

Дениэл с удовольствием стонет, заставляя меня удвоить усилия. Я использую все известные мне навыки, работая ртом, а руками сдавливаю основание его члена.

— Боже, ты так хороша, — выкрикивает мужчина, когда его член содрогается в моем горле.

Я слегка ослабляю челюсть, чтобы не сработал рвотный рефлекс, и не отвечаю, пока у меня полный рот спермы. У меня рот переполнен так же, как и мои чувства к Дениэлу. Его солоноватый вкус, ощущение теплой кожи, щекотка его паховых волосиков, когда я нагибаюсь к нему, и удовлетворение от работы моего рта — всё это удовольствие для меня.

Я расстраиваюсь, когда он хватает меня и бросает на тахту.

Ну, почти.

Но когда он входит в меня, я кричу от удовольствия и цепляюсь за него, как дикая кошка. Каждый его удар вбивает меня в тахту. Мы бьемся об стену, но нам всё равно. Всё происходит так быстро, но я так счастлива, что могу лопнуть.

Мы не возвращаемся в квартиру к Дэйзи больше часа. Но всё в порядке. Думаю, она этого и ожидала.

Дениэл

Любить Рэйган там, где не нужно один глаз держать на двери, а одну ногу на полу, было странно и удивительно. Не могу дождаться того, что мы ляжем спать, а когда проснемся, займемся утренним сексом. Потом мы могли бы снова поспать и снова заняться утренним сексом. Но когда я предлагаю такой сценарий развития событий, она качает головой. Нас ждет Дэйзи. «Чёртова Дэйзи», — подумал я, но натягиваю брюки и отправляюсь к утрюмому украинцу и его деревенской девчонке на ужин. По крайней мере, у них есть еда. На кухне девушки готовят нам коктейли с карамельными тростями. Я не против фруктовых напитков время от времени, но достаю карамельную трость из своей выпивки.

Ник в редком порыве проникательности приглашает меня на крышу. Теоретически это хорошая идея выйти на улицу и получить немного свежего воздуха. На деле же оказывается, что стояние при минусовой температуре заставляет мои яйца сжиматься. Надеюсь, мои мальчики выйдут наружу, когда мы увидим Рэйган. Ник был украинцем, поэтому, похоже, он был не проницаем для холода. Ведь он стоит в тонкой

хлопчатобумажной рубашке, и кажется, наслаждается арктическим ветром. Я осушаю бутылку пива Шинер Бок как можно скорее, чтобы алкоголь разогрел мои вены.

Ник молчит и бесстрастно смотрит вдаль. Интересно, скучает ли он по России и как относится к нынешней ситуации на Украине. Но у нас не такие отношения, поэтому я просто восхищаюсь ночным пейзажем. Ночь безоблачна, а кусочек луны освещает небо так, словно темный блюз обнимает тебя. Странно видеть Ника без оружия. Он был придирчивым, методичным и успешным киллером. Если он выполнял ваш заказ, то цель всегда была мертва. Единственный заказ, который он не завершил, стал его последним. Тогда ему пришлось бежать в Россию, чтобы спасти Дэйзи. Теперь он студент-искусствовед и владелец дома. Мир перевернулся.

— Ты должен встретиться с родителями? — задумчиво спрашивает Ник, будто беспокоится за меня.

— Завтра, первым делом, — отвечаю я, хмурясь.

Так не выйдет полуторачасового секса. Может, нам всё-таки удастся заняться сексом, когда проснемся, а потом я смогу вылизать её в душе. Возможно, так я смогу продержаться до обеда.

— Ну как? У тебя были проблемы с папашей Миллером?

Ник кивает:

— Он не любит людей.

— Тогда вы должны стать друзьями, ты тоже не любитель людей, — замечаю я.

— Да, это правда.

Ник, как всегда, воспринимает меня всерьёз. Я ценю его беспокойство, хотя сам волнуюсь о встрече с родителями Рэйган. Моя самая большая проблема в том, что я не знаю, как мне поступить, когда больше нет нужды гоняться за моей сестрой. К счастью, мне не нужно решать это прямо сегодня или завтра, или даже на следующей неделе. Я допиваю свою бутылку и тянусь за следующей. Есть одна положительная вещь в отрицательных температурах на улице – это прилипающие к снегу пивные бутылки, что делает пиво таким приятным и холодным. После четырех минут молчания я уже и забываю, о чем мы разговариваем, но вдруг Ник спрашивает:

— Друзьями?

— Лучшими друзьями, — объясняю я.

Меня никогда не удивляло, что Ник не умел вести социальные коммуникации. Но учитывая, что большую часть своей жизни он убивал людей, полагаю, он правильно делает, что создает эмоциональные барьеры. В армии куча людей, которые убивают, но

это своего рода семья. Снайпер никогда не выступает в одиночку, и даже разведчики состоят в группах из четырех-пяти человек. Внезапно я осознаю, что часть моих эмоциональных проблем, которые накрывали меня последние восемнадцать месяцев, случились именно потому, что я был один. Пока был наёмником, я пытался завести связи с такими, как Ник, потому что скучал по своей команде, а теперь скучаю по своей семье. Рэйган говорит о том, как она никогда не покинет меня. Но это я – тот, кто не сможет жить без неё. Если она оставит меня, я стану никем. Меня пронзает мысль, что, если она уйдет от меня, значит, я уже умер от сердечной недостаточности.

— Твоя сестра у Василия Петровича, — задумчиво произносит Ник.

— Ага, я пригрозил сдать его Банде, если он навредит ей.

— Или мы могли бы убить его, — беззаботно предлагает Ник, как если бы он спрашивает, хочу ли я сигарету.

Но я предполагаю, что если ты готов убивать прежде, чем проснулся, то так это и происходит. Кто я, чтобы судить? Я убил последнюю цель Ника, хирурга из Сиятла, который продавал органы больных людей на чёрном рынке, чтобы Ник мог выйти из бизнеса. Это был свадебный подарок для него и Дэйзи, хотя они ещё и не поженились.

— По некоторым причинам, я всё-таки доверяю ему. К тому же тебе нельзя появляться в Восточной Европе, помнишь?

Ник пожимает плечами:

— Убийство Петровича может стоить того.

Я сижу со своим пивом, вытянув ноги, но не налегаю на него. Сегодня у меня есть планы на Рэйган, которые требуют трезвости.

— Я устал от этого, Ник. Надоело убивать людей и засыпать с пистолетом на груди, не будучи уверенным, что проснешься. Я устал закрывать глаза и видеть брызги крови. Мне хочется засыпать в одной и той же постели каждую ночь и просыпаться в ней же утром. Я хочу любить Рэйган на настоящем матрасе с мягкими простынями.

С этой крыши я вижу очертания Миннеаполиса на севере и контуры самолетов, взлетающих из аэропорта на юге. Понимаю, почему Ник выбрал это место. Тонкие штрихи реконструкции заметны повсюду. Через пару лет это место будет стоять целое состояние. Но жизнь в городе с его чернотой, ежедневными жалобами и картинками, меня не интересует. Я хочу отправиться домой и показать Рэйган землю, которую заселял ещё мой прапрадед. Хочется наблюдать за тем, как рождаются жеребята, колосятся васильковые поля. Я смотрю на Ника и пытаюсь узнать, понимает ли он то, о чём я говорю:

— Я покончил со смертями.

— Да, я тоже, — и он поднимает бутылку водки. — Но что ты будешь делать теперь?

— Не знаю, мужик. У тебя есть совет для меня?

Это такая же шутка, когда Ник просил совета у меня, преследуя Дэйзи. Но Ник не умеет шутить, поэтому он серьёзно обдумывает эту мысль, глотая водку.

— Легче решить использовать пистолет или удавку, убирая цель, чем узнать, что принесет счастье в будущем, — наконец, произносит Ник.

— Я знаю, что Рэйган принесет мне счастье, и собираюсь этого придерживаться. Пока этого достаточно. А почему бы тебе не показать мне свой список дел по хозяйству?

Глава 30

Рэйган

По возвращению в Миннеаполис у меня целый список дел, которые нужно сделать. Нужно сходить к доктору, чтобы поставить защитную контрацепцию, потому что наш с Дениэлом великолепный, восхитительный и напряженный секс так и продолжается. И снова проверюсь на все заболевания, потому что я параноик. Мне хочется отчиститься от всего, включая нежелательную беременность. На самом деле, это немного грустно, но сейчас не время создавать семью.

Я так же хожу на консультации к психологу, потому что у меня случаются приступы паники, когда Дениэл выходит из комнаты, и кошмары. Знаю, у меня не всё в порядке с головой. Психолог понимает и поддерживает меня. Дениэл ходит на консультации со мной. Это шаг в правильном направлении.

Я хочу вернуться обратно в колледж и заняться карьерой, но психолог не считает это хорошей идеей. И к моему удивлению, Дениэл с этим согласен. Они говорят, мне нужно время, чтобы вернуться к нормальной жизни. Нормальной без стольких людей, ведь люди всё ещё беспокоят меня. Странно думать, что я пытаюсь вернуться обратно в нормальность. Мы с Дениэлом смотрим много фильмов ужасов и декорируем квартиру, чтобы хоть чем-то заняться.

Я навещаю родителей, и эти визиты, как я и думала, нелепы и наполнены слезами. Но я не рассказываю им о том, что провела два месяца в борделе. Думаю, это сломает их так же сильно, как и меня. Вместо этого мы придумали кривую журнальную историю. Будто я взяла небольшой импровизированный отпуск и отправилась с мисс Дэйзи в Канкун. Там я ныряла и ударилась головой. Дэйзи подумала, что я утонула. Проснулась в больнице с амнезией, а Дениэл был рядом со мной с тропической лихорадкой, там мы и влюбились.

Всё это похоже на сериал «Дни нашей жизни». Не уверена, что они купились, но эта история приятнее, чем правда.

Тем не менее, они и сейчас беспокоятся о моем здоровье и хотят, чтобы я вернулась домой навсегда. Но я не могу. Я больше не их маленькая девочка. Мы останавливались у них на несколько дней, но они принесли мне беспокойство. Очевидно, они не понимают, почему Дениэлу нужно осмотреть комнату прежде, чем я войду. Так мне кажется спокойнее.

Дэйзи моя новая лучшая подруга, она всегда на моей стороне. Когда Дениэл и Ник заняты ремонтом, Дэйзи ходит со мной по магазинам или выполняет все поручения, или делает что-то еще, что нужно. Она не оставляет меня одну ни на секунду, что позволяет мне чувствовать себя в безопасности. Не знаю, попросил ли её Дениэл стать моей тенью или она сама чувствует, что я боюсь быть брошенной. Её внимательность победила мое мучительное негодование, которое я затаила на неё.

В один прекрасный день я стала одержима идеей навестить Майка и Бекку. Я не взяла с собой Дениэла, так как была почти уверена, что он застрелит Майка за то, каким он был со мной. За эгоизм и скорость, с которой он ушел к моей лучшей подруге. Думаю, Майк виноват в этом так же, как и я. Ведь я была одинокой задолго до того, как он переметнулся. А теперь я уже не та.

Я беру с собой Дэйзи, потому что ходить одной, куда бы то ни было, мне не нравится. Мы подходим к такому знакомому дому, где живет Майк. Сколько раз я неслась сюда после футбольного матча, чтобы быстро потрахаться и обниматься, потому что так хотел Майк? Почему я была на всё согласна?

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — в сотый раз спрашивает Дэйзи, когда мы идем к лифту.

— Я уверена, — отвечаю я ей. — Майк заслуживает того, чтобы поставить точку, разве нет?

— Наверное, — говорит Дэйзи, но выглядит обеспокоенной.

Она хорошая подруга. Я сжимаю её руку, чтобы показать, что всё в порядке. Мы поднимаемся на пятый этаж, где Майк живет последние несколько лет.

Мы стучим в дверь, хотя у меня есть ключ от квартиры. Он лежал на дне банке из-под печенья на случай чрезвычайной ситуации, если мне нужно было что-то в квартире, когда Майк находился за городом с приятелями. Но я не могла позволить себе использовать ключ каждый день.

О, чёрт, я действительно была половой тряпкой. Я ухмыляюсь от этих мыслей. Интересно, что подумает Майк обо мне сейчас.

Дверь открывается. Я немного разочарована, что это не Бекка, так беседа началась бы оживленнее. Майк выглядит шокированным:

— О, Боже! Рэйган, — и он плачет, протягивая руки, чтобы обнять меня.

Должна признаться, я не так представляла наше воссоединение. Я неловко хлопаю его по спине, посылая Дэйзи беспомощный взгляд. Майк обнимает меня, бьёт по плечу и

сквозь рыдания бормочет мне в плечо, как он благодарен, что я жива. Ведь он думал, я умерла.

Затем он отступает и пытается поцеловать меня, но я отклоняюсь.

— Не надо, — говорю я.

Я не хочу, чтобы он целовал меня когда-либо ещё.

Он выглядит потрясенным:

— Что не так? Детка, ты в порядке?

— Что не так? Майк, я знаю, что ты с Беккой.

С того места, где я стою, можно увидеть её вещи на кухонном столе.

Он качает головой, и его лицо немного бледнеет. Я наблюдаю, как он начинает закрывать за собой дверь в свою же квартиру, блокируя нам возможность заглянуть внутрь. Я борюсь с желанием хихикать, когда милая маленькая Дэйзи закатывает глаза.

— Нет, детка. Это было просто, ну, ты знаешь. Мы утешали друг друга.

— Ну да, — скучающе говорю я. — Как быстро вы двое стали утешать друг друга? Мне просто любопытно. Через день или два после того, как меня похитили? Или вы подождали целую неделю?

Судя по уродливой гримасе на его лице, я была близка к правильному ответу. Он смущен.

— Это не так, Рэйган. Я был... так расстроен, когда ты исчезла.

Он сжимает мое плечо и снова задыхается:

— Я начал пить и пил, пока не пришла Бекка. И она просто, как будто не уходила.

— Ты говоришь так, будто Бекка просто прыгнула на твой член.

Покачав головой, он пытается погладить меня по руке, но я отстраняюсь.

— Детка, ты же знаешь, я люблю тебя и только тебя, — и он улыбается мне сквозь слезы. — Ты в порядке?

— Лучше, чем ты, — говорю я, и с удивлением понимаю, что это правда.

У него по лицу бегут слезы, он действительно не в порядке. Рубашка грязная с остатками завтрака. Похоже, он не брился неделю или две, а волосы жирные. Похоже, он в аду.

В этом много иронии, ведь я прошла через ад, а не он. Но когда из его глаз снова льются слезы, я обнаруживаю, что похлопываю его по плечу.

— Не думаю, что ты поступил плохо, Майк, — говорю я. — Уверена, тебе было больно и одиноко. И так всегда было между нами.

— Что? — говорит он, словно не слышит меня.

— Ты даже не искал меня? Или когда ты услышал, что я пропала, ты просто поднял руки вверх и начал трахать мою лучшую подругу?

Его взгляд взмывается от моего безразличного лица к Дэйзи в поисках поддержки, но там он её не найдет.

— Почему ты обвиняешь меня? — печально произносит он. — Я сделал всё, что мог. Полиция сказала, что они справятся с этим.

— Уверена, что они это и сделали, — говорю я.

Может быть, у себя в голове Майк думает, что он сделал всё, что мог. Может быть, мысли о том, что он сделал несколько телефонных звонков и теперь грустит по своей пропавшей девушке, помогают ему спать по ночам. Возможно, Майку этого достаточно.

А я думаю о Дениэле. Думаю, он шел через кошмарные улицы и адские бордели полтора года в поисках Наоми. Думаю обо всём, что мы пережили вместе. И я знаю, что, если бы я сейчас пропала без вести, он перерыл бы землю, чтобы найти меня. Он ни за что бы не остановился.

Я улыбаюсь. Я рядом с правильным мужчиной. Возможно, мне пришлось пройти через ад, чтобы оказаться рядом с ним, но сейчас я хочу именно этого.

Майк осторожно улыбается в ответ, и он явно смущен:

— Хочешь войти, дорогая?

— Нет, — отвечаю я. — Я больше не твоя дорогая. Теперь это Бекка.

Я прикладываю руку к сердцу:

— Надеюсь, вы двое очень счастливы вместе.

— Но... нет, — начинает Майк. — Рэйган, я хочу...

Я качаю головой:

— Я здесь, чтобы закончить это, — и немного сжимаю его руку. — У нас с тобой всё кончено. Я двигаюсь дальше. И ты тоже.

Он снова начинает плакать. Эмоции на выразительном лице Дэйзи меняются от сердитого до напуганного. Над этим я посмеюсь позже, когда буду рассказывать Дениэлу.

— Но, Рэйган, я люблю тебя, а не Бекку.

— Тогда думаю, и вам стоит закончить это, — я легко обнимаю его и ухожу, прежде чем он снова запутает меня в свои объятия. — Прощай, Майк.

Слышу его пронзительное прощание, когда мы с Дэйзи удаляемся по коридору. Он не идет за мной. Майк не тот тип. Я и раньше не была такой девушкой, которой нужен парень такого типа.

Надеюсь, мы оба изменились.

Дениэл

Рэйган рассказала мне, что встречалась с Майком, и он счастлив, что она ушла. Не уверен в психическом здоровье Майка и думаю, что мир будет благодарен, если я убью его, как бесполезную собаку. Но не уверен, что Рэйган это понравится. Всё, что действительно имеет значение, чтобы она была счастлива.

Мы отлично проводим время, навещая её родителей. Они по-прежнему относятся ко мне, как к Богу, будто влюбить в себя девушку с амнезией, это великое достижение. В визитах к родителям хорошо то, что они дают нам горы продуктов, которые мы с Рэйган съедаем за пару дней. Может, мне стоит пойти на кулинарные курсы. Рэйган не лучший повар, да и я тоже. Один из нас должен научиться управляться с плитой лучше, чем для разогрева супа.

Мне хватило глупости пожаловаться на холод, что побудило её отца презентовать мне старую куртку, в которой я выглядел, как зефирный человек. Тем вечером она заставила меня смотреть фильм «Охотники за приведениями», который по её словам был фильмом ужасов. Рэйган попросила меня надеть эту куртку и из кусков бумаги сделала мне шляпу, как у этого зефирного существа из фильма. Она так смеялась, а в её глазах были слезы счастья, и я бы выступал мимом в парке, если бы это навсегда задержало улыбку на её лице. Но она все-таки согласилась, что мне нужна теплая одежда. Поэтому на следующий день мы пошли в банк, где Наоми хранила наши деньги, украденные ею у наркодиллеров. Рэйган ошеломила сумма. А я этого и ожидал. Наоми была хороша, поэтому её так ценили.

— Ты можешь стать домохозяйкой, — шучу я, когда мы выходим из банка.

Мне нужно было немного денег, чтобы купить куртку, в которой я не чувствовал бы себя, как между двух сшитых подушек. Но количество денег даже на одном счету позволило бы купить остров.

— Это звучит ужасно, — говорит она, — я бы сошла с ума, ничего не делая.

— С другой стороны, хорошо, что ты разбираешься в бухгалтерском учете.

— Не думаю, что мои навыки так высоки, — недовольно отвечает она.

Я целую её в лоб и обнимаю за плечо, пока мы идем к автобусной остановке:

— Просто представь. Ты сможешь купить наклейку на свой рюкзак с надписью: «Моя вторая сумка «Гермес».

Девушка бьет меня локтем в бок, но куртка защищает меня от всего. Хотя в чём-то она хороша.

Я постоянно занимаюсь ремонтом вместе с Ником. Для парня, который может часами сидеть без движения и следить за целью, у него слишком мало терпения в отношении бытовых проблем.

— Ты действительно считаешь, что быть арендодателем — это правильное занятие для тебя? — спрашиваю я как-то, когда он выскакивает из квартиры на первом этаже, чтобы перекрыть воду.

Мы пытались подключить раковину, но видимо сделали что-то не так. Я довольно хорошо разбираюсь в оружии и уходе за крупным рогатым скотом, но вот сантехника и проводка? Это похоже на попытку разгадать хитросплетения женского ума. В этом деле нужно время и терпение, чего у Ника нет, да и мне это не интересно.

Рэйган ходила в университет, пытаясь убедить их позволить ей сдать экзамены и получить диплом вместо того, чтобы заново весь семестр проходить тот же курс. Вот, в чем сложности жизни в реальном мире с его правилами, нельзя держать оружие у виска кого-либо, чтобы заставить его исполнить свою волю. Хотя я мог бы, но Рэйган бы этого не допустила.

Я кручу гаечный ключ в руке. Он тяжелый, и им можно было бы нанести большой урон. Я мог бы убить человека одним хорошим ударом такого ключа. Определенно можно вывести из строя человеком ударом в колено или локоть. Я отвожу руку с ключом назад, чтобы проверить сопротивление воздуха стальному инструменту.

— Что ты делаешь?

Вздвогнув, я вижу Рэйган, стоящую в дверном проеме позади Ника.

— Да, ничего.

Я возвращаюсь в исходное положение, и сам себе напоминаю мечника перед воображаемым врагом, положив ключ на стол, и шагаю к Рэйган.

— Выглядит так, будто ты проходишь кастинг на фильм об убийцах, — в её голосе и выражении её лица читается скептицизм.

Я затягиваю Рэйган в свои объятия и покрываю её шею влажными поцелуями.

— Никогда не угадаешь, когда мне придется защищать от таракана или паука. Я не могу позволить своим навыкам заржаветь.

Откинув голову набок, она открывает мне больший доступ к её чувствительной коже на шее. Девушка дрожит, когда я дохожу до тайного места за ушком, и обнимает меня, вытесняя из моей головы мысли о ремонте, заменяет их представлением её

прекрасного тела над моим. Рэйган стала хорошо питаться с тех пор, как мы уехали из Бразилии. И теперь она очень хорошо выглядит, а мне нравится ощущение её округлостей в моих ладонях.

— Боже, как же горячо. Пойдем наверх.

Не дожидаясь ответа, я перекидываю руку и сжимаю её восхитительную задницу.

— У меня вся кровь в голове притекла, — жалуется она.

— Не волнуйся, скоро она вся соберется между твоих ножек.

Мне нравится такая позиция, потому что так она не может видеть мое самодовольное выражение лица.

— О, да, малыш.

— Мы же договорились, что ты будешь называть меня Огромным Диким Дениэлом.

В ответ мне достается несколько ударов по спине. Но эти милые удары превращаются в ласки, когда мы в спальне, а моя голова между её ног. Рэйган мнет руками мои плечи, пока я концентрируюсь на вкусе и запахе её фантастической киски.

Когда я, наконец, вхожу в неё, она вознаграждает меня чудесной изумительной улыбкой и изумленно выдыхает:

— У тебя огромный член, Дениэл.

— С каждым комплиментом он становится всё больше, — ворчу я, сжимая её бедра и впиваясь в её сладкое тело.

— Он гигантский. Больше, чем у слона.

Меня сотрясает смех, и я позволяю ей перевернуть меня и прокатиться на мне, как на диком мустанге. Секс с Рэйган отличный: веселый, интенсивный и страстный.

После нескольких постельных боев Рэйган закручивает указательным пальцем волосы на моей груди. Если бы мое тело не было так измотано, наверное, это показалось бы мне щекотным.

— В последнее время ты кажешься обеспокоенным.

— Мне кажется, нам нужна кровать побольше. Здесь мало места, чтобы сделать всё, о чем я мечтаю.

Девушка оттягивает несколько волосков:

— Я серьезно. Я беспокоюсь за тебя. Не думаю, что мастер на все руки — это то, чем ты хочешь заниматься до конца своих дней.

Я поворачиваю её и беру её голову в свои руки.

— Если я проживу с тобой до конца своих дней, тогда всё будет хорошо. Это единственная вещь, которая имеет значение.

— Тогда тебе нужно снова вставить в меня свой член, — у нее игривый голос, но во взгляде беспокойство, которое я и правда не знаю, как развеять.

— Ты хочешь отправиться домой?

— Я дома.

Я специально недопонимаю Рэйган. Это правда. Мой дом рядом с ней.

— Пока ты любишь меня, всё хорошо.

Она смотрит на меня так, словно хочет спорить или протестовать, но у меня есть другая идея. Я поднимаю её на руки и несу в душ, где показываю, как доволен быть дома. И не важно, что не могу вернуться домой, пока Наоми не закончит свои дела в России, но я всё равно не могу покинуть Рэйган. Ранчо в Техасе не для всех.

На следующий день я опять занимаюсь раковиной, пока Ник занимается в художественном классе. У него я научился немногому, разве что украинским ругательствам и пинанию труб. Раковина была установлена, осталось только поставить уобразный слив, и я закончу. Рэйган ошибается. Я получаю удовольствие от ремонтных работ. Я так увлекся работой, что не слышал, как открылась дверь и топтание внутри квартиры. Я даже не понял, что не один, пока не вылез из-под раковины и не увидел старика рядом с Рэйган. Он выглядел лет на тридцать старше своего возраста.

— Папа, — осторожно говорю я, снимая кожаные рабочие перчатки и бросая их в раковину, — ты так далеко от ранчо.

Не помню, когда мой старик последний раз покидал Техас. Я несколько раз моргаю, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

— Из Далласа был прямой перелет, — коротко говорит он, осматривая всё в комнате, кроме меня.

Я пользуюсь моментом, чтобы вопросительно взглянуть на Рэйган, но она лишь таинственно улыбается.

— Милое местечко.

— Оно не моё, — у меня не получается использовать длинные слова в разговоре с ним.

Рэйган поднимает руки, будто не может во всё это поверить и улыбается моему отцу. Учитывая, что Рэйган выглядит сексуальнее, чем вся команда болельщиц далласских ковбоев, эта улыбка срабатывает на отца, как масло на сковороде с беконом.

Он несколько раз ошеломленно моргает в благодарной тишине. Но затем она жалеет его и подходит ко мне, убивая тем же взглядом.

К счастью, у меня уже выработался небольшой иммунитет к таким горячим взглядам.

— Ну, папа, рад тебя видеть. Мама с тобой?

Он качает головой:

— Твоя сестра...

Он останавливается и прочищает горло. Упоминание Наоми делает меня жестким, как доска.

— Твоя сестра позвонила и сказала, что она работает над проектом, и она не может вернуться домой.

— Она отправляет мне электронные письма и говорит, что у неё всё хорошо, — говорю я ему.

Это была часть моей сделки с Василием, регулярные контакты. Он периодически должен прерывать её, чтобы она ежедневно писала мне. Наоми часто теряется в своем мире.

Отец кивает.

— Да.

Когда мы молчим долгое время, Рэйган вскидывает руки и кричит:

— Ради бога! Вы оба невозможны! Наоми позвонила мне и спросила, почему мы не поехали на ранчо. Я сказала, что ты не можешь вернуться домой, пока не вернется она. Она сказала, что не знает, когда сможет вернуться. Потом мы вместе позвонили твоим родителям. Дениэл, твои родители хотят, чтобы ты вернулся домой.

На меня накатывает волна эмоций, я шагаю к ней, благодаря Бога, что Рэйган стоит недалеко:

— Это правда?

Отец кивает, глядя в пол, затем поднимает мокрые глаза, и мы встречаемся взглядами:

— Мы скучаем по тебе, сынок. Твоя мама. Ей нужен её мальчик.

Мне трудно говорить из-за кома в горле, но спустя минуту я обращаюсь к Рэйган:

— Ты поедешь со мной в мой дом?

Она сердечно улыбается мне и говорит:

— Я с тобой до последнего вздоха.

Глава 31

Рэйган

Из Миннесоты в Техас мы отправляемся на крошечном хэтчбеке, чтобы я могла взять с собой коробки с DVD и одежду. Дэйзи плачет всё время, пока мы прощаемся, и обещает навестить. Ник был мужественный и украинский, как всегда. Хотя они с Дениэлом обмениваются коротким одноруким объятием перед отъездом.

Это странно, но мне не грустно покидать Миннесоту. Чистый уход. Я перевелась из своего колледжа в местный университет. В Миннесоте я почти ничего не оставляю, но всегда могу вернуться на выходные. Раз Дениэл хочет ехать в Техас, мы едем туда.

Дорога занимает несколько дней. Мы останавливаемся рядом с надписями «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», чтобы сфотографироваться, покупаем туристические сувениры, едим в придорожных забегаловках и занимаемся любовью на тесном заднем сиденье, когда больше нет сил терпеть. Эта самая интересная поездка в моей жизни. Каждый день я просыпаюсь и вижу лицо Дениэла рядом со мной на постели. Я так благодарна, что Дениэл стал для меня всем. Он никогда не бросит меня, особенно, если я нуждаюсь в нем. Не каждый парень связался бы со сломленной девушкой, шлюхой в прошлом. Но Дениэл никогда не заставлял меня чувствовать себя грязной или испорченной, ничего такого. Только невероятно красивой.

Что такого, что он хочет вернуться в Техас и помогать родителям? Мы едем в Техас. Это не вопрос для меня.

Техас оказывается совсем не таким, как я ожидала. Мне представлялись бесконечные ковбои и крупный рогатый скот, но единственное, что мне бросается в глаза, он пустой. Пустой на мили и мили вокруг. Здесь немного колючих деревьев, но в целом, кроме травы пережари-поле пусто. Дениэл говорит, что западный Техас, в котором мы находимся, не такой, как восточный, там есть деревья. Но думаю, это просто рассказы, хотя мне всё равно.

Табличка с надписью ранчо Хейзов стоит ровно посередине. Я удивлена, когда мы сворачиваем с дороги и оказываемся перед металлическими воротами с переплетенными буквами Х и Д.

— Это наш бренд, — говорит Дениэл, и в его голосе слышна гордость.

Это так потрясающе.

— И что производит этот бренд? — спрашиваю я, когда мы проезжаем через ворота.

— Ну, всякое там. Быки, телята, блондинки, которые плохо себя ведут, — он играет бровями так, что я фыркаю.

— Тогда полагаю, мне надо хорошо себя вести, — говорю я, а он стонет в ответ, положив руку мне на колено.

— Да, нужно, — говорит он. — Мне не нужен стояк в штанах, когда я буду обнимать свою маму.

Я хихикаю, пока мы спускаемся по длинной дороге и паркуемся перед ранчо. Это чудовищно огромное здание из дерева и камня полукруглой формы. В любом другом государстве такое строение назвали бы особняком, но здесь его называют просто дом.

Когда мы выходим из машины, из дома к нам идут два человека. Это отец Дениэла и женщина с копной седых волос, должно быть, его мать. Она плачет и протягивает руки прежде, чем спускается с крыльца. Женщина обнимает Дениэла и плачет, на них же наваливается папа, и они теряются в своем мире на несколько минут.

Затем мать отрывается от Дениэла, вытирает щеки и направляется ко мне, вытянув руки:

— О, Боже. Это должно быть, Рэйган. Дениэл, она такая хорошенькая, — и она окутывает меня в свои теплые объятия, прежде чем я успеваю отойти.

Её прикосновения заставляют меня замереть на мгновение, но Дениэл опускает руку мне на плечо, и я снова в порядке.

— Мам, я же говорил...

— О, — выдает она, убирая руки, — мне так жаль.

— Всё в порядке, — быстро говорю я, чтобы никто не успел обидеться. — Я в порядке.

Она мило улыбается мне:

— Я так рада увидеть свою новую дочь.

Новая дочь? Я чего-то не знаю? С подозрением смотрю на Дениэла, но он лишь целует меня в ответ.

— Я сказал ей, чтобы мы идем в комплекте. Наверное, она решила, что мы собираемся пожениться.

— О, — удивленно говорю я. — Прямо сейчас?

Дениэл смеётся:

— Ну, не прямо сейчас, но... скоро?

В его взгляде читается вопрос, который радует и удивляет меня.

— Может быть, когда я получу настоящее предложение? — нахально поддразниваю я.

— Требования маленького бойца, — говорит он с усмешкой в голосе.

Затем мы попадаем в бурю болтовни его матери. У отца при этом такой терпеливый взгляд, что выражение его лица напоминает мне Дениэла в спокойствии. Так, мы и оказываемся дома.

Через несколько часов мы с Дениэлом лежим в постели. У ранчо интересная планировка, которой я никогда раньше не видела. Нам с Дениэлом отводят отдельный дом, который связан с главным домом крытой дорожкой. В нашем доме есть спальня, роскошная ванная комната и даже крошечная кухня. Напротив нашего домика бассейн, а за ним вдали конюшни. Дениэл говорит, что дом был построен для тещи, но до сих пор никогда не использовался. Он действительно прекрасен. Мы можем уединиться от его семьи, но в то же время быть достаточно близко, чтобы проводить с ними много времени.

День оказывается очень насыщенным. У меня выдается грандиозная экскурсия по ранчо, знакомство с длиннорогими животными и прогулкой по периметру. Похоже на то, что они владеют маленьким островом.

Мне понравилось. Будто я оказалась в мини-крепости, но вместо бойцов тут был скот. В любом случае, я чувствовала себя в безопасности.

Похоже, Дениэл счастлив. В его взгляде свет, который я не видела в Рио, а когда он смотрит на меня то, не может перестать улыбаться. Я знаю, почему. Его картина завершена. Он нашел Наоми. И хоть она не вернулась домой, она в безопасности. Он снова дома со своей семьей. И у него есть я.

— Завтра, — говорит он мне, притягивая к себе и покрывая шею поцелуями. — Завтра мы покатаемся на лошадях, и я покажу тебе новорожденных козлов. Тебе понравится. Симпатичные маленькие козлята.

Он скользит рукой к моей груди и обнимает её.

— М-м-м, — я провожу пальцами по его волосам. — Ты собираешься превратить меня в сельскую девушку? Поэтому предупреждаю тебя сразу, момент упущен, я совсем не такая. Боюсь разочаровать тебя.

Мужчина хихикает и перекатывает мой сосок в пальцах, отвлекая меня.

— Боец, ты никогда меня не разочаруешь.

Почему-то это признание вызывает слезы в моих глазах.

— Никогда? — спрашиваю я более жалостливо, чем хотела.

Дениэл думает, что я сильная, а я, похоже, плачу.

— Никогда, — говорит он, и яростно залазит на меня сверху, а затем смотрит на меня и касается пальцами моего подбородка. — Как я могу разочароваться в тебе, Рэйган? Ты ненормальная. Я тоже. Может быть, мы немного испорченнее, чем обычные люди. Но мы будем милыми и испорченными вместе. И когда-нибудь у нас будет семья. Наоми будет дома. И мы вместе будем управлять фермой.

Я киваю, потому что это звучит прекрасно.

— Вместе.

— До последнего вдоха, — снова бормочет Дениэл, — Я никогда тебя не покину. Никогда.

И я знаю, что это правда.